Ольга Нионовна Хмелева (Качулкова)

Робинзон в русском лесу

Ольга Нионовна Хмелева (Качулкова)
Робинзон в русском лесу

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7408975
Робинзон в русском лесу: 1873

Аннотация

«…Жизнь человека – длинный путь с многочисленными трудностями и препятствиями. Оглядываясь на то, что уже пройдено, он учится многому, начинает больше верить в собственные силы, но часто открывает и большие ошибки там, где прежде видел только разумное, хорошее и приятное дело. В моей жизни было, разумеется, не одно заблуждение, которое я понял только гораздо позднее, но одно из них имело такие важные последствия, такое влияние на всю судьбу мою, что теперь, когда я уже стар и сед, я не могу не поделиться воспоминаниями о нем с моими соотечественниками. Может быть, в правдивой повести о моих мечтах и фантазиях и о том, как горько разбились они о жестокую действительность, какой-нибудь юный фантазер найдет для себя благое предостережение, а падающий духом встретит живой пример того, что нет в мире положения, из которого не вывела бы человека твердая решимость, настойчивость и неутомимый труд.…»

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	25
Глава третья	33
Глава четвертая	39
Глава пятая	66
Глава шестая	85
Глава седьмая	94
Глава восьмая	102
Глава девятая	107
Глава десятая	114
Глава одиннадцатая	122
Глава двенадцатая	130
Глава тринадцатая	135
Глава четырнадцатая	142
Глава пятнадцатая	157
Глава шестнадцатая	162
Глава семнадцатая	179
Глава восемнадцатая	192

Ольга Качулкова
Робинзон в русском лесу

Глава первая
Я и мои воспоминания. Мой характер. Рисковое увлечение. Мой пособник. Безумство, имевшее множество неожиданных последствий

Жизнь человека – длинный путь с многочисленными трудностями и препятствиями. Оглядываясь на то, что уже пройдено, он учится многому, начинает больше верить в собственные силы, но часто открывает и большие ошибки там, где прежде видел только разумное, хорошее и приятное дело.

В моей жизни было, разумеется, не одно заблуждение, которое я понял только гораздо позднее, но одно из них имело такие важные последствия, такое влияние на всю судьбу мою, что теперь, когда я уже стар и сед, я не могу не поделиться воспоминаниями о нем с моими соотечественниками. Может быть, в правдивой повести о моих мечтах и фан-

тазиях и о том, как горько разбились они о жестокую действительность, какой-нибудь юный фантазер найдет для себя благое предостережение, а падающий духом встретит живой пример того, что нет в мире положения, из которого не вывела бы человека твердая решимость, настойчивость и неутомимый труд.

Не думайте, что я начну вам рассказывать историю бедствий и ошибок одинокого, покинутого ребенка. Напротив, детство мое было самое счастливое, окруженное всем, что только может дать судьба для полного счастья.

Семья у нас была большая. Жили мы в своем большом родовом имении. Отец очень любил нас всех, но ему было некогда особенно много заниматься нами. Хотя он был помещик и всегда жил в деревне, но далеко уже ушел от того странного типа помещиков, которые мирно и жирно поедали хлеб, выработанный по первобытному способу крепостными хлебопашцами. В свое время он много читал и учился, и однажды придя к мысли, что природа есть материал, из которого человек должен всеми способами создавать условия для своего благосостояния и счастья, – твердо и усердно принялся проводить ее в исполнение. Земли, воды и лесу у него было много, и вся жизнь его стала непрерывной полосой энергичной и полезной деятельности. Он сеял травы, разводил скот, установил правильное лесное хозяйство, завел кожевенный завод, лесопильню, мельницу. При такой деятельности его, разумеется, часто не бывало дома, и вся наша до-

машняя жизнь велась под руководством матери. Это была женщина тоже прекрасно образованная, энергичная, умная и в то же время поражавшая каждого чрезвычайной нежностью и добротой.

Пока позволяло здоровье, она никого не допускала заниматься нашим воспитанием и учением. Старший брат мой, Анатолий, бывший уже студентом в то время, с которого я начинаю свой рассказ, сестра Саша, учившаяся уже в институте, да и сам я и мои две младшие сестры, все это были ее ученики. Только для летних прогулок и для порядка в детских жила у нас старушка немка Августа. Ивановна.

Со стыдом вспоминаю я теперь свои занятия с матерью, ее терпение и мою непобедимую лень и рассеянность. Я очень рано выучился грамоте и пристрастился к чтению. Этот легкий способ перемещаться из страны в страну, не двигаясь с места, делить с героем его труды, подвиги и триумфы был мне чрезвычайно по сердцу, но все, что требовало хотя бы самой ничтожной усидчивости или самого легкого труда, было уже решительно не в моем вкусе. Сначала отец хотел, чтобы я приготовился и даже прошел дома несколько классов реального училища. Но постоянные дурные отзывы матери о ходе моих занятий заставили его изменить намерение. В то время военное образование стояло гораздо ниже гражданского, и меня решили отдать в корпус.

Я слегка огорчился, мне было стыдно, но скоро возможность отдать еще больше времени чтению всего без разбо-

ру утешила меня окончательно. От природы я был великий фантазер, способный увлекаться чем попало. На беду, книги мне попадались не детские, а по большей части старинные романы со сказочно богатыми, сильными и храбрыми героями. Поэтому, когда я закрывал книгу и вынужден был обратиться из могучего рыцаря-барона в обыкновенного и даже довольно плохого мальчика, которому часто доставалось за лень и рассеянность, то просто начинал скучать и тяготиться своей жизнью. Мне казалось, что и дом у нас не хорош, и свободы мне дают мало, и сестры мои глупы.

Я стал любить уединение и если не читал, то был способен лежать по целым часам неподвижно и сочинять тысячи самых безумных, нелепых планов и историй, и все они клонились, разумеется, к тому, чтобы избавить меня от моей «горькой», «обыкновенной участи».

На счастье, или несчастье, на одной из полок нашей библиотеки мне попалось полное описание путешествий Дюмон-Дервиля. Сначала меня очень заинтересовал атлас рисунков, а затем сами описания. Вероятно, не малую роль играло и то сознание, что все здесь было «истинная правда». Я принялся читать путешествия с обычным безмерным увлечением. Теперь, вместо какого-нибудь графа Монте-Кристо, я воображал себя великим исследователем, цивилизатором и благодетелем целых стран, искренне забывая при этом, что сам цивилизатор, который собирался благодетельствовать, не умел найти страны на карте.

Я окончательно уединился от сестер и взрослых в семье, по-прежнему ленился, но мечтал уже не лежа, а выделывая ножом разные штуки наподобие оружия дикарей. Эта новая затея заставила меня свести дружбу со старым столяром Михайлов и сыном камердинера моего отца, Васей.

Вася рос вместе с нами и впоследствии сыграл важную роль в моей жизни. Отец его был раньше крепостным человеком моего отца, но и после освобождения крестьян они на всю жизнь остались и господином, и слугой, и взаимна преданнейшими друзьями. Мать Васи умерла, когда ему было пять лет. Отец мой тотчас же велел взять его «в горницы». Его стали одевать в наши поношенные платья, кормить остатками от нашего стола и допускать играть с «барчуками». По тогдашнему мнению взрослых людей, это была великая милость и честь для сына крепостного человека. Но мы, дети, к счастью, не замечали ни размеров этой «милости», ни той разницы, какая существовала между нами и Васей. Для нас он был просто товарищем игр, а иногда и предметом зависти, потому что пользовался большей свободой, чем мы.

Мы смиренно сидели в классе, а Вася до хрипа кричал в хлебных сараях, загоняя птиц в силки, которые плел и расставлял по крышам с великим мастерством. Мы, скромно стоя на плоту, удили мелкую рыбу, а Вася бойко разъезжал по озеру в челноке, забирался в тростники и возвращался с крупными лещами, плотвой и язями. Как же было не зави-

довать детскому умишке такой блаженной свободе.

Между мной и Васей была огромная разница. То, что у меня было робкой мечтой или неясной фантазией, у него тотчас же обращалось в дело. На разные мелкие ручные поделки он был великий мастер. Если где-нибудь в селе появлялась замысловатая скворечница, или чучело с ветряной трещоткой в огороде, или шумливая водяная мельница на ручье – нечего было и спрашивать, кто это сделал.

Моя фантазия делать оружие на манер разных дикарей, разумеется, встретила в нем большое сочувствие и усердное содействие. Старика Михаилу тоже забавляли более или менее остроумные приспособления, особенно когда я приправлял их интересными рассказами о том, «какие люди живут за морями». Я стал подолгу засиживаться в столярной и кое-как научился владеть инструментом.

Между тем ученье мое шло по-прежнему безнадежно плохо. В один из приездов отца мать снова жаловалась на меня и рассказала о моей новой фантазии работать в столярной.

– Так что ж – и пусть сидит и работает, – ответил он сухо, – это лучше, чем валяться по диванам и уж решительно ничего не делать. А только вот что я тебе скажу, Надя, думал я продержать его дома лет до пятнадцати, пока он сложится и окрепнет, но теперь вижу, что это просто невозможно. Он сам теряет попусту время, да и тебя измучил. Осенью свезу его в корпус.

Эта перспектива не особенно мне нравилась. Я просто ис-

пугался и несколько одумался. Способностями меня Бог не обидел. Я стал работать очень усердно и скоро не только утешил, но даже привел в восторг мою бедную мать.

У моей матери был двоюродный брат, человек еще молодой, не глупый, богатый и беззаботный. Зиму он проводил в Петербурге, но перед Пасхой переселялся в свое имение, соседнее с нашим. Впрочем, большую часть времени он проводил у нас потому, что был очень дружен с родителями.

Этот холостяк и богач дядя являлся всегда с целыми возами всевозможных подарков.

Мне шел уже тринадцатый год, и на этот раз дяде вздумалось приурочить свои подарки к моему возрасту. Через несколько дней после его приезда, когда привезли его багаж, он подарил мне отличное английское ружье со всем охотничьим набором, полный комплект не игрушечных, а настоящих инструментов плотника и столяра и несколько хороших, роскошно переплетенных книг.

Весь вечер прошел в рассматривании, похвалах и благодарностях. Мы, дети, даже несколько опоздали лечь спать. Однако сестер скоро увела из-за чайного стола Августа Ивановна. Я один остался в столовой и лениво допивал свой стакан. Смежная комната была будуаром моей матери. Тотчас после чаю отец ушел в кабинет к своим счетам и бумагам, а мать увела дядю к себе. Между ними завязалась сначала просто веселая болтовня, но скоро они перешли к серьезным семейным делам.

Они, вероятно, забыли обо мне, и я невольно подслушал разговор, имевший впоследствии влияние на всю мою жизнь.

– А что Сергей? – вдруг спросил дядя, – вы писали, что он за последнее время начал чудить по-новому?

– Да, мальчик очень заботит меня, – грустно проговорила мать, – это просто не человек, а какое-то ходячее увлечение. Все решительно он делает как-то порывом! А это не предвещает ничего доброго! То ленился и целыми днями лежал и о чем-то думал. Потом принялся столярничать. Теперь новый припадок: с некоторых пор стал так учиться, что просто поражает и меня, и отца. Способности у него прекрасные, но я боюсь, что это полезное увлечение протянется недолго!

Мне стало как-то жутко… стыдно за себя, жаль мать. Но я сидел и продолжал слушать.

– Вот теперь, – снова начала она, видимо, старалась говорить как можно громче, – я, разумеется, очень благодарна вам за внимание к сыну, но, признаюсь, ваши подарки очень озаботили меня! Заметили вы, до чего он обрадовался ружью? Теперь он станет целыми днями думать о нем и возиться с ним, а значит, опять забросит ученье. Да дай Бог еще, чтобы, при его рассеянности, эта игра с оружием не окончилась чем-нибудь ужасным!

– Полноте, кузина, – горячо заговорил дядя, – как вы до сих пор не видите, что это ребенок с необыкновенными задатками, что он не может улечься в рамки всех детей вооб-

ще. Вы почему-то тоскуете, что он не будет у вас гладеньким гвардейским офицером или усердным чиновником, но что за несчастье, если он станет великим путешественником или изобретателем? Что касается ружья и инструментов, так ведь он мальчик, пусть и развивается по-мужски! Вы говорите, что он горяч, но уверяю вас – ничто не учит так хладнокровию и самообладанию, как ружье. А что касается учения, то мы не дадим ему его забросить. Я сам стану учить его стрелять, но поставлю кое-какие условия. А через месяц приедет Анатоль и освободит вас от трудов с ним.

В эту минуту в столовую возвратилась Августа Ивановна и отправила будущего великого изобретателя спать.

Добрый дядя! – он говорил так, чтобы утешить мою бедную мать! Но он не знал, какой безумец его слушал, и какие горькие последствия имели его слова даже для той, кого он хотел ими утешить!

Я долго не спал в эту ночь и все раздумывал, что значило дядино слово «рамки» и чем я лучше других детей и особенно моих «глупых» сестер, и заснул очень довольный собственной персоной.

Однако опять залениться мне не дали. Дядя сам ходил стрелять со мною сначала в цель, которую мы устроили на гумне, затем даже и в птиц, сам обновил со мною все инструменты в столярной; зато сам же присматривал и за тем, как я готовлю уроки. На каникулы приехали Анатоль и Саша, и тут мне стало решительно невозможно или размечтаться,

или просто полениться, потому что я был предметом общих забот в семье, предметом, который нужно было спасать от гибельных последствий лени.

Впрочем, я быстро сам понял непосредственную выгоду хорошего учения. Все стали со мною гораздо приветливее, даже отец.

Лето оказалось для хозяйственных дел отца замечательно счастливым. Сенокосы удались как нельзя лучше, первые умолоты доказали, что урожай окажется превосходный, скот отлично выходился и заметно приумножился. Отец был чрезвычайно в духе.

Весельчак дядя все уговаривал его отпраздновать такую счастливую осень каким-нибудь особенным удовольствием и, наконец, предложил «тряхнуть помещичьей стариной» – устроить охоту на отъезжем поле. По его ходатайству решено было взять и меня.

Местом охоты выбрали рощи верст за двадцать от нашего села, где было много зайцев и всякой дичи. В несколько дней весть о нашей затее и приглашение принять в ней участие облетела всю окрестность. Дня за два стали к нам съежаться дальние соседи с ружьями и собаками. Наш всегда скромный и тихий дом словно переродился. Везде стало шумно и людно, слышались охотничьи рассказы и анекдоты, громкий хохот, отрывистые команды, под которые хорошо дрессированные собаки выделывали разные удивительные штуки.

Меня на целую неделю освободили от занятий. Да и едва

ли мог бы я чему-нибудь выучиться за эти дни. Я был точно в чаду. Множество чужих лошадей во дворе, десятки ружей разных систем, дрессированные собаки, байки охотников, – все это поглощало меня всецело днем, а ночью… я по обыкновению мечтал и фантазировал.

Наконец на рассвете одного дня меня поспешно разбудил и одел Вася. Все охотники закусывали и пили чай в столовой. Мать моя была тоже там. Она сама очень заботливо накормила и напоила меня, а когда мы стали прощаться, она благословила меня с той скрытой тревогой в глазах, которую я часто подмечал в них, когда у нас в доме кто-нибудь заболевал серьезно. Но я тогда не умел оценить этой тревоги!

Я почти вырвался, побежал к себе, надел свой новенький щегольский ягдташ, пороховницу, дробницу, нож и все остальные охотничьи доспехи. Все это было лишь излишним грузом мне и лошади и могло бы доехать до места охоты на одной из телег. Теперь я понимаю, что был смешон и жалок, но тогда мне мерещились охотники Арканзаса и нестерпимо храбрые герои Майн Рида.

На месте охоты нас уже ожидали телеги с тенетами и целые толпы крестьянских мальчиков-погонщиков. Тенетами называется сетка в сажень шириной и несколько десятков саженей длиной. Ее ставят полукругом по опушке какой-нибудь рощи или леса, прикрепляя к деревьям, кустам и кольям. Особенно следят за тем, чтобы нижний край приходился плотно к земле. Затем погонщики, отойдя за версту,

за полторы, становятся также полукругом и с криком и трещотками бегут обратно к ним. Все зайцы и лисицы, которые были в этом кругу, бегут от шума и попадают в сети тенет. Охотникам остается только убивать их.

Но дяде и отцу скоро надоела эта охота, скорее похожая на хищническое истребление. Мы стали охотиться без тенет, исходили огромные пространства, подкрепились тем, что нашлось в ягдташах, и только к вечеру, когда уже стемнело, вышли на поляну, среди которой расположился наш лагерь.

Никогда в жизни не забуду того восторга, в который привел меня его вид. В сумраке ярко пылало несколько костров. Два огромных шалаша отбрасывали колоссальные тени, невдалеке чернели фигуры лошадей, привязанных к телегам. По мере того, как подходили охотники, картина все более и более оживлялась. У всех лица были веселые, оживленные движением. Это было так похоже на лагерь переселенцев в какую-нибудь необитаемую страну.

Я наскоро поужинал и забрался в шалаш. Мне было тепло, мягко, я ничего не боялся и, разумеется, фантазировал.

– Что за прелестная жизнь! – думалось мне. – И отчего бы отцу не жить так постоянно! Что ему за охота, то ездить по скверным дорогам, то проводить ночи за счетами, чертежами и скучнейшими книгами по химии! Вот и меня так мучают! Ну зачем мне знать какую-то таблицу умножения, геометрию, физику! Вон сколько здесь людей, и живут они, и счастливы без этой премудрости.

Я заснул среди таких радужных мыслей.

Второй день охоты прошел точно так же, как и первый, но на третий произошло одно обстоятельство, которое окончательно вскружило мою несчастную голову.

Обойдя все рощи, на третий день мы перебрались к опушке большого бора. Дядя заранее предупредил меня, что на этот раз дело гораздо серьезнее, что в бору можно попасть и на медведя.

Охота шла своим чередом. Загонщики и собаки оцепили «остров» с одной стороны, мы, охотники, стояли с другой. Мрачный и спокойный лес вдруг наполнился звоном детских голосов, собачьим лаем, резким звуком трещоток.

Я, по обыкновению, стоял возле дяди с ружьем наготове, сладко замирал от ожидания. Вдруг в чаще послышался тяжелый топот и треск и стал быстро приближаться.

– Смотри, Сергей, не оплошай, это не заяц! – шепнул дядя несколько встревоженным голосом, – а главное, не вздумай бежать.

По правде сказать, я именно и собирался «пойти на утек», забыв все свои фантазии и храбрость, которую чувствовал и проявлял, читая на диване Майн Рида. Но слова дяди подстрекнули мое самолюбие и заставили овладеть собою.

В эту минуту из густой чащи молодых побегов березняка, рябины и ольшаника, прямо против меня, появилась рогатая голова лося. Растерявшись от крика и треска, он несся очертя голову и если и видел нас, то, вероятно, выбрал из

двух опасностей наименьшую, а потому не остановился, выпрыгнул из чащи и продолжал бежать ко мне. Я едва успел приложиться и выстрелить в то мгновение, когда он уже поравнялся со мною. Весь заряд крупной дроби засел у него в предплечье правой передней ноги. Лось сделал еще несколько отчаянных прыжков, сильно захромал и, наконец, рухнул на землю всей тяжестью своего грузного тела. Очевидно, густой град дроби перебил ему сухожилие. Дядя выстрелил почти вслед за мной и попал туда же. Вокруг вскоре собралась толпа охотников. Его тотчас же добили. Смерть лося спасла жизнь многим зайцам и лисицам. Поднялись толки и догадки. Должно быть, бедняга шел на соседнее овсяное поле и попал в наш «остров».

Я сделался героем дня. Расходившиеся охотники хвалили меня, точно все вышло не случайно, а по причине моей особой доблести. Даже отец шутливо поздравил и похвалил меня.

Я плавал в море самодовольства и все больше и больше начинал верить в то, что я юноша необыкновенный.

Вечером того же дня мы возвратились домой. Наша жизнь вошла в обыкновенную, ненавистную для меня колею. Анатоль, Саша и дядя уехали, отец хлопотал по делам. Я опять стал заниматься с матерью, но теперь уже некому было подгонять меня, и я опять заленился.

У меня появилось новое увлечение. Между книгами, ко-

торые привез дядя, была одна, которая свела меня с ума так, как я не сходил еще никогда. Это было роскошное издание «Робинзона Крузо». После охоты мне все мерещилась вольная жизнь в лесу, а тут вдруг встретил правдоподобный рассказ о том, как человек прожил один в лесу много лет. Я опять стал фантазировать. Мать несколько раз стращала меня корпусом, рассказывала, какие там строгости, какой порядок, трудная и скучная жизнь. Но я так верил в ее нежность и в то, что она не захочет отдать меня «на такую муку», что не особенно боялся ее угроз и продолжал свое.

Наконец, она пожаловалась отцу. Он был как-то особенно не в духе и не стал даже разговаривать со мной, а только сказал матери:

– В прошлом году я сдался на твои уговоры, поверил тому, что он исправился. Теперь вижу, что ошибся да и тебя измучил. В августе отвезу его в корпус – авось там человеком сделают! А безграмотных пастухов у меня и без него много.

По выражению лица и по тону его голоса я понял, что решение твердо и неизменно. Участь моя была решена! Очень пугало и мучило меня это обстоятельство. Я не спал несколько ночей, стал еще рассеяннее и все придумывал, как бы избежать того, что было теперь уже неизбежно.

Наконец, однажды вечером, начитавшись Робинзона, ночью я придумал выход! Сердце мое дико застучало от радости.

«Не удастся им сделать из меня гладенького офицера! –

думал я со злорадным торжеством, совершенно забывая, что под этим «им» подразумевались моя нежнейшая мать и вечно работавший для нас отец. – Дождусь лета и убегу. Если бежать в какой-нибудь город или деревню, – меня поймают и приведут обратно. Так убегу я в лес. Жил же Робинзон, проживу и я! Стрелять я умею даже получше его! Шалаш себе сделаю. А Пятница? – мелькнуло у меня в голове, – вдвоем все-таки как-то лучше. Эх, кабы товарища найти! Вася!» – чуть не крикнул я.

Я заснул совсем счастливый. Моя робинзоновская будущность казалась мне решенной и обеспеченной, а корпус лишился чести иметь в среде своих воспитанников «необыкновенного мальчика» и будущего великого человека.

На утро, когда пришел Вася подать мне умыться, я хитро и осторожно сообщил ему свой план. Но он замахал руками и ногами и вооружился всеми доводами, которые только мог изобрести его наивный ум.

Я несколько опечалился, но не унывал. Я был уверен, что Вася не выдаст меня, а чтобы уговорить его, у меня было впереди еще много времени. Я понемногу разбивал все доводы Васи, что было мне особенно легко с помощью Робинзона и некоторых книг путешествий. Удивительно, право, как извращенный ум человека может обратить даже полезнейшие вещи себе во вред.

Одно неожиданное обстоятельство помогло мне очень скоро убедить Васю. Слух о том, что осенью меня повезут в

корпус, скоро дошел и до людских.

В один вечер Вася пришел раздевать меня с опухшими от слез глазами.

– Чего ты? – спросил я.

– Одна, видно, у нас с вами участь, Сергей Александрович! – проговорил он горько. – Заодно с вами и меня отец в Петербург в ученье повезет. В резчики отдать хочет, а я еще раньше от Матвея наслушался, как там мастеровые учат. От одних побоев человек умереть может!

Мне это было на руку! И действительно, Вася согласился бежать со мною и со свойственной ему энергией принялся готовиться к нашей будущей лесной жизни. Он стал припасать веревки, гвозди, обломки кухонных и столовых ножей. Мы задумались, как доставить все вещи на место будущего жительства. Но и тут нашли выход. Чтобы выпросить себе некоторые поблажки в домашней жизни, я стал получше учиться. Для головы, занятой совсем иным, это стоило большого труда, но на этот раз я решился даже потрудиться, лишь бы удалось то, что я задумал. Мать была довольна мною и даже довольно охотно согласилась, чтобы я вместо обеденного моциона ходил в столярную и делал там себе с Матвеем тележку.

Бедный старик не мог надивиться, зачем я затеял такого «Язопа», как он выражался. Но я знал, что чем больше колесо, тем лошади легче везти экипаж, а этой лошадью предстояло быть мне самому. Хотелось также захватить с собой

из дому как можно больше необходимых вещей. А потому я настоял, чтобы колеса тележки были как можно выше, кузов узкий (чтобы проезжать между деревьями) и очень глубокий, как ни отговаривал меня Матвей. Оси, шины, шкворни и все остальные части мне сковали на кузнице при нашем кожевенном заводе, выкрасил ее один рабочий маляр-самоучка, и тележка вышла хотя и очень странная с виду, но как раз соответствовавшая моим целям.

Мы понемногу собирали спички, гвозди и особенно заботились о порохе, дроби и пулях. Дядя подарил их достаточно для мальчика моих лет, но что значило это количество для будущего лесного жителя! У меня была копилка, и в ней постепенно набралось порядочно денег. Я вскрыл ее и отдал их Васе, а он исхитрился и уговорил одного рабочего купить нам хороший запас пороху, дроби и свинца.

Наконец, в половине июня, когда все распустилось, воздух и земля окончательно прогрелись, дни стали жаркие, а ночи теплые, мы решились и назначили побег на 12 июня. Меня уже за три дня стала колотить лихорадка. Я не мог ни есть, ни спать. Вася тоже ходил бледный и мрачный.

Мой странный вид начал беспокоить мою мать. Она думала, что я нездоров. Вечером одиннадцатого она пришла ко мне в комнату, когда я лежал уже в постели, и присела на кровать.

– Что это с тобой, милый мой? – проговорила она с невыразимой, кажется, только ей одной свойственной неж-

ностью, – не болит ли у тебя что-нибудь?

От этих звуков всепрощающей любви у меня сжалось сердце, и я весь покраснел. Только в эту минуту я вполне ясно представил себе, что должен, может быть, навсегда расстаться с матерью. Мне захотелось плакать. Я готов был признаться во всем и далеко отбросить наш безумный план, но в то же мгновение мне представился мой решительный Вася и то, что я сам уговорил его, и мне стыдно будет отказаться.

Я промолчал и только крепко, изо всех сил, обнял и поцеловал мать. Она как-то тревожно и печально глянула па меня, отбросила волосы с моего лба, поцеловала меня и проговорила:

– Да и нервный какой ты стал! Впрочем, может быть, это от росту. Ты так растешь, – со временем гигантом, должно быть, будешь. Ну, ложись. Дай я тебя закрою. Мне и самой сегодня что-то очень спать хочется; наверное, очень устала в саду.

Она закрыла меня, благословила и неспешно вышла. Я лежал и горько плакал. Теперь я уже совсем, совсем ясно понимал, что затеял глупое, злое дело, но мое мелочное самолюбие не давало остановиться вовремя и сказать Васе о моем решении прямо. Я был, как и все недостаточно вдумчивые люди, рабом такого самолюбия и действовал, как раб.

Между тем все звуки в доме постепенно затихли. Утомившаяся работой в саду, прислуга улеглась рано и скоро заснула.

Вдруг под окном моей комнаты раздался шорох и за ним три условные удара в стекло. То был Вася. Я вскочил, подбежал к окну, беззвучно отпер его и помог Васе взобраться в комнату. Тележка стояла в саду.

– Все спят, – прошептал он, – одевайтесь скорее!

Я принялся дрожащими руками натягивать на себя сапоги и платье. Вася тихонько доставал из-под кровати все запасенные нами кульки, ящики и свертки. Собравши все это на подоконник, он вылез опять в сад. Одевшись, я подошел и стал подавать ему вещи, а он укладывал их в тележку. Тяжелый ящик с инструментами доставил нам немало хлопот. Наконец, все было уложено. Я оглядел комнату. На письменном столе лежали два моих перочинных ножа, я взял их и положил в карман. Комод с бельем стоял с не совсем притворенным ящиком. Я вытащил из него что попало и спустил к Васе. Он одобрительно мотнул головой. У печки приютился довольно большой ларь из дуба. Он принадлежал моей няне. Я не знал, что в нем лежит, но думал, что иголки, нитки и лоскутья, а потому взял и подал Васе.

– Зачем? – спросил он озадаченно.

– Там все пригодится!

– Пожалуй. Только довольно, не утащить будет.

Я, однако, вернулся еще раз и выбросил два одеяла.

Так отправлялся будущий великий путешественник и просветитель диких стран на долгую лесную жизнь, – без плана, без системы, не думая, что может быть действитель-

но нужным и что лишнее, а просто и бестолково хватая что попадается под руку.

У Васи было все уложено, и он ловко увязал воз. Я помог ему, и наконец мы двинулись в путь. Тележка оказалась на ходу действительно очень легкой. Я заметил, что предусмотрительный и практичный Вася смазал колеса салом, что очень облегчило передвижение.

Ступая как можно легче, мы тотчас же свернули в самую крайнюю аллею сада и спустились к выездным воротам. Вася отворил их мне и тихо сказал:

– Везите пока один, а я мигом догоню вас.

В стороне, в углу сада, среди густой чащи черемухи и сирени стояла баня. Вася побежал к ней и минут через десять догнал меня. За спиной его висело ружье, за поясом торчал топор. Одной рукой он держал под мышкой небольшую оконную раму, другой тащил два железных заступа.

Я остановился. Мы наскоро привязали все это к возу. Раму обернули одним из одеял.

– Откуда ты взял ружье, Вася? – спросил я.

– У отца, он стар уже на охоту-то ходить! – он отрывисто, отвернулся и сильно дернул оглобли.

Ему было стыдно. Я понял это и замолчал. Часа через два быстрой ходьбы, а подчас и бега, мы были уже далеко.

Глава вторая
Лес. Погоня. Истощение сил и голод. Решение возвратиться. Мы заблудились

В верстах трех от нашего села начинался огромный заповедный лес и тянулся на несколько десятков тысяч десятин. Он целиком принадлежал казне. Оберегали его от порубов казенные лесничие, но и они расхаживали только по опушке, потому что были уверены, что вглубь не пойдет никто.

Между крестьян о нем ходила дурная слава. Говорили, что посреди его есть глухое озеро, а над озером высокая гора, прозванная Чёртовым Городищем, что в густой чаще тамошних столетних сосен живут и пируют лешие, а по ночам над лесом точно стон стоит от их хохота и песен. Встарь сквозь этот бор пролегала «старосмоленская» дорога, но понемногу ее покинули и запустили.

У нас в семье часто говорили об этом лесе. Отец не любил его потому, что он был приютом тысяч волков, жестоко опустошавших стада всей окружности. Что касается причудливой фантазии крестьян, населявших их лешими, распевающими по ночам песни, то мы только смеялись над нею, потому что знали, что и «пели» и «хохотали» совы, которых в

такой глуши было, разумеется, много.

Июньские ночи коротки и светлы, едва мы успели углубиться в лес, как начало светать. Как хитро ни задумал я тележку, а все-таки она стоила нам великих трудов, приходилось идти не прямо, а извилинами, чтобы не застрять между деревьями. Местами нам перегораживали дорогу толстые стволы буреломника, – в таких случаях мы поднимали и переносили ее на руках. Но нас подгонял страх, что нас поймают и накажут. Мы оба были в поту от труда, усталости и бессонной ночи, однако двигались вперед довольно успешно, стараясь уйти подальше в глубину леса.

Солнце уже высоко поднялось над лесом, а мы все еще шли и тащили свою кладь. Наконец, вероятна, часов около восьми утра, я не выдержал, выбрал место поудобнее и бросился на мягкий мох.

– Нет, Вася, я больше не могу!

– Что ж, отдохните, тут глухо! – охотно согласился он.

Только теперь я понял всю меру своей усталости. Ныла каждая косточка, и есть хотелось нестерпимо.

– Вася, – проговорил я несмело, – а что же будем есть? Ведь у нас ничего нет!

Он тоже в изнеможении лежал возле меня с полузакрытыми глазами, но при этих словах довольно бодро приподнялся на локте. Самодовольная улыбка осветила его красное лицо с облипшими от поту волосами.

– Ну вот, вы с вашим Робинзоном, Сергей Александрович и сплоховали! – проговорил он. – Тот попал в какой-то рай земной, а мы с вами в русский бор ушли. Разница-то есть! Вы вычитывали, а я сам думал, и с голоду мы пока не пропадем!

Я просто просиял, а он привстал на колени и начал развязывать воз. Оказалось, что Вася стащил из людской столовой два каравая черного хлеба фунтов по десяти, целый окорок, десятка три вареных яиц и какую-то большую жестянку, не уложил все это на дно тележки, по» этому нам пришлось перебрать всю свою поклажу.

– Уж нечего сказать, принял я греха на душу, – добродушно каялся Вася, – яйца-то мне тетка дала. Я у нее их четыре дня все выпрашивал. Каждый день говорил, что на озеро поеду и рыбы ей привезу. И ездил, и возил, а яиц не ел, все прятал! А в жестянке этой зерно, фрукты сушеные, – грешный человек, – в кухне стащил уж совсем вечером. Верно, повар с ключницей забыли. Да вот и квасу две бутылки, от господской окрошки в буфете остались.

В другое время я прочел бы Васе дружеское назидание и не дотронулся бы до такой провизии, но теперь был рад его проделкам, как, вероятно, радуется кошка стащенному кусочку мяса.

Мы поели и решили поспать час-другой. Солнце уже перебралось за полдень, когда меня поспешно растолкал Вася.

– Вставайте скорее! – говорил он, – в лесу стреляют, верно нас ищут!

Я вскочил, почти не замечая, как болят мои непосильно утомленные кости. Мы наскоро связали воз и пошли все глубже и глубже в лес. Выстрелы постепенно затихли вдали. После четырех часов усердной борьбы с препятствиями мы снова сделали привал. На этот раз вскрыли жестянку, думая полакомиться. Но каково же было наше разочарование, когда вместо сушеных фруктов в ней оказалась крупная поваренная соль. Впрочем, Вася скорее обрадовался этому приятному открытию, да и сам я понял, что останься мы в лесу без соли, – что стали бы мы делать? У Робинзона было под рукой море со своей соленой водой, которую стоило только выпарить на жарком и южном солнце, а у нас ничего подобного даже не предвиделось!

На этот раз мы уже не ложились, а решили идти вперед до ночи. Наконец стало смеркаться. Мы выбрались на небольшую поляну, на которой было посуше и не так много бурелома.

– А ведь пора подумать и о ночлеге, Сергей Александрович, – проговорил Вася, останавливаясь, – не знаю, как вы, а я совсем выбился из сил! Только как же мы ночевать-то будем? Ведь здесь глушь такая, что сюда уходит на лето всякий хищный зверь. Того и смотри, наскочат на нас волки, а еще того лучше – сам Михайла Иванович Топтыгин. Робинзон спал на дереве, а мы лучше разведем костер, зверь ночью боится огня.

– Не зажечь бы нам весь лес, Вася. Видишь, как сухо, ведь

тогда мы погибнем самой ужасной смертью! – проговорил я.

– Этого бояться, так и в лес не ходить, – ответил он, – нужно просто расчистить лопатами большой круг и костер развести посредине.

Благо тому, кто не испытал непосильного труда, кто не переживал таких минут, когда с одной стороны чувствовал полный упадок сил, а с другой – сознавал неумолимую необходимость продолжать работу! В этот вечер я пережил первое такое испытание в жизни. Я устал до полного изнеможения, кости ломило, руки покрылись мозолями, горели и щипали немилосердно! Однако пришлось взять заступ, из страха быть растерзанным или живьем сгореть, и этими наболевшими руками прокопать добрых полтора часа. Описать это чувство почти невозможно. Тут и злоба, и горе, и что-то похожее на отчаяние, и чисто физическая боль. Будущий великий цивилизатор тайком от Васи, который стал тоже что-то очень молчалив, не раз всплакнул, но все-таки продолжал работать ради спасения своей жизни.

Наконец мы зажгли костер, уселись и поели. Квасу осталось только полбутылки.

– А всё-таки обоим вместе нам ложиться нельзя, – сказал Вася, заканчивая ужин. – Настоящий дикий зверь так боится огня, что будет бродить и злиться вокруг, а близко все-таки не подойдет. Но здешние волки дело другое, они народ бывалый, только на начало лета уходят в глушь, пока в ней много детенышей у всякой твари, а потом больше имеют де-

ло с пастухами и многому уже научились, на многое осмелились. А у нас еще на беду окорок есть. Этот дух для них приманчив. Мы лучше вот как сделаем, Сергей Александрович: вы зарядите ружье и сядьте поближе к огню, а мне дайте заснуть сначала. Я посплю чуток, потому встану, тогда уж вы и спите на здоровье сколько вздумаете.

Я согласился. Мы подбросили хвороста в костер, заготовили на ночь еще добрую кучу, я зарядил ружье и уселся, а Вася бросился на землю и через минуту уже спал мертвецким сном.

Теперь, то прислушиваясь к тому, как тяжко ныли мои кости, то вздрагивая от ночных звуков, я имел достаточно времени обдумать, что я затеял и что ждет меня впереди. Между тем окончательно стемнело. Может быть, на открытом месте и была видна на западе уже потухающая заря, но под густым покровом хвойных ветвей вековых сосен установилась непроглядная, как смоль черная, тьма. Лишь в круг, который охватывал своим светом костер, стройными колоннами выступали могучие стволы, да неясным, капризным узором мелькала между ними легкая листва подлеска – рябины, березы и ольхи. Сначала вокруг все было тихо. Слышался лишь монотонный и негромкий шум леса, да по временам потрескивал костер. Но вот постепенно лес стал наполняться своей таинственной и кровожадной ночной жизнью. Сначала послышался грузный и неуклюжий взмах крыльев, шелест раздвигаемых ветвей, затем жалобный писк, и все смолкло. То

вышла на охоту сова – непримиримый ночной враг мелкого птичьего люда, молодых зайцев, крыс, мышей и всякой слабой и неопытной твари. Но вот раздались звуки и посерьезней. Где-то вдали завыл волк. Вой все приближался, слышны были даже прыжки. Я сильно вздрогнул, инстинктивно протянул руку к Васе, но вовремя удержался. Вероятно, волка влекла жадность и злоба, но он испугался непривычного в этих местах огня и пробежал мимо. Вдруг по лесу загудел адский хохот. Эхо подхватило его и глухо понесло дальше, а с другой стороны ему вторил такой же не то стон, не то смех. У будущего великого изобретателя мигом вылетели из головы все его познания о совах, все шуточки над мужичьим суеверием. Я замер в холодном оцепенении и ужасе и до сих пор дивлюсь, как я тогда не помешался! Перекличка сов и вой волков продолжались довольно долго. Но вот в вышине поднялся сильный шум. Налетел свежий ветер и зашатал могучих великанов. За ним не было слышно звуков первых капель дождя, но вскоре они пробрались сквозь хвойный навес, шипя, испарялись в пламени костра и, с безжалостной быстротой впиваясь в мое платье, холодили мне спину, грудь, руки и ноги.

Боже мой, Боже! Еще вчера в эту самую пору я лежал в чистой и мягкой постели, в прочном, прекрасном доме, в котором не могли бы меня промочить, кажется, все сорокадневные дожди потопа. А теперь! Точно зверь или заброшенная собака! У меня не мог попасть от дрожи зуб на зуб. А эти со-

вы, волки! Да и что будет дальше? Скоро ли и как мы устроимся? Соли не станет! Воды и теперь уже нет! Господи, Господи, да что же это! Нет, так жить нельзя! Завтра же объявлю Васе, что хочу домой, и что бы он там ни говорил, пойду к отцу и матери. Пусть не только в корпус, а хоть в солдаты отдадут. В корпусе три, четыре года – и я свободный человек, сытый, в тепле и чистоте, а здесь вечная, непосильная работа, голод, холод, грязь!

Наконец я не выдержал и разбудил Васю. Спросонья он не мог сначала понять, где он и что с ним, однако, услыхав мой плачущий голос, опомнился, вскочил и стал утешать меня. Я, заливаясь слезами, объявил, что хочу домой и завтра же пойду туда. Вася радостно согласился. Это решение успокоило и приободрило нас, но тут обнаружилось, что кончился хворост. Пришлось таскать его, рискуя попасть волку в зубы. Поэтому один из нас светил большой головней, а другой таскал ветки и сучья. Теперь в лесу все вымокло, и не страшно было заронить искорку и поджечь его. Было еще темно, когда я завернулся в одеяло и улегся возле костра на таком расстоянии, чтобы не сгореть.

С тех пор прошло много лет. Много ночей пришлось мне провести без сна за трудной работой, но ни одна ночь в жизни не казалась мне такой мучительно долгой, как первая ночь после побега из родительского дома.

Глава третья
Возврата нет. Мученья жажды. Озеро. Мы решаемся остановиться

На другой день, когда я проснулся, у меня болело все тело и в особенности ноги и голова. День стоял пасмурный. Дождь моросил не переставая. На всем лежал какой-то серый, унылый отпечаток. Но теперь нам было все равно – мы знали, что через несколько часов опять будем дома в тепле и холе. Мы наскоро поели и стали готовиться. Намозоленные накануне руки так болели у обоих, что тащить тележку за оглобли оказалось невозможно. Мы отрезали конец веревки и устроили нечто вроде лямки. Один из нас поочередно надевал ее на шею и пропускал под мышки. Руками приходилось слегка придерживать оглобли, чтобы они не тащились по земле, и действовать ими лишь на поворотах. Другой подталкивал тележку сзади.

Нигде человек так легко не сбивается с направления, как в лесу. На открытом месте, даже в степи или в пустыне, он может руководствоваться и солнцем, и какой-нибудь точкой на горизонте, наконец, звездами. В лесу все это невозможно. Горизонта нет, сквозь чащу невозможно рассмотреть расположение звезд, даже по солнцу можно ошибиться. Сам же лес так бесконечно разнообразен в мелочах и в те же время

так монотонно одинаков в общем, что руководиться какими-нибудь приметами можно на очень незначительном пространстве. Мы сообразили это и, посоветовавшись, решили отыскать свои следы и идти по ним.

Мы решительно не помнили, с которой стороны пришли, и немалого труда нам стоило разыскать конец собственного следа, однако им пользоваться нам пришлось не долго. Вчерашняя дорога, благодаря тележке, была чрезвычайно извилиста. Кроме того, и мох, и трава под дождем встали опять так же пышно и сочно. Мы долго путались, бились и ошибались и кончили, наконец, тем, что побрели наугад.

Погода упорно держалась пасмурная, дождливая. Мы не могли руководиться даже солнцем. Закусывая утром, мы допили последние капли кваса, а между тем после соленой ветчины и сухого хлеба так хотелось пить!

Сначала мы переносили жажду довольно стойко. Вася первый признался, что ему «до смерти пить хочется», но тут же заметил, что можно и потерпеть. Однако через полчаса он остановился, сбросил с себя лямку и, подойдя к молодой березе, начал облизывать мокрые от дождя листья. Сначала я рассмеялся, но потом принялся и сам за то же. Но разве можно утолить жажду измученного человека дождевыми каплями. Это только увеличивает мучения.

Я беспомощно оглянулся вокруг, и вдруг мне вспомнилось, что мох очень гигроскопичен, что благодаря ему, по земле текут целые реки прекрасной чистой воды. Я нагнул-

ся, вырвал клок мха и попробовал сосать. Он, разумеется, был немного влажен, но там же были и сор, и букашки, а это было очень противно!

Вася осторожно потянул к себе одну из высоких ветвей березы, но маленький отросток, за который он ухватился, оказался недостаточно прочным и оборвался. Большая ветвь быстро выпрямилась и обдала нас целым градом крупных капель.

– Постойте, я что-то придумал! – вскричал вдруг Вася. Он побежал к возу, развязал его и вытащил чистую простыню, которую я взял, бесцельно хватая что попало из комода. Мы сложили ее вчетверо в большой квадрат. Вася держал ее, растянув на двух палках, а я встряхивал над нею мокрые ветки. Когда она сильно намокла, мы стали думать, во что выжать воду? В бутылку? Но горлышко было слишком узко, и много драгоценной влаги пропало бы даром, стекая на землю.

– Нужно рискнуть одной бутылкой, – сказал я и, обвернув ее носовым платком, горлышком ударил о ствол дерева.

Стекло разбилось, но так удачно, что получился большой, глубокий стакан, хотя и с острыми и неровными краями.

Мы стали осторожно выкручивать простыню над посудиной до тех пор, пока она не наполнилась водою. Тогда мы напились по очереди и тотчас же принялись снова за дело, боясь снова очутиться без воды.

На добывание воды мы потратили немало времени. Пасмурный день померк как-то особенно быстро.

Трое суток пробродили мы по лесу, питаясь только маленькими кусочками хлеба и добывая воду через простыню. Хорошо еще, что погода стояла все время дождливая, иначе бы мы погибли от жажды.

Вообще я удивляюсь, как мы тогда не потеряли головы, не бросили страшно нас тяготившую тележку, так как она была нам не нужна вследствие нашего решения идти домой, и вообще не наделали гибельных безрассудств. Может быть, именно потому, что потеряли от страха и горя всякую способность размышлять. А в нашем ужасном положении действительно трудно было определить, что умно и полезно, а что глупо и гибельно.

Наконец, уже на пятый день безнадежного странствования, ландшафт начал заметно меняться. Деревья стояли реже, между ними начали чаще попадаться лиственницы.

– Даст Бог, и конец ему близко! – заметил Вася, – полезу на дерево, посмотрю, не увижу ли дороги до хоть какой-нибудь деревни.

Он взобрался на самую высокую сосну. Я стоял внизу и нетерпеливо ждал.

– Ну, что там? – крикнул я, когда он был наверху.

– Ничего, барин! – отвечал он, – повсюду лес! А вот что хорошо – отсюда озеро близко.

– Нечего сказать, хорошо! – повторил я, – ведь ты слышал, говорят, что это озеро самая середина леса, самая глушь безвыходная! Да постой, я и сам залезу.

– А ведь и в самом деле! – говорил он между тем, – вон на озере и гора. Это Чертово Городище! Знать, кто-нибудь хоть из прадедов тут бывал и назад воротился, значит, воротимся когда-нибудь и мы.

Я поравнялся с ним и укрепился даже несколько выше. Действительно, всюду, сколько мог охватить взгляд, нас обступало беспредельное море темно-зеленых вершин! Лишь в одном месте цвет его заметно светлел. То были лиственные деревья, как рамкой обступавшие покатые берега зеркального озера, лежавшего в глубокой длинной котловине.

Я долго и безнадежно смотрел на окрестность, потом молча полез вниз. Вася спустился за мной.

Итак, почти четыре дня отчаянных усилий выбраться пропали даром.

– Ну, что теперь девать, по-твоему? – мрачно спросил я.

Мы уселись и начали советоваться и решили, что мучиться днем и проводить такие ужасные ночи, словом, жить так, как мы жили эти четверо суток, было решительно невозможно. Между тем и отказаться от надежды возвратиться домой ни один из нас не хотел. Поэтому нам следовало воспользоваться близостью воды, пойти к ней, осмотреться и построить себе хоть какое-нибудь временное логово, а затем уже оттуда выходить каждый день в одном направлении, постоянно делая зарубки на деревьях и с каждым днем все дальше и дальше. Таким образом мы надеялись медленным, но верным путем выбраться хоть на какую-нибудь из окраин леса.

План наш казался очень основательным и разумным, но недаром говорят русские сказочники: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

Глава четвертая
Озеро. Его свойства и окрестности. Наши соседи. Мы начинаем строиться. Сырость. Уголь. Смола

Окончив совет, мы тотчас двинулись к озеру и вскоре очутились на довольно крутом спуске к берегу. Чтобы не пришлось опять втаскивать тележку на гору, если поселиться на берегу окажется неудобным, мы оставили ее под деревом и пошли к озеру налегке.

Чем глубже мы спускались в котловину, тем заметнее изменялись почва и растительность. Очевидно, когда-то, в незапамятные времена здесь была огромная гора. Вследствие какого-то подземного переворота она разошлась надвое, а между ее частями образовался провал. Теперь я понимаю, что гибели горы способствовала мощная подземная река, которая, постоянно подмывая основание, истощила его до того, что гора, наконец, не выдержала собственной тяжести, подземные своды обрушились на дно глубокого русла и загромоздили его. Вода, прибывавшая с верховьев, быстро наполнила впадину и образовалось озеро. Дожди и потоки тающего «снега стаскивали землю к подножию обрыва, на скате постепенно появилась растительность; вымирая, под-

мываясь во время бурь и ливней, она скатывалась туда же. На месте крутого обрыва постепенно образовался пологий откос. На вершине оставался песок, поросший хвойными деревьями, но чем глубже к котловану, тем больше отложений чернозема – несомненного остатка перегнившей растительности. Там росли деревья, требующие более тучной, рыхлой и влажной земли – черемуха, рябина, липа, ясень.

Когда мы спустились к берегу, чтобы напиться и умыться, то обнаружили еще два не совсем для нас удобные свойства озера – берега поросли густым тростником и вода между ними была мутная. Едва Вася вступил в воду, как провалился чуть не выше пояса и еле успел выбраться, потому что ноги его стали вязнуть в тинистом дне.

– Э, дело-то выходит дрянь! – проговорил он с философским спокойствием, стряхивая грязь и воду. – Это называется: и близок локоть, да не укусишь! Придется строить плот, а пока процеживать воду. А что здесь тростники, так это дело тоже не худое. И рыба и утка тростник любят, значит, сыты будем!

Мы довольно долго бродили вокруг озера, но когда захотелось есть, снова поднялись к тележке. К моей неописуемой радости Вася, раскладывая все, вытащил оттуда довольно большой чугунный котелок.

Положительно, этот безграмотный мальчик оказался умнее и предусмотрительнее своего ученого и начитанного друга!

– Вася! – вскричал я и радостно, и укоризненно, – да что же ты думал, когда мы собирали воду с деревьев и разбили бутылку! Ведь в котелок-то гораздо легче было бы выжимать простыню, да и бутылка осталась бы цела.

– Ваша правда, Сергей Александрович, – проговорил он, сконфуженно улыбаясь и почесывая затылок, – должно быть, одурел я тогда от страха и горя. Ну, да уж то прошло, а котелок свою службу нам сослужит, пока мы доберемся домой. Теперь вы тут останьтесь и приготовляйте есть, а я пойду вниз за водой да кстати захвачу топор и порасчищу тропинку, а то в этой гуще воду всю расплескаешь.

Он приладил ручку котелка к поясу, крепко затянулся им, взял топор и стал впускаться по откосу, срубая на ходу кусты и ветки, которые загораживали дорогу.

«Вот человек, который не теряет времени даром! – подумалось мне, – этот не пропадет ни в лесу, ни в миру». И вместо того, чтобы воспользоваться деликатным предложением Васи «приготовлять есть», я тоже взял топор и стал расчищать довольно широкую аллею к озеру. Топор недавно вышел из рук старика Матвея и был остер, как бритва, – работа шла успешно. Все, что было срублено, я складывал по обеим сторонам аллеи, которую повел сажени полторы шириной так, что образовалось нечто вроде плетня. Вася провозился на озере очень долго. Не знаю, что он там делал, вероятно, размышлял о плоте. Когда он пришел назад, я успел уже расчистить саженей пять.

– А, это славно, – проговорил он, пыхтя под тяжестью котла с водою, но зато свободно шагая по расчищенному месту.

Мы умылись и стали завтракать на краю обрыва. За нами высилась уцелевшая вершина горы, внизу тихо дремало озеро, прочищенная мною аллейка придавала виду что-то обихоженное. В это время небо просияло; показалось солнце, облило все это таким жилым, веселым светом, так нежно пригрело нас несчастных, трое суток дрогших и мокших на дожде, что у меня на душе стало как-то спокойно и даже радостно.

Вася сидел и молча жевал хлеб с водичкой. Но, вероятно, и его охватило приятное сознание физического довольства после долгой муки. Лицо у него было такое светлое! Он долго и вдумчиво смотрел вниз по скату, вдоль моей аллейки и, наконец, рассмеялся.

– Как славно! – проговорил он, жмурясь и потягиваясь от приятного тепла, – а только вот что я думаю: дорогу-то расчищать мы начали, а куда мы по ней ходить будем? К озеру за водой? Хорошо. А сами где будем ночевать и прятать наши вещи? Под кустом или под телегой? Оно и не худо, пока вот так греет солнце. А без него мы бы намокли и намерзлись.

– Да, Вася, – перебил я его, – пока тебя не было, я то же самое думал. Нам непременно нужно построить шалаш, хоть такой, чтобы там ночевать и прятать от дождя вещи. Ведь сам ты видел с дерева, какой огромный лес нас окружает, сквозь него нескоро дорогу проложишь, а ночевать нам всегда при-

дется ходить сюда, чтобы не умереть без воды.

– Это вы верно рассудили, – согласился он, вскакивая с места, – ну так давайте строить! Далеко ходить незачем. Нарубим кольев, натаскаем их сюда, да и состряпаем шалаш. Очень уж полюбилось мне это место.

Я тоже встал. Мы взялись за топоры и стали рубить молодые сосны. Что это за милое дерево – сосна! Право, трудно себе и представить, что стал бы делать без их стройных, грациозных стволов наш брат, северный человек, из чего стал бы он ставить срубы своих домов, вытесывать доски на полы, крыши, двери…

Мы начали работу часа в три, судя по солнцу. Валили молодые сосны вершка в три в отрубе и сажени по две в вышину. Дело шло довольно скоро. Но упавшее дерево приходилось обчищать от ветвей и заострять толстый конец. Начало уже смеркаться, а мы едва успели натаскать к обрыву штук пятнадцать жердей.

Эту ночь пришлось опять провести под открытым небом. От озера неслись резкие звуки совиных окликов и повторялись тысячами отголосков. Близость воды предвещала, что вокруг нас будет пробегать немало зверей. Чтобы обезопаситься от них, мы расчистили на краю обрыва большой круг, развели два костра и легли между ними, а окорок взяли с собой, чтобы он не привлекал своим запахом медведей и волков.

К счастью, ночь стояла тихая и сухая. Мы уже несколь-

ко привыкли к ночным звукам леса; кроме того, нас обоих очень занимала наша будущая постройка, и мы проболтали допоздна, почти не обращая внимания на шорох и вой.

Но вдруг по лесу пронесся глухой, тяжелый топот, как будто крупной рысью несся целый табун лошадей.

Я вскочил и оторопело схватился за ружье.

– Тише! Оставьте! – шепнул Вася, – это лоси бегут на водопой. Не надо их пугать теперь, – это соседство хорошее. Завтра пойдем и отыщем их тропу – тогда и подумаем, что делать.

Через некоторое время мы услышали, как стадо возвращается с водопоя, поболтали еще, подкинули хворосту в костры и заснули.

Вася разбудил меня с восходом сеянца. Костры уже потухли. Было довольно свежо.

– И отлично, сейчас согреемся, – сказал Вася и тотчас же взялся за топор.

До самого полудня мы рубили и таскали ветки, чтобы уложить их на шалаш. А пока я в свою очередь ходил на озеро за водою к обеду, Вася стал прочищать аллею и сделал гораздо больше, чем я вчера. Просека начинала принимать чрезвычайно живописный вид. Над нею сводом висели ветви высоких боковых деревьев, сквозь их листву сквозил солнечный свет, окрашиваясь в радужно-зеленый цвет, внизу, в просветах еще не срубленной чащи начинало то синеть, то серебриться зеркало озера. Все время обеда я с наслаждени-

ем смотрел под этот свод, созданный по моему замыслу.

Поевши, мы тотчас же принялись за шалаш, так как материал на него был уже заготовлен. Значительная длина кольев дала нам возможность сделать его достаточно высоким и широким, для того, чтобы можно было зажигать в нем костер даже тогда, когда мы были дома. Для выхода дыма мы оставили отверстие, как делают самоеды в своих юртах. В него мог попадать дождь, но лишь в незначительном количестве, да и то в огонь, в котором тотчас же и испарялся, а мы и вещи могли удобно скрываться под наклоном стен.

В этот день мы, разумеется, уже не имели времени отыскивать дорогу домой. Вечером, за ужином я сделал большой глоток из котелка и вдруг почувствовал, что у меня во рту очутилась улитка. Меня стало тошнить от отвращения.

– Нет, больше нельзя черпать воду в тростнике, – говорил я, с досадой отплевываясь, – и противно и заболеть можно! Бог знает, чего наглотаешься. Завтра же построим плот.

– Построим! – согласился Вася.

Когда я проснулся на другое утро, он уже был за работой – продолжал расчищать дорогу к озеру. Я взял топор и пошел к нему.

– Прежде чем возить что-нибудь по дороге, нужно ее сделать. А нам придется спустить сюда два добрых бревна, – объяснил он коротко.

Часа через два работы мы закончили расчистку аллеи и убрали срубленный хворост по сторонам. Когда я оглянул-

ся, чтобы идти наверх, то не мог не умилиться милому, чистенькому и уютному виду аллеи. А на верху, на краю обрыва виднелся вход в наш шалаш и край ярко раскрашенного кузова нашей тележки. Я начинал уже любить это место, может быть, за тот труд, который уже положил на него.

Мы выбрали для плота два дерева одинаковой толщины и вышины, и Вася собирался уже рубить, когда я его остановил.

– Слушай, Вася, подожди, – сказал я, – ведь это дело нешуточное, – не то, что по-вчерашнему рубить жерди. Если не будем осторожны, дерево может упасть и задавить кого-нибудь из нас. Я где-то читал, что когда валят лес, надо выбрать сторону, на которой больше веток, и подрубить ее чуть-чуть, а потом зайти с противоположной, где веток мало, – у нас эта почти голая сторона всегда обращена на север, – и рубить совсем. Когда дерево станет падать, то тяжесть веток потянет его не в ту сторону, где стоит тот, кто рубит, а в противоположную.

– Что ж, это дельно! – серьезно согласился Вася, и мы принялись за рубку.

Но оказалось, что одолеть великана лет тридцати пяти или сорока было дело не легкое. Уже почти подрубивши его с обеих сторон, мы сообразили, что, падая, он запутается ветками в других деревьях и не долетит до земли. Чуть не с опасностью для жизни пришлось расчистить ему место, и уже потом снова приняться за него. Наконец дерево стало

заметно клониться. Мы оба быстро отбежали. В воздухе раздался точно продолжительный стон, и великан с треском и шелестом рухнул на землю. Мы до вечера проработали над обрубанием и оттаскиванием его веток.

Весь следующий день мы с восхода солнца были заняты рубкой и очисткой второго дерева. Наконец, перед нами лежали две стройные балки, сажени по четыре длиною. Но они были сыры и очень тяжелы. Нести их на себе не было никакой возможности, катить, – не допускал лес. Но мы все-таки нашли выход. Из их же вершин мы нарубили несколько кругляшей, приподняли бревно за конец и подложили под него один из них, – часть трения была устранена. Потом мы стали толкать его вперед, так что обрубок катился под ним и скоро был почти на половине длины, тогда мы подложили под передний конец остальные, и наконец тяжелое бревно покатилось на своих круглых подкладках, уже не касаясь земли. Но и при этом двигать его нам было очень тяжело, и приходилось радоваться, что обрыв был рядом, а с его наклона оно катилось так, что мы едва успевали подкладывать под передний конец оставшиеся позади катки.

К вечеру обе балки далеко протянулись одним концом в воду, а другой мы аршина на два вкопали в берег, чтобы плот не унесло волнением.

Очередной день ушел на рубку и подтаскивание к озеру нетолстых жердей, в сажень длиной. Из сотни таких перекла-

дин, вершка по два в диаметре, образовался помост аршин в одиннадцать-двенадцать, по которому можно было свободно выходить за границу тростника. На концах балок Вася продолбил по дырке, вколотил стойки и устроил довольно прочные перила. Вид нашего берега принял еще более жилой вид. Теперь мы были обеспечены хорошей, свежей и здоровой водой, но не успели победить одну нужду, как пришла другая. Хлеб и ветчина вышли, а есть было необходимо.

Пришлось ходить на охоту. К счастью, это не представляло особенного труда – тростник кишел утками, а двух уток нам хватало на целый день. Одну мы варили в котелке на суп, другую жарили на вертеле. Этот вертел, большая драгоценность в нашем хозяйстве, был просто счастливой случайностью. Еще в то счастливое время, когда я жил дома, я как-то нашел железный прут и по своей страсти ко всякому оружию сделал из него подобие стилета. Я раскалил его докрасна в печке и в толстой березовой палке прожег им дырку, в которую он входил целиком, потом приделал к нему ручку. Убегая из дому, я взял эту палку с собой, а когда пришлось жарить в лесу утку, прут пришелся как нельзя кстати. Не обошлось сперва и без неприятностей. Когда я вращал прут за ручку, он скатился с камней, и моя первая утка вышла пестрая от ожогов об уголья и комков приставшей к ней золы. Но я нашелся, как помочь беде, – взял плотничий молоток и высек в камнях по достаточно глубокому желобку, которые удерживали концы вертела.

Таким образом, кое-как обеспечив себе первые жизненные потребности, мы снова возвратились к нашей главной мысли – прокладывать дорогу домой. Утром мы охотились, готовили обед, ели, брали с собой по куску утки и шли с топорами в руках, делая на деревьях большие зарубки так, чтобы от одного помеченного дерева ясно видно было другое. Но дело продвигалось очень медленно: за четыре дня самой добросовестной работы мы не прошли и двух верст, а между тем расстояние от нашего жилья все увеличивалось, на ходьбу до него требовалось больше времени, на работу оставалось меньше, да и заготовка пищи отнимала у нас каждое утро часа по четыре.

Оставаться ночевать в лесу, далеко от шалаша, было опасно, да и в любом случае пришлось бы каждый день ходить к озеру за водою. Мы решили запастись в один день провизией на несколько следующих. Дичи в лесу было так много, что исполнить это было легко. Утром мы набили штук шесть уток и тетеревов, а вечером, уже возвратясь с работы, зажарили их на костре.

Спозаранок мы ушли очень довольные, оставив запасную провизию в ящике с инструментами и заслонив вход в шалаш большими тремя ветками. В этот день мы прошли, разумеется, больше обыкновенного и вечером очень довольные возвратились домой.

Я остановился у шатра и стал осматривать небо, которое к вечеру заметно нахмурилось. Между тем Вася отбросил

ветки от входа и вошел. Каково же было его удивление, когда с противоположной стороны шалаша он обнаружил довольно большой пролом. Вася кликнул меня, зажег спичку и несколько сухих веток, заготовленных для костра, внутренность шалаша осветилась и привела нас обоих в искреннее отчаяние. Наших жареных уток не было и в помине, а в стене шалаша, возле которой стоял ящик, зияла дыра, в которую легко могла пролезть большая собака. Кто-то из нас забыл закрыть жестянку с солью. Теперь она лежала, опрокинутая на землю, соль была вся просыпана.

Вася бранился, плевался, топал ногами и недоумевал. А дело объяснилось очень просто. Запах жареной дичи привлек лисицу, а может быть, и нескольких, они проломили стену там, где было поближе к добыче, и, прыгая с нею, уронили жестянку с солью.

Между тем ветер крепчал, и от пролома к входу становился порядочный сквозняк, который грозил раздуть костер и сжечь наше последнее убежище. Я остался стеречь его, а Вася побежал и заделал дыру ветками. Вход на эту ночь мы тоже загородили, боясь дождя и ветра, и улеглись возле костра с голодными желудками. Вася долго еще ворчал, но наконец затих, и оба мы начинали дремать.

Вдруг раздался густой шорох сильнейшего ливня. Налетел грозовой ветер. Жерди нашего шалаша трещали и сгибались, ветки отрывало от стен и уносило далеко в стороны. Через некоторое время мы рисковали остаться опять под от-

крытым небом или быть раздавленными под тяжестью собственной плохой постройки.

– Час от часу не легче! – встревожился Вася, вскакивая на ноги, – давайте тушить костер!

Я тоже вскочил, но над костром пришлось нам хлопотать не долго. Ветер неумолимо отрывал от нашего убежища ветку за веткой, и скоро дождь лил в шалаш так же свободно, как и над озером.

Не могу описать того чувства обиды, которые охватило меня, когда я увидел, что разрушено все то, на что я возлагал такие надежды. Мы кое-как укрылись под остатки наших стен и молча скорее продрогли, чем проспали до утра.

Когда мы очнулись, в природе царили прежний мир и красота. Ночью нас напугала одна из бурных, но кратковременных летит гроз. От нашего шалаша остался один только остов. Все вещи и мы сами насквозь промокли. Па мосте, которое мы окопали для костра, стояла глубокая лужа. Вася мрачно оглядывал эту картину разрушения. Мы оба долго молчали.

Я, ежась от утренней прохлады и своего мокрого платья, готов был постыдно разрыдаться.

– Знаете, что я вам скажу, Сергей Александрович? – вдруг подошел ко мне Вася, – вы меня послушайте: так жить, вы сами видите, нельзя. Ну, что мы за люди? И лисица, и ветер нас обидеть могут! Когда еще мы найдем ту дорогу домой, Бог весть, а до тех пор ведь жить и уцелеть надо. А человеку

без человеческого жилья, видно, не обойтись. Теперь тяжко нам с вами, а что осенью или зимой будет? Искать дорогу и зимой можно, а строиться на вьюге да на морозе уж совсем нельзя. Так вот что: бросим покуда мы эту дорогу да построим себе логовище попрочнее. Ведь и у лисицы есть своя нора, и у медведя своя берлога, и у птицы гнездо – никто под ветками не живет, как мы с вами. А ведь мы еще люди, ко всякой погоде не привыкли. Так и заболеть можно, а какой здесь доктор? Какая помощь? Разве набредет медведь да заломает и прекратит каторжные дни.

Он весь тоже дрожал в своем мокром платье на студеном утреннем ветерке. Я, разумеется, тотчас же согласился, потому что и мне перспектива теплого и прочного жилья казалась очень заманчивой.

Однако, несмотря на решение начать строиться, нам пришлось сначала сходить на охоту, чтобы не умереть с голоду.

Расхаживая по берегу озера, я все раздумывал, как и из чего мы станем строить. Опыт с балками для плота доказал мне, что срубить обыкновенную, хоть небольшую избу, для нас дело немыслимое. Нужен другой, более легкий способ. И вдруг мне пришли на память глинобитные постройки. Однажды я от скуки развернул одну из книг отца и попал на статью именно о таких постройках. Она заинтересовала меня. Оттуда я узнал и способы, как строить, и свойство этих построек отлично держать тепло. Я так обрадовался своей мысли, что дал промах по утке, однако скоро поправил дело

тем, что нашел целое гнездо и руками поймал четырех утят.

Придя к шалашу, я застал Васю за весьма странным занятием. Он сидел на корточках перед костром и кипятил в котелке какую-то грязь.

– Что это ты варишь? – спросил я, уже подумывая, что мой друг помешался – суп из грязи?

– Нет, не суп, а соль. Вчера проклятая лисица наделала нам беды! Половину соли с землей да сором смешала. А как эта выйдет, откуда мы еще возьмем? Хорошо, что я догадался до грозы чистую соль высыпать опять в жестянку, а сорную собрал в котелок. Тут она хоть и смокла на дожде, а все-таки в землю не ушла. Вот я теперь и чищу ее, чтобы освободить котелок, а то ведь и воды не в чем принести. Видите, соринки, что полегче, всплывают наверх, я их ловлю да скидываю, а потом опять мешаю, чтобы соль их под собой не задерживала. Соль распустится в воде, а земля осядет внизу. Я воду-то солью в наш ящик с инструментами, сполосну котел от земли, опять перелью в него раствор и уж тогда выкипячу всю воду, а на дне останется одна соль.

У «русского Робинзона» Пятница оказался и заботливее, и смышленее своего господина.

Я выложил инструменты из ящика и подвинул его к Васе, а потом принялся ощипывать и жарить утят. Одновременно я рассказывал ему свой план о глинобитном доме. Он слушал меня с видимым удовольствием, изредка вставляя свои замечания.

К концу завтрака мы решили: строиться на этом же месте, дом сделать глинобитный и начать его строить сегодня же.

Саженях в трех от нашего шалаша стояла прекрасная высокая и толстая ель. Лес в этом месте был довольно редок, и вокруг нее зеленела лишь молодая лиственная поросль. Мне пришло в голову, что эта ель может служить основой всей нашей постройки. Покатость почвы можно будет сравнять.

Скоро подошел ко мне Вася, и мы условились рубить ель сажени на три от земли, комель оставить посредине будущего жилья. Поначалу я хотел было не трогать ее совсем, но Вася очень основательно заметил, что тогда, качаясь во время бури и ветров, она будет ломать нашу постройку. Мы понимали, что срубить такого колосса, да еще высоко от земли, – дело опасное, поэтому сначала обдумали, как бы это сделать, не поплатившись жизнью или, что еще ужаснее, уродством или калечеством. Я взобрался на дерево и стал обрубать ветви. Вася внизу оттаскивал их подальше. Только на высоте четырех саженей я оставил с северной стороны одну ветку, достаточно толстую, чтобы она могла выдержать меня и Васю. Я слез на землю, и мы вдвоем расчистили место, куда по нашим расчетам должна упасть ель. Окончив это, мы оба на несколько минут остановились и с некоторой робостью посмотрели на великана, которого уже изуродовали и собирались погубить совсем.

– Эх! Смелым Бог владеет! – лихо крикнул Вася, бойко

залез на дерево и сделал довольно глубокий надруб с южной стороны.

– Захватите пилу и полезайте сюда! – позвал он меня. Мы уселись верхом на ветке и принялись пилить со стороны надруба. Дело хотя и медленно, но все-таки продвигалось. Наконец, дерево заметно наклонилось к югу. Мы удвоили усилия, пилили несколько минут и опрометью спрыгнули на землю. Пронесся уже знакомый нам гневный и скорбный стон, и на расчищенной нами поляне осталась стройная колонна с одинокой ветвью, а колоссальная косматая вершина, как мертвая, лежала у ее ног.

В этот день мы успели только очистить вершину и сделать из нее две стойки для будущей постройки.

– А ведь это хорошо, что мы затеяли тут такой шум и гам, – заметил Вася, – это хоть немного распугает окрестное зверье.

На другой день мы вырубили еще две главные стойки и вкопали их по четырем углам так, что старая толстая ель осталась в центре. Эти четыре столба мы соединили с нею длинными жердями, что образовало основу крыши, а от одного столба до другого тоже протянули по жерди внизу и вверху. Так как у нас не было достаточно толстых гвоздей, то мы на скрепах проворачивали дырки коловоротом и в них уже загоняли деревянные штыри. Закончив остов, мы принялись выводить стены, а для этого между стойками настелили еще жердей на расстоянии полуаршина одна от другой

и затем стали переплетать между ними ветки более гибких сортов деревьев. У озера было очень много тонкой и длинной лозы. Она плелась так хорошо и аккуратно, что стена наша стала похожа на плетеную корзинку. К концу четвертого дня самой усиленной работы у нас была закончена вся внешняя стена. На пятый день мы принялись за вторую, внутреннюю, которую повели на расстоянии восьми вершков от первой. Промежуток между ними мы рассчитывали засыпать землей, а снаружи и изнутри вымазать весь дом глиной. Поэтому, когда мы вывели вторую стену до двух аршин высотою, – а вся она была в три, то начали ровнять пол избы, то есть скалывать ту часть его, которая направлялась к вершине, и получаемую землю всыпать между двумя плетениями. Но скоро этой земли оказалось недостаточно. Мы призадумались, откуда брать ее еще.

– А вот что, – сказал Вася – уж если пошло на то, чтобы обезопаситься от врагов – зверей, так сделаем это совсем по-настоящему! Обмерим вокруг дома саженей по пять во все стороны и обезопасимся рвом, а землю из него всыплем в стены.

Так мы и начали делать, но скоро нам пришлось отказаться от этой затеи. Погода переменилась – начались дожди и ветры. Дождь лил и днем и ночью, крыши над нашей постройкой еще не было, а потому в рыхлую землю между стойками набралось пропасть дождевой воды, потоки, постепенно прибывавшие с вершины, еще увеличивали ее количе-

ство. Вместо стен образовалась жидкая грязь, медленно выползавшая сквозь щели плетня, кроме того, от тяжести этой сырой массы плетни стало распирать так, что они грозили, наконец, упасть. Мы совсем приуныли. Такая масса затраченного труда, и все напрасно! У нас, что называется, и руки опустились. Два дня мы ничего не делали.

На третий, с утра, мы тоже не собирались работать, а как два волчонка в непогоду, лежали в кое-как исправленном шалаше и угрюмо прислушивались к вою и шуму ветра да и к хлесту дождя.

Вдруг я вскочил, как ужаленный, и радостно крикнул:

– Вася, а ведь мы можем окончить свой дом, да гораздо легче и лучше, чем думали сначала!

Мой Пятница лениво и недоверчиво повернулся ко мне.

– Да ведь и в глинобитный мы с вами верили, – медленно проговорил он, – думали, что он и легко нам дастся, и чуть не прочнее каменного выйдет, а вон он раскисает под дождем.

– Да оно хорошо бы и вышло, если бы у нас была солома, – горячо вступился я за свое изобретение. – В настоящих глинобитных постройках очень важна солома, конский навоз и хорошая погода, а у нас… Да, впрочем, не в том дело! Ты послушай, я выдумал такой материал, который у нас всегда, под рукой, и тепло держать будет, и сырости не допустит.

– Господи! Клад какой! – угрюмо подшутил Вася.

– Да, именно клад! – продолжал я настойчиво. – Знаешь ты, отчего люди дом из дерева строить начали? Ага! Что, не

знаешь?! Ну, так слушай. Все тела разделяются на хорошие и плохие проводники тепла. Например, дерево – плохой проводник. Палка с одного конца горит, а ты другой держишь и не чувствуешь ничего. А раскали-ка конец железной палки, так жар по ней так и побежит – живо бросишь! Так и в постройках. У тебя стены деревянные. Ты натопил у себя, – оно и тепло! Снаружи мороз трескучий, а дерево всего тепла наружу не выпускает, возле себя держит. А будь у тебя стена железная, она бы согревалась теплом сама, а остывала снаружи от морозу – так и провело бы все твое тепло. Понимаешь?

– Понимать-то понимаю, да только это вы что ж? Опять за бревенчатую избу браться хотите? Что ж, давайте строиться, в будущем году об эту пору готова будет! А мы до тех пор замерзнем либо помрем без покаяния!

Он, видимо, упал духом.

– Да нет же, Вася! – вскричал я с досадой. – Я об бревнах и не думаю, потому что знаю, что это дело нам не по плечу. А вот что: в некоторых местностях строят ледники так, как мы начали с тобою нашу постройку, только промежуток между плетнями наполняют угольями. А они со своими промежутками, в которых размещается воздух, такой плохой проводник, что не впускают в ледник ни капельки солнечного тепла и лед держится очень долго. Если они не впускают тепло с улицы, то не выпустят его и из нутра, когда оно там будет. Так ведь? Понимаешь?

– Давно бы так и сказал! – и обрадовался, и рассердился

Вася, – а то я про ваши тела да проводники ничего не понял. Так пойдемте же скорее работать. Теперь хоть и дождь, давайте рубить лес, сырой жечь можно. С этого дня мы постоянно вставали с рассветом и ложились впотьмах. Мысль настоять-таки на своем и создать себе прочное убежище очень воодушевляла нас. Чтобы избавиться от необходимости каждый день охотиться, мы стали ставить на уток разные силки, которые готовили перед сном, сидя у костра.

Особенно удачно действовала петля. Мы убивали лягушку и привязывали ее так, что, когда утка хотела схватить ее, то попадала головой в петлю, которая затягивалась, душила ее. Кроме того, в лесу появились грибы и ягоды, которые стали немалым подспорьем в нашем столе.

– А вот что я думаю, – сказал мне однажды Вася, – ведь если мы набьем наши стены угольем, в них будет дуть, а вместе с тем нести в дом черную пыль. Хороши мы будем!

– Да я и не думал оставлять их так, – возразил я, – их все-таки придется вымазать глиной.

– Снутри-то оно ничего, даже красиво будет, а вот снаружи дело другое. От дождей глина отмокнет.

– Верно! – озадачился я. – А как ты думаешь, если смешать глину с жидкой смолой?

– Если с простой, со свежей, так она станет распускаться на солнце. А если с такой, какою замазывают лодки, так это верно, – ее никакой дождь не прошибет, – будем жить, как в муравленном горшке.

– А ты умеешь ее делать?

– По-ученому не умею, а по-простому, по-мужицки, могу. Оно, разумеется, по-крестьянскому способу много материалу и даром пропадает, нам ведь и уголья нужны. Так вот как мы сделаем: выкопаем широкую яму, в сажень глубиной, а на дне ее другую, узенькую, только очень глубокую. Поставим дрова, что заготовили на уголья, в эту широкую яму стоймя и станем жечь их медленным огнем. Как станут они преть, смола и потечет в узенькую ямку, а когда все потухнет, мы вытащим сначала уголья, а потом вычерпаем и смолу.

Дня четыре копали мы яму, закладывали ее дровами и, наконец, зажгли, а чтобы ослабить пламя, прекратить к нему доступ воздуха, присыпали костер песком. Открывать угольную яму предстояло еще суток через двое. Чтобы полезно наполнить время, мы рубили и таскали от озера лозу и вытащили из плетней ту сырую землю, которая доставила нам столько забот и огорчений.

Мы сначала не знали, куда деть ее, но Васе пришла в голову отличная мысль. Он предложил сложить из нее вал вокруг двора, а впоследствии сверху поставить крепкий частокол. А так как той земли, которую нужно было выбрать из плетней, не хватило бы и на две сажени хорошего вала, то мы предположили все-таки выкопать со временем ров, о котором говорили сначала, тем более, что дождливая погода доказала нам, что весною, когда станет таять снег на вершине горы, жилью нашему будет грозить серьезная опасность, если мы

заранее не приготовим для воды хорошего отвода.

Но теперь заняться этим было некогда. Нужно было прежде подумать об окне и двери для дома, а для этого необходимы доски. На второй день, пока горела яма, мы срубили еще одно большое дерево, но вопрос, каким образом обратить его в доски, поставил нас в тупик. Я даже принялся читать Робинзона, которого унес с собою из дому даже в лес, как друга и наставника. Но Вася остановил меня.

– Не стоит, Сергей Александрович, только время потерям, – сказал он, – у него место и природа была одна, а у нас другая, и научить он нас ничему не может. Давайте лучше сами придумаем, как быть. Вы знаете, что такое драть и отчего она так зовется? Оттого, что у кого нет времени, уменья, инструмента распиливать дерево на доски, а доски все-таки нужны, тот раздирает их. Наши сосны ведь хорошо щеплются, – мужики делают в них проруб и вгоняют колья до тех пор, пока весь ствол не распадется на части.

Мы наделали березовых клиньев и до тех пор вгоняли их в ствол, пока он не расщепился на три подобия доски, неровные, шероховатые. Сначала мы сглаживали их, обтесывая топором, потом строгали чуть не всеми видами рубанков. Наконец, получились три доски, дюйма в два толщиною, ровные, гладкие, белые. Для окна мы тотчас же сколотили коробку, или амбразуру, что, впрочем, стоило нам тоже не малых хлопот, потому что расстояние между двумя плетнями было восемь вершков, а ширина досок только пять. При-

шлось составлять их вместе и притом так, чтобы не оставалось щелей, потому что иначе в них постоянно проникала бы мелкая угольная пыль и была бы вечным источником грязи.

Наконец на третьи сутки угольная яма потухла. Несмотря на то, что уголь был еще довольно горяч, мы принялись раскрывать ее, но тотчас же остановились, – нам не в чем было носить его.

– Надо сделать носилки, – предложил Вася.

– Тонких досок нет, а делать их долго, – возразил я, – можно бы сладить из рогожи, мягкие, да где рогожа? Остается одно – плести корзины. Пойдем к озеру, пока остывает яма. Я когда-то умел плести корзиночки из тростника.

Вася, молча, пошел за мною. Мы до позднего вечера провозились над одной корзиной и сделали ее круглою, глубокою, как ушат, и даже б ручками, потому что удобнее всего было носить уголья вдвоем на толстой палке, середина которой вдевалась бы в ушки корзины, а концы лежали бы на наших плечах.

Утром мы начали переноску и так увлеклись, что почти не ели. К половине второго дня яма была пуста, а в доме забита угольями целая стена. Но ведь это была лишь одна четверть работы. Во второй, глубокой ямке собралось около ушата смолы, но вычерпать ее нам было не во что. Поэтому мы осторожно расширили ее, снова заложили широкую яму дровами и зажгли их, а сами тотчас принялись копать вторую, еще больших размеров, потом нарубили для нее дров и

тоже запалили. Хотя к этому времени первая яма была уже готова, но мы приостановили носку угля до тех пор, пока не вделали закладных рам двери в окна.

Для поддержки оконной рамы, которую не мог бы сдержать плетень, мы вбили между плетнями две стойки и укрепили ее на них, затем уже по раме аккуратно обрезали прутья плетня так, что они приходились на ребро ее, а сверху них наложили как внутри, так и снаружи дома дощечки вершка по три шириною и приколотили их большими «гвоздями». Таким образом прутья очутились защемленными и не могли отставать от тяжести и напора угольев, а у нашего окна и двери оказались красивые белые наличники.

Впрочем, дверь далась нам еще труднее. У нас не было петель и пришлось изобретать, чем заменить их. Общими усилиями мы достигли и этого. Собрав закладную раму в два аршина шириной и два с половиной высотою, мы, однако, не приколотили ее верхнюю часть, а сначала сделали самую дверь. Все доски, из которых она должна была состоять, мы отпилили одинаковой длины, так, чтобы они плотно заполняли собою закладную раму, но одну из них, и именно заднюю, пустили длиннее и обпилили и обстругали так, что, когда сравняли с остальными, то на самом краю у нее оказались толстые круглые шпеньки, дюйма в два в диаметре. Для них мы продолбили в верхней и нижней перекладинах закладной рамы круглые гнезда, вставили всю дверь и тогда уже крепко заколотили раму. Таким образом, дверь наша вращалась не

на петлях, а на шпеньках.

Покончив с этим, мы опять принялись носить уголья, но их не хватило на засыпку стен, пришлось закладывать дровами яму снова, Вообще наш дом устраивался в действительности гораздо медленнее, чем я предполагал. Я не упоминаю о страшном физическом утомлении, которого стоили нам все эти работы. Думаю также, что решительно невозможно описать, до чего мы были грязны. К счастью, у нас не было зеркала, но было озеро. Сначала мы боялись купаться, но потом страшная жара и какой-то зуд от грязи разогнали страх. Мы усаживались на плоту, мылись даже с песком и потом бросались в воду. Она была очень холодна, и, вероятно, купания окончились бы сильнейшей простудой, если бы после них не ожидала та же непосильная работа, державшая нас в постоянной испарине.

Пока догорала угольная яма, мы принялись обрешечивать крышу. Продольные жерди мы клали как можно длиннее, чтобы нам не грозил даже самый косой дождик. Поперечные же – как можно чаще, потому что поверх них густо настлали древесной коры, а сверху – самых густых и развесистых ветвей сосны. Немало труда стоило нам укрепить эти ветви так, чтобы их не сбросило первым же ветром. Мы наложили на них по три жерди с каждой из четырех сторон крыши и через дырки, проверченные коловоротом, приколотили их к стропилам крыши.

Было около половины июля, когда мы окончили со сво-

ей многотрудной постройкой. Дни стояли жаркие, но становились короче, ночи же начали донимать нас холодом и туманами. Иногда прорывались крутые грозы, так что окончание главных частей нашего дома пришлось как нельзя более кстати.

Думаю, что трудно выразить даже стихами то, в высшей степени отрадное, чувство и гордости, и радости, и даже какой-то нежности, которое внушал мне вид этой, в сущности, убогой, лачужки. Мне казалась чрезвычайно живописной и темно-зеленая крыша с ярко блестевшими поперек нее свежими, смолистыми жердями, и темно-серые плетеные стены, и нежно-палевые наличники дверей и окна. Да, в своей лесной жизни я убедился в той истине, что беречь и любить человек может только то, что сделал сам, и ничто не может доставить ему такого наслаждения, как творчество.

Глава пятая
Праздник. Радостное открытие. Глина. Кирпич и посуда. Тын и ров. Будущий огород, ледник и погреб

Желая отпраздновать окончание основных работ, мы дали себе два дня отдыха и занимались тем, что спали или бродили по лесу, собирали грибы и ягоды. Но при этом мы не упускали из виду и своих главных целей. У нас не было глины, а нужно было разыскать ее.

Накануне праздника в ночь перепал тихий и теплый, но сильный дождь. Грибы так и то лез ли из-под земли. Я увлекся их собиранием до того, что стал брать с собою большую угольную корзину, а по вечерам начал плести две поменьше, для себя и Васи.

Утром мне вздумалось пробраться повыше к вершине. Я отправился один, едва пробираясь сквозь чащу со своей огромной корзиной. В одном месте мох рос как-то особенно тоще. Корзина моя застряла между двумя молодыми елками. Желая высвободить ее, я сильно уперся на правую ногу и рванулся вперед, но нога моя скользнула, свозя за собой тонкий слой мха; я ничком полетел на землю, корзинка за спиной опрокинулась и обдала меня дождем грибных облом-

ков. Из чувства самосохранения, чтобы не удариться лицом о землю, я вытянул руки и на четвереньках проехал аршина два вниз. Я очень рассердился, – и грибов было жалко, и ушибся я, и испачкался во что-то мокрое, липкое…

В одно мгновение вся досада моя исчезла! Я поскользнулся на мокрой глине, не успевшей еще просохнуть под мхом после дождя! Я нагнулся, взяв комок, – сорт был отличный, – мягкий, нежный, почти без камней в светло-серого цвета! Я бросил корзинку, вытащил из-за кушака топор, который всегда носил с собою, и пошел домой, как можно заметнее отмечая дорогу срубленными ветками.

– Вася, Вася! Ау…! – вопил я во всю силу легких.

Он был уже дома и сидел в тени под стеной. Возле него с одной стороны стояла сделанная из бересты коробка с прекрасной крупной земляникой, с другой моя наволочка, почти полная грибами, которые он очень серьезно чистил ножом. Он поднял голову и, насмешливо улыбаясь, проговорил:

– Ну и что? Не послушали меня! Ведь я вам говорил, что на горе не может быть других грибов кроме горянок, козьяков да рыжиков, – а нам от них и так деваться некуда! Ведь солить их нам нельзя, – соли нет. А вот я так пошел да белых набрал. Их на зиму насушить можно! Э! А где же это ваша корзина? Да и сами-то вы хороши!

– Постой ты! – вскричал я, едва переводя дух от быстрой ходьбы, и бросил возле него на землю комок мокрой глины.

Он взял его, помял в руках и с довольным видом взглянул на меня.

– Вот это так получше даже белых грибов будет, – сказал он. – А место заметили?

– Еще бы! Чуть не целую дорогу к нему прорубил да и корзину там оставил! – отвечал я самодовольно. – Оно, правда, не очень от нас близко, да то хорошо, что порожняком придется ехать на гору, а с глиной под гору!

– А грибы-то славные, – ворчал мой Пятница, продолжая возиться с ними, – жаль только, что нанизать их не на что. Разве на палочки, что ли.

– Как не на что? – оживленно возразил я, – разве ты забыл нянин ларец? Там, я думаю, ниток не оберешься. Я ведь его тогда так, без всякой цели прихватил, а вот он и пригодился. Пойду, кстати, притащу его из шалаша в дом.

Ларец оказался не легок. Я нес его и все боялся, что лубяное дно провалится, а потому, как только поравнялся с Васей, опустил его на землю, уселся возле и открыл крышку.

Кроме больших клубков бели, катушек, разноцветных тряпочек, утыканных иголками всех размеров, вязальных спиц, старых и новых ножниц, в «рабочем ящике» няни оказалось несколько мешочков, по-видимому, вовсе не имевших отношения к женским рукоделиям. На каждом из них красовался ярлычок, исписанный няниным почерком. Я сам когда-то выучил ее писать и читать, и меня всегда очень забавляли «крючочки и пузыречки», которые она выводила

вместо букв. Я с чувством какой-то нежности схватил самый большой мешочек и прочел:

«Рожь Вазя от господина Праскурова радить сам даже двацать».

– Вася, – проговорил я, чуть не сквозь слезы, – ты знаешь, что это? Ведь это рожь! У нас хлеб будет!

Он даже чуть-чуть побледнел, схватил мешок и бережно развязал его. Я взялся за второй такой же величины. «А эта уже переродок родит десить и девить тоже любит место ниское», – повествовала няня на ярлыке своими пузырьками и колечками.

Вообще няня была великая любительница цветов, огородов и всякой растительности. Еще она любила рассказы разных странниц и монахинь. Они усердо навещали ее и не щадили своих языков, а также старались угодить разными приношениями в ее вкусе: образками, крестиками, ладанками, брошюрками духовного содержания и семенами огородных и других растений, которых несли часто очень издалека.

Между прочим, мне попался мешочек со следующей надписью:

«Симина агуретные от матери Анфисы – говорит с голову бывают должно быть врет, а попробыть можно».

Другая, более почтительная и доверчивая, гласила: «Агурцы от Митрадоры Ликсеевны прорастить на мокрым мохе и сажать обкурены не боятся мошки».

Один за другим я перебрал семена всех огородных расте-

ний, и все с подобными же наставлениями.

– Вася, да ведь это целое богатство! Это дороже золота! – вскричал я. – Экая прелесть эта няня! Божий дар! Непременно поцелую ее.

– Если придется увидеть, – закончил за меня Вася. – А семена это дело, разумеется, хорошее, только ведь нам еще придется целую осень ломать из-за них кости, потом мечтать о них зимою, потом опять работать весною и летом и уж осенью добиться кое-чего.

– Что ж делать, Вася, это все-таки лучше, чем ничего, – из ничего ведь ничего и не сделаешь, – возразил я.

В этот день мы не пошли больше никуда, нанизали грибы, а потом принялись делать формы для кирпичей.

Утром мы встали вместе с солнцем и тотчас же принялись прокладывать дорогу к открытой мною глиняной залежи. Рубить у нас вошло уже в привычку, и дело подвигалось скоро. Часам к десяти просека была готова и даже очищена от срубленного молодого ельника и березняка, а после этого, наскоро позавтракав, мы взяли тележку и поехали за глиной. Везти ее обратно с горы не представляло уже никакого труда. Часа в четыре мы нашли, что на первый раз глины с нас достаточно, и начали возить песок, а кирпичи собирались делать уже на следующий день.

Делать кирпичи нужно; сидя верхом на скамейке, во всяком другом положении это чрезвычайно неудобно. У отца моего был кирпичный завод, и там мы с Васей достаточно

насмотрелись на это производство и натолковались с рабочими.

Мы раскололи толстый обрубок и принесли чурки в дом. Костра мы в доме никогда не зажигали, боясь пожара, а работать впотьмах нельзя. Вася, впрочем, нашел выход: он взял палку, аршина в три длиной, заострил ее с одного конца и расщепил с другого. Острый конец он вогнал в землю, а в расщепленный воткнул лучину, зажег ее, и комната озарилась тем тусклым чадным светом, которым пользуется всю жизнь большинство русских крестьян.

– Постой, Вася, у нас есть свечка и подсвечник! – вскричал я, спохватившись, побежал к углу и отыскал между вещами свой подсвечник и огарок. Но он был таким жалким, изломанным, что едва мог прогореть с час. Пришлось все-таки зажечь лучину. По мере того, как одна сгорала, мы заменяли ее другой. В комнате скоро стало так душно, что пришлось отворить дверь. Дышать стало легче, но глаза нестерпимо разъедало дымом.

В этот вечер, несмотря на боль в глазах, мы работали очень долго и легли только тогда, когда сделали грубую широкую скамейку из двух толстых, соединенных вместе досок. Верхнюю часть ее мы тщательно выстругали, чтобы удобнее было делать кирпичи. Мы, истомленные, присели, на нее и невольно рассмеялись – только теперь пришло нам в голову, что мы давно уже не сидели и не лежали иначе, как на голой земле. До чего человек и его привычки зависят от обстоя-

тельств.

Кирпичи делаются очень просто, хотя и не без труда. Повторяю, мы с Васей знали это производство, а потому начали с того, что принесли в дом добрую кучу глины, посредине ее сделали яму, залили туда воды и насыпали песок. Мы пробовали смешать все это в однородную массу лопатами, но дело шло так медленно и неудачно, что Вася, наконец, не выдержал.

– Нечего тут нежничать! – вскричал он, садясь на скамейку и быстро скидывая сапоги, – мы теперь лесные люди и не нежнее и умнее деревенских мужиков.

Он быстро стащил и носки, которые были, впрочем, ничуть не чище глины, до колен засучил брюки и бойко стал мять глину босыми ногами. Так действительно делали у нас на кирпичном заводе рабочие: мужчины, женщины и даже дети.

Я молча следил за ним. Мне было и противно ступать босой ногой в мокрую глину, но в то же время и совестно, что Вася делает это один. Последнее чувство было лучшим из двух, и я радуюсь, что оно одержало верх. Я тоже сел на скамейку, разулся и, скрепя сердце, принялся босыми ногами мять глину. Иногда нога попадала на камень, – было больно, но не долго, неприятное же ощущение холодной сырости прошло очень скоро, – напротив, ноги горели и прохлада сырости казалась приятной.

Долго плясали мы с Васей какую-то дикую, неуклюжую

пляску, временами поворачивая кучу с боку на бок лопатами. Наконец глина стала ровной густой массой отставать от ног.

Мы тотчас же придвинули к куче скамейку и взялись за формы. Кирпичная форма вещь тоже очень простая. Это ящик без дна и крышки, в полтора вершка глубиной, в три шириною и в шесть длиною, вернее рамка. Делающий кирпич сидит верхом на посыпанной песком скамейке, берет форму и опускает ее в воду, потом быстро ставит перед собою и набивает глиной. Рядом лежит заранее приготовленная дощечка в виде линейки, он ставит ее ребром на край формы и сгребает весь излишек глины, затем быстро хватает форму за ручки и оборачивает ее другой стороной вверх и так же, добавив глины, сгребает излишек ее линейкой, и кирпич готов. Его вытряхивают из формы, просушивают, ставят на ребро, сначала на солнце или на сквозном ветру, а потом уже обжигают. Мы должны были выставить окно и отворить двери в доме, чтобы устроить сквозной ветер, так как погода опять стала дождливая.

Мы с Васей сделали по двести пятьдесят кирпичей, но и этого было для нас много, так как низ печки мы задумали сложить из простого булыжника.

В том месте, где мы брали глину, оказались и камни. Пока просыхали кирпичи, мы стали возить их. Вскоре выяснилось, что вся вершина горы состоит из глины. Дожди размыли ее, и колеса тележки под тяжестью груза камней стали

оставлять в просеке глубокие колеи. Работать стало гораздо тяжелее, но моего дальновидного Пятницу смущало и еще одно обстоятельство.

– Все эти колеи, – сказал он мне однажды, – весной обратятся в целые потоки, которые побегут прямо к нашему дому и подмоют его. Непременно надо окопаться рвом.

Я, разумеется, вполне согласился с ним, но втайне лелеял другую мысль, – не очень практичную, но мне кажется, извинительную в моем положении. Я был гораздо более избалован в пище, чем Вася, а потому вечно одни и те же жареные утки, а и то хлопотливые дни впроголодь начинали нестерпимо тяготить меня. Мысль о нянином ларце не давала мне покоя – так и хотелось бросить все остальное и заняться огородом. Мне часто даже снились целые груды огурцов, редиски, печеного картофеля.

– Вася, – начал я довольно вкрадчиво, – ведь осень еще далеко, а весна и еще того дальше, – значит, со рвом успеем. А мне кажется, у нас есть дело гораздо важнее рва. Отчего бы нам не посеять кое-чего из няниных семян. Ведь, право, утки надоели!

Мой Пятница остановился и даже бросил лямку, за которую тащил под гору тележку, нагруженную камнями.

– Да что вы, Сергей Александрович! – вскричал он, вытаращив свои добродушные серые глаза. – Разве вы не видите, какое теперь время! Кто же сейчас огороды затевает. Ведь сегодня, надо думать, седьмое или восьмое июля, а нам еще

нужно гряды делать, да тогда уж сеять. Что же успеет у нас созреть?

– Да видишь, Вася, – слабо защищался я, – ведь мы живем на южном склоне горы, осенние холодные ветры дойдут сюда не скоро, – может быть и успеем собрать что-нибудь. А то, подумай сам, ну что мы станем делать зимою, ведь просто заболеть можно.

– Ну, уж если вам так хочется, – отвечал он, видимо сдаваясь, – навозить от озера черной земли гряды на две, да посадить редиски, она ровно через шесть недель будет готова, луку, тот хоть луковиц не даст, а все же зелень будет, морковки-каратели, та еще тоже поспеет, – а уж больше ничего нельзя.

Я рад был и этому.

Кажется, ни над чем не работал я так усердно, как над этим огородом! Устроить его было чрезвычайно трудно. Место, которое мы отвели для своего двора и вообще всего хозяйства, было на песчаной, почве. Пришлось навозить для гряд черной земли от озера и перемешать ее с песком, так как все корнеплоды: картофель, редис, морковь и прочие любят почву сыпучую. Подвозка земли была истинно каторжной работой! Приходилось тащить ее на себе по крутой, размытой дождями глинистой дороге. По вечерам я наделал несколько грабель. Когда гряды были готовы и засеяны, мы тотчас же до всходов стали обносить их плетнем. Материал рубили и приносили днем, а заплетали его даже ночью. Но

и после этого наш огород требовал прополки и ежедневной поливки.

Между тем кирпичи, хоть с грехом пополам, но просохли. Можно было начать класть печку, за что мы и принялись. Под мы довольно легко и правильно вывели из булыжника, стены сошли тоже довольно благополучно, но когда пришлось выводить чело, мы поневоле призадумались. Чтобы сдержать верхние кирпичи, обыкновенно кладут от одной стенки к другой довольно толстую полосу железа, но у нас таковой, разумеется, не оказалось, и мы очень озадачились. Наконец долгонько поломавши голову и перебрав в ней все мои убогие познания, я вспомнил об устройстве арок и сводов. Мы тотчас же сбегали с Васей к озеру, вырубили несколько толстых лозовых побегов, расщепили их надвое и постарались изогнуть самыми правильными дугами, по ширине нашей печки, между стенками которой и выставили и несколько штук, отступая одну от другой вершка на два; а затем стали поверх их класть кирпичи на ребро и очень плотно один к другому. Нижние края приладились действительно совершенно плотно, но зато верхние расходились как лучи от одного центра. Расстояние между ними мы заполняли трехгранными обломками кирпича и цементировали их глиной. Когда потолок был таким образом выведен, мы продолжали класть печку. Я хотел было сделать трубу совершенно прямую и широкую, но Вася энергично и очень основательно воспротивился атому, говоря, что при сильной тяге в

прямую трубу может выносить не только искры, но даже и мелкие уголья, которые станут падать на крышу и подожгут ее. Кроме того, если труба образует в самом корпусе печки несколько изгибов, то печка и скорее накаляется, и дольше держит тепло.

По обеим сторонам печки мы оставили лежанки, трубу вывели высоко над крышей, наконец, когда все было готово, протопили ее, но очень слегка, чтобы она просохла. Дуги, которыми поддерживались своды, разумеется, сгорели при этой же первой топке, но теперь это было нам не страшно, потому что главное свойство арок и сводов и состоит в том, что чем большая тяжесть на них давит, тем сами они становятся прочнее.

Внешние стены печки мы аккуратно обмазали глиной, как настоящие печники. При этом случилось одно обстоятельство, имевшее большое влияние на все наше лесное благосостояние.

Вася стоял на верху печки и обмазывал трубу. Ему беспрестанно нужна была вода, чтобы глина не приставала к линейке. Поднять котелок на печку было нам не под силу, поэтому я подавал ему воду в стакане, сделанном из разбитой бутылки. Но и это становилось неудобным, так как Вася забрался высоко. Я поставил котел с водою на кучу глины и взгромоздился на него. В пылу работы я не заметил, что котел под давлением тяжести моего тела, глубже и глубже вязнет в глину. Наконец вода кончилась и нужно было пойти на

озеро, я спрыгнул на землю и хотел взять котел, но он увяз так плотно, что это оказалось невозможным.

– Тащите вверх, и крутите его за ручку, как винт, – посоветовал Вася. Я послушался и, хотя не без труда, вытащил котел. Под ним оказался совершенно правильный и чистый слепок внешних стенок нашего чугуна.

– Вася, смотри! – вскричал я в восторге. – Ведь это значит, что у нас будет посуда. Теперь наделаем и котлов, и тарелок, и чашек! Пойдем скорее вместе за водой, да принесем со двора и глину. Ты кончай тогда печку, а я попробую сделать другой котел.

Вася слез с печки, мы взяли палку, которая служила нам водоносом, принесли воды и вылили ее в оттиск котла в глине. Она не вытекала, не впитывалась, а напротив, держалась очень хорошо, как в настоящей посудине. Я выбежал на двор, захватил несколько комков глины, размочил и уже собирался облепить стоявший вверх дном чугун, когда Вася остановил меня.

– Ну, это вы напрасно, Сергей Александрович, – сказал он. – Так, я думаю, у нас ничего не выйдет, нужно песку прибавить. Ведь песок плавится, он как растает, так остывши и свяжет глину. Только вы берите песочку ровненького, без камней.

Ни в детстве, ни в молодости не танцевал я так усердно, как отплясывал босыми ногами на куче глины, из которой предстояло лепить наш первый котел. Сапоги на этот раз я

снял без малейшего колебания. Наконец глина была готова. Я облепил ею котел пальца на два толщиною, подкинул в печку дров, позвал на помощь Васю, и мы поставили мое произведение в огонь. Но через несколько минут наружная сторона глины высохла и стала садиться, а внутренняя была еще сыра и по всему котлу пошли трещины. Со вторым опытом мы были осторожнее: во-первых, поставили котел не прямо дном вверх, а несколько приподняла с одного края и подгребли под горячих кольев; во-вторых, как только он достаточно просох, чтобы держаться и без чугуна, мы его вынули. На этот раз глиняный котел не растрескался, высох и обжегся, но все-таки оказался хрупким. Только после доброй сотни неудач добились мы умения делать сносную глиняную посуду. Я заготовил несколько деревянных форм и по ним в свободные минуты стал делать кружки, чашки, тарелки, горшки.

Между тем дни становились заметно короче, а вечера длиннее. При нашей бедности и при привычке жить порядочно нам нельзя было терять времени. Поэтому все вечерние часы мы проводили за столярной работой. Я начал с того, что смастерил хотя и убогий верстак, но все-таки значительно облегчавший мне труд своими приспособлениями. Для работы нужна сухая древесина. Я не поленился загромоздить верхнее пространство нашего жилья досками и бревнами, которые там просыхали довольно скоро, так как наша

печка давала столько тепла, что мы даже не ожидали. Выл в ней, однако, один большой недостаток. За неимением вьюшек мы не сделали душника, – тяга в трубе продолжалась и после топки, так что к утру становилось холодно. Зимою мы рисковали замерзнуть даже лежа на печке. Я сделал большой глиняный круг с ручкой, тщательно обжег его и, когда печка кончала топиться, лазил на крышу и закрывал.

В доме я сделал вдоль стены несколько прочных полок и расставил на них вещи и посуду. В комнате стало просторнее и чище. Затем уж, вместе с Васей, мы смастерили стол и два табурета, чтобы есть сидя, как цивилизованные люди. Все это было грубо и непрочно, но мы утешали себя мыслью, что найдем дорогу домой, а если не найдем, то успеем сделать для постоянного жилья и что-нибудь получше.

Наконец погода разъяснилась, и мы решились заняться обмазкой стен дома. Пока солнце и ветер просушивали отсыревшие за непогоду стены, мы возили глину и песок. Я заранее приготовил для себя и Васи штукатурный инвентарь, – широкие четырехугольные доски с ручками посредине, небольшие лопаточки и дощечки с ручками, наподобие утюга, чтобы гладко размазывать ими глину по стене. С обмазкой стен мы стравились быстро, а пока штукатурка просыхала, принялись за смолу. Варить ее с песком пришлось в чугуне, в только тогда мы поняли всю цену своей мысли делать глиняную посуду, – без нее нам пришлось бы, живя над озером, нуждаться в воде.

Горячая масса смолы с песком быстро остывала и твердела, так что работать приходилось очень спешно, но зато стена становилась буквально непроницаемой для сырости! Внутреннюю сторону стены мы также разделали глиной, но уже без смолы, впрочем, тщательно избегая трещин, так как тонкая черная угольная пыль жестоко нам досаждала.

Наконец у нас был прочный, безопасный и теплый дом, даже с некоторым запасом утвари. Надо самому пережить это чувство довольства, чтобы вполне понять его. Под его влиянием забывается весь ряд тяжелых трудов и усилий и остается только одно спокойное сознание веры в себя.

Между тем в природе уже начали появляться признаки наступающей осени. Многие птицы улетали, лиственные деревья стали переходить из темно-зеленого в нежно-палевый, ярко-желтый и даже пурпурный цвет. Но утрам стали прошибать морозцы. Но погода все еще стояла ясная, даже теплая.

– Эх, скоро и зима настанет! – сказал однажды Вася, выходя утром из дому и задумчиво глядя на белые, сверкавшие на солнце, блестки инея. – Батюшки светы! – вдруг крикнул он, в отчаянии хватаясь за голову. – А рожь-то! Ведь мы ее так и не посеяли. Подумайте-ка, ведь это значит еще целых два года не брать куска хлеба в рот!

Эти слова побудили меня проверить нянины семена. Я возвратился в дом, подставил к полке табуретку и… обмер от горя…

– Вася! – крикнул я.

Он тотчас же вошел, а я протянул ему пустой мешок. К нам, очевидно, забрались крысы! В обоих мешочках были проточены дырки, а зерна не было и в помине. Все остальные мешки с огородными семенами были тоже попорчены.

Не могу описать, какое горе причинило нам это открытие. Чтобы спасти остальные семена, мы подвесили их на лыках к потолку.

На другой день мы энергично принялись за ров, но сначала небольшими кольями распланировали двор. Чтобы защитить дом и огород от непрошеных гостей, вроде волков, лисиц и зайцев, мы порешили обкопать его широким рвом, аршина четыре глубиною, землю же изо рва употребить на вал, на вершине которого хотели поставить острый частокол. Ров должен был охватывать двор лишь с трех сторон, в виде огромной буквы «П», так как четвертая выходила на обрыв и была достаточно защищена его крутизной, а также и частоколом, который мы хотели поставить и с этой стороны. Ров мог принести нам неисчислимые выгоды. Вешние воды, обегая с вершины горы, могли подмыть наши стены, но, встречая ров, они попадали бы в него и, не доходя двора, сбегали бы до обрыва, а с него хоть каскадами в озеро. Он мог служить нам также надежной защитой от опасных зверей и даже ловушкой для волков и медведей. Для выхода к озеру мы задумали сделать в частоколе лишь неширокую калитку, а в лес целые ворота, за которыми должен быть подъемный

мост. По одну сторону дома, возле огорода, мы собрались поставить погреб, а по другую – ледник.

Ров мы рассчитывали окончить до зимы, но, несмотря на то, что за два месяца постоянной и упорной физической работы на открытом воздухе мы значительно окрепли, копать ров задуманной глубины оказалось для нас делом почти непосильным. Вырытую землю приходилось выносить на вершину вала. Чтобы облегчить работу, мы сделали две корзины, приспособленные для того, чтобы носить их за плечами. Но вскоре мы поняли, что целый день земляной работы нам, положительно, не под силу. Поэтому утром, со свежими силами, мы брались за лопаты и работали до полудня, потом обедали и ложились отдыхать часа на полтора, а затем уже шли в лес и рубили жерди для частокола. Работа топором, сама по себе очень утомительная, стала нам казаться отдыхом сравнительно с земляной.

Кроме того, в своей уверенности окончить ров раньше, чем земля замерзнет, мы сделали еще одну капитальную ошибку, – начали ров не с нагорной стороны, а от обрыва: таким образом, зима застала нас не защищенными от предстоявших весенних вод. Убедившись, что, несмотря ни на какие усилия, нам не удастся довести ров до конца, мы решили завершить другое, чрезвычайно для вас важное дело, подготовку настоящего большого огорода, который мог бы прокормить нас, за неимением хлеба, хотя бы овощами.

Дело это было тоже, без преувеличения можно сказать,

каторжное. Мы неутомимо возили в тележке землю от озера и сваливали ее в том месте, до которого на будущий год собирались продолжить плетень огорода. Болотная земля была слишком сыра и холодна, и мы перемешивали ее с песком, а за неимением навоза удобряли перегнившей растительностью.

Глава шестая
Мы убиваем лося, нападение волков

А время все шло да шло, и приносило нам то новые заботы, то новые радости.

Однажды я пошел к озеру, чтобы поставить петлю с убитой лягушкой для ловли уток. Из шести заготовленных Васей петель непременно одна или две доставляли нам утку на жаркое. Никто не беспокоил птиц на атом озере, Бог знает сколько лет, а потому их было очень много. В этот раз я отошел от дому дальше обыкновенного. Пробираясь топким берегом в чаще кустов, я заметил, что они сильно поломаны, а на земле следы лосей. Придя домой, я рассказал об этом Васе.

– А знаете, Сергей Александрович, ведь до нашей зелени добрались-таки зайцы и попортили пучков десять, но я разыскал дырку, в которую они пролезали, и заделал ее. А главное, что меня удивило и напугало, – возле самого плетня я тоже заметил следы лосей. Что, если они заберутся в огород? Прощай наша работа! Я хочу пойти ночью подкараулить их. Может быть, удастся и убить хоть одного. Пойдемте вместе. Оно не так страшно вдвоем, да и убить можно скорее.

Три ночи кряду ходили мы с Васей и, сдерживая дыхание,

таились по нескольку часов возле плетня. Но лоси не подходили к огороду. Каждую ночь мы слышали их тяжелый топот. Они приходили на водопой всегда по одному месту, саженей за 20 от нашего жилья, так что мы не могли даже увидеть их за лесом. Я предложил Васе влезть ночью на одну из сосен, возле протоптанной ими тропинки. Вася согласился. Вечером мы зарядили ружья, захватили по куску жареной утки и, дойдя до лосиной тропинки, взобрались на высокую, крепкую сосну и уселись на толстых сучьях. Вскоре мимо нас пронеслись тесть лосей. У двоих были довольно большие рога, остальные были безрогие, а последняя пара вообще походила скорее на телят, чем на взрослых лосей. Бежали они поразительно быстро, высоко подняв головы. Они были еще далеко, когда я понял, что стрелять по ним бесполезно, потому что попасть мало надежды, а выстрел, пропав даром, только вспугнул бы животных, соседство которых вовсе не вредило нам, а в будущем обещало еще и выгоды. Я махнул Васе рукою, чтобы он не стрелял. Лоси довольно долго оставались на озере. Слышен был сильный плеск – они купались, плавали и пили.

Придя домой, мы легли спать, но Вася долго еще толковал мне, что нам непременно нужно убить лося, чтобы получить шкуру и мяса на суп. Он предлагал в другой раз влезть на дерево возле самого водопоя и стрелять в ту самую минуту, когда лоси станут пить.

Настал конец сентября, и пришла пора собирать огород-

ное. Мы решили заняться им на другой день, а вечером, накануне, сидели дома и занимались каждый своим делом. Погода стояла холодная, мы затопили печку. Ночью Вася хотел сушить в ней что-то. Я усердно работал рубанком. Мне стало жарко. Чтобы немного освежиться, я оделся и вышел из дому. Ночь была светлая, лунная. Вдруг со стороны огорода раздался сильный топот и какой-то странный, до сих пор мне не знакомый крик. По топоту я догадался, что это лоси.

– Пропадет наш огород! – мелькнуло у меня в голове.

Я быстро вбежал в дом, схватил ружье и крикнул:

– Вася, лоси в огороде!

Тот, даже не одеваясь, взял ружье и пошел за мной. Мы осторожно пробрались к плетню. В огороде еще не было никого, но из-за плетня виднелись лосиные рога. Сердце у меня так и стучало. Вдруг из-за плетня показалась вся огромная, рогатая голова лося. Он стоял несколько минут и смотрел на нашу зелень. Должно быть, ему очень понравилась ботва свеклы, потому что он вскинулся на задние ноги и тяжело прыгнул в огород. Из-за забора показалось еще несколько лосиных голов. Я толкнул Васю, приложился и выстрелил, стараясь опять попасть в плечо. Мне удалось, но животное было так велико и сильно, что могло бы убежать. К счастью, выстрел Васи подоспел очень вовремя: пуля, пройдя сквозь в сердце, сразила лося наповал. Остальные разбежались.

– Вот счастье-то! – вскричал Вася во все горло.

– Да, хлопот нам с ним будет много, – ответил я, – нужно

снимать шкуру сейчас же, а то, пока рассветает, придут волки и перепортят ее. Делать же это придется в огороде, потому что нам вдвоем не стащить его с места.

– Да уж нам, видно, не ложиться сегодня спать, – заключил Вася.

Я решительно не знал, как приняться за обдирание шкуры. Но Вася сказал, что он внимательно наблюдал за разделкой лося, которого я убил на охоте, и он знает, как снять шкуру, как разрубить животное и как прокоптить окорока. Мы сходили домой за ножами и топорами и возвратились к лосю. Нужно было сначала отбить рога, и это оказалось очень трудным, но когда мы, наконец, осилили их, Вася разрезал от нижней губы по груди к брюху до самого хвоста: потом от этой длинной черты прореза – другие по внутренней стороне каждой из ног. После этого он стал отдирать шкуру от мяса, подкожный слой подрезая ножом. Я принялся помогать ему, стараясь не перепачкаться в крови. Мы работали очень усердно и не обращали внимания на, то, что делается вокруг. Но вдруг меня поразил сильный треск и шелест возле плетня. Я оглянулся. Из-за плетня на нас смотрели две волчьи морды со свирепо оскаленными зубами. Должно быть, их привлек запах крови. Я невольно вскрикнул. Ружье мое стояло далеко, но Вася поставил свое рядом и, схватив его, выстрелил. Один волк завыл и сорвался с плетня, но другой, с окровавленной мордой, перепрыгнул в огород и бросился к Васе. Тот ударил его по голове прикладом, но волк все-

таки успел вцепиться ему в ногу. К счастью, я не потерялся от испуга, поднял с земли топор и перерубил ему шею. Волк упал, а с ним рядом со стоном опустился на землю и Вася. Забыв все предосторожности, я разобрал часть плетня и провел Васю домой. Там он разулся, и мы осмотрели рану. Оказалось, что волк сильно разорвал голенище его сапога и конец заправленных в него толстых суконных брюк. На ноге оказались две довольно глубокие царапины. Мы обмыли ранки и обвязали их чистыми тряпочками, которые оторвали от одной из моих запасных рубашек. Вася быстро успокоился, потому что сначала плакал не столько от боли, как от сильного испуга. Он благодарил меня за спасение и помощь, но вскоре практичный ум его опять обратился к повседневным заботам.

– А мы все так и оставили там! – вдруг спохватился он. – Пожалуй, придут другие волки и перепортят обе шкуры, или в огород прибегут зайцы, съедят капусту, Господи, скоро ли рассветет! Да вот что, приотворите дверь, да выстрелите несколько раз пистонами, этот шум напугает их.

Я хотел воспользоваться его советом, но вспомнил, что ружья остались в огороде. Уходя оттуда, Вася ничего не помнил от страха и боли, а я забыл все, спеша помочь ему.

Мы прислушались. Где-то очень близко слышался вой волка.

Я утешал Васю тем, что съесть целого лося волки не могут

в несколько часов, что они, вероятно, примутся есть его с той части, которую мы уже освободили от шкуры, и она останется цела, что, наконец, при волках зайцы не посмеют прийти в огород. Наконец рассвело совершенно. Волк не переставал выть где-то недалеко, я боялся выйти один из дому. Вася попробовал встать с лежанки. Оказалось, что он может ходить, хотя и с трудом. Мы решили, что выйдем на двор вместе, я влезу на крышу маленькой постройки, которую мы приготовили для сохранения овощей, и посмотрю оттуда, что делается на огороде. Вася шел прихрамывая и опираясь на меня. Я, дрожа от страха, взобрался на крышу. Лось лежал полуободранный, в нескольких шагах от него растянулся мертвый волк, а вокруг валялись наши ножи, топоры и ружья. Но больше всего удивило меня то, что со стороны огорода все-таки раздавался вой волка. Я рассказал обо всем Васе, который уже присел на землю.

– А знаете что, – сказал он задумчиво, – ведь там было два волка, когда я выстрелил, один вскочил в огород, а другой упал с плетня. Может быть, он так ранен, что не в силах убежать, вот и воет. Пойдемте в огород и посмотрим сквозь плетень.

Я забежал в дом и на всякий случай захватил с собой пороховницу и дробницу. Подкравшись к плетню, мы увидели другого волка. Морда его была вся в крови, из обоих глаз она текла ручьями. Вася стрелял дробью на близком расстоянии. Должно быть, почти весь заряд попал ему в глаза, толь-

ко несколько дробинок досталось на долю того волка, который бросился на Васю.

– Что же ему так мучиться, – сказал Вася, – зарядите ружье и пристрелите его.

Я сделал это, но, признаюсь, с чувством глубокого отвращения.

За весь день мы едва успели снять со зверей шкуры, разрубить лося и закопать волков в землю, оттащив их подальше от нашего жилья. Хотя крупная добыча очень развеселила Васю, и он старался изо всех сил, но боль в ноге делала из него плохого работника. Погода была холодная, а бедный товарищ мой не мог надеть сапога. Чтобы защитить его от холода, я сшил из хранившейся у нас от первых охот заячьей шкуры носок, вроде теплого ботинка. Он был мягок и не жал ногу.

Вася продолжал удивлять меня. Когда мы закопали волной, разрубили лося на части и убрали их в сарай, он сказал:

– Ну, Сергей Александрович, я со своей больной ногой никуда не гожусь, а вы не знаете, как и что нужно делать, так уж, пока я хвораю, вы работайте, а я буду вас учить. Приниматься за огород сегодня поздно, успеем и завтра, так давайте коптить окорока. Вырубите сук потолще, соберите побольше гнилого дерева и нарежьте можжевельника.

Я захватил нож и топор и ушел. Через час, возвратясь с тяжелой ношей, я застал Васю возле дома: он приставил к крыше лестницу и ждал меня. Рядом лежали окорока, при-

вязанные вдоль веревки один ниже другого.

– Обыкновенно их сначала солят, – сказал Вася, – но у нас мало соли. Если оставить их так, то они испортятся, так уж давайте коптить как можем. Полезайте на крышу, всуньте окорока в трубу так, чтобы они висели один ниже другого, конец веревки привяжите к середине сука, который вырубили, и положите его на трубу.

Я взобрался на крышу, втащил за собою окорока и сук и, сделав все так, как советовал Вася, снова сошел на землю.

Между тем Вася, внеся можжевельник и гнилье в дом, заложил их в печку и ожидал только меня, чтобы затопить ее.

– А где же наши шкуры? – спросил он, разведя огонь. – Нужно натереть их солью, а то они так затвердеют и высохнут, что их будет не согнуть.

Я было стал возражать ему, что соли у нас мало, но он сказал, что лучше остаться без соли на три дня раньше, нежели остаться зимой без шубы.

Я знал так мало, что поневоле приходилось подчиняться Васе. Он принялся за шкуры, стараясь тратить как можно меньше соли, а меня попросил натаскать как можно больше хворосту, потому что печка была занята копчением, а он хотел завтра выварить из лосины бульон, пока я буду собирать овощи.

Я натаскал во двор все, что попадалось мне под руку, и возвратился домой. Вася уже насолил шкуры, натянул их на палки и повесил под крышей, подальше от печки.

– Шибко мы с вами утомились, – сказал он, – но спать ложиться нам еще нельзя. Завтра мне нужна будет ложка, чтобы, вываривая бульон, мешать в котелках.

Я почти с отчаянием взял сухой кусок березы, выдолбил в ней круглую я довольно глубокую впадину, отпилил лишние части и обровнял ножом, придавая форму ложки. Разумеется, вышло очень грубо, но глаза мои так и слипались и только энергия, с которой трудился неугомонный Вася, заставила меня довести дело до конца.

– Ну, теперь давайте ужинать, – сказал он. – Пока вы работали, я приготовил вам угощение.

Он достал из печки два куска превосходного лосиного бифштекса, на глиняной тарелке. Я так давно не ел мяса, что у меня разбежались глаза и прошел сон.

– Что, хорошо? – спросил Вася, с самой счастливой улыбкой на своем милом лице. – А завтра я еще сварю щи из ботвы редиски, как весной делают.

Мы с аппетитом поужинали.

– Вот теперь можно и выспаться! Ложитесь вы, а я еще обмою рану, перевяжу ее и уж потом лягу. Я все-таки устал меньше вас.

Я с наслаждением растянулся на мягком мху, которым была устлана моя лежанка, натянул на себя одеяло и сейчас же заснул.

Глава седьмая
Ловля зайцев. Наступление зимы. Новые труды и заботы

В прекрасном настроении проснулись мы с Васей на другое утро. Он встал даже несколько раньше меня, успел сходить в сарай и принести кусок лосиного мяса, из которого опять состряпал два бифштекса. Чаю у нас не было, а потому мы поневоле должны были начинать день с такого плотного завтрака. Впрочем, это имело свою хорошую сторону. Мы постоянно принуждены были заниматься тяжкой работой и очень дорожить временем. Закусивши так плотно, мы долго не хотели есть.

Еще накануне мы решили, что Вася будет вываривать бульон, а я убирать огород. Нога его сильно болела, а лечить ее было решительно нечем. Осталось одно – не слишком натруждать ногу и держать рану как можно чище. Мы строго исполняли оба эти условия. Вася обмывал и перевязывал рану раза четыре в день, а я делал все, чтобы освободить его от тяжелого труда. Прежде чем отправиться в огород, я развел три небольших костра, помог нарубить лосину на куски, чтобы их можно было уложить в горшки, и принес с озера воды.

– Ну, теперь спасибо вам, Сергей Александрович, – сказал он. – На то, чтобы ходить от одного костра до другого, у меня

силы хватит. Зато завтра к вечеру у нас будет запас сухого бульону на целую зиму.

Я взял лопату и тележку и отправился в огород. Пять небольших грядок были засеяны редиской, морковью и луком. Прежде всего я занялся луком. Сея его, мы следовали указаниям, написанным няней на ярлыке мешка: разрезали каждую луковицу пополам. Я все боялся, что из нашего посева ничего не выйдет. Это было для нас тем более страшно, что мы засеяли весь лук, который нашли. Накануне Вася вырыл несколько луковиц, чтобы поджарить вместе с бифштексом, но по ним трудно было судить об урожае. Но когда я принялся за работу, то страх мой обратился в сильную радость. На каждой почке было по 5–6 луковиц. Я выкопал весь лук, ссыпал в тележку, разобрал часть плетня и повез урожай домой, Вася тоже очень обрадовался. Чтобы сохранить лук от морозов, я навязал его в виде ожерелья на веревку и повесил подальше от входа.

Затем я принялся за редьку и морковь. Все уродилось отлично, только несносные зайцы попортили несколько отличных пучков ботвы. Я не сдержался и помянул их недобрым словом. Вася выслушал меня и, когда я отвел душу, сказал:

– А знаете, не выбрасывайте листья от свеклы и моркови, а соберите их в погреб. Сегодня вечером сколотим несколько небольших ящиков, поставим их на огороде вверх дном, подопрем с одной стороны палочкой и подложим под ящик по пучку ботвы, которую нужно привязать к палочке. Ночью

придут зайцы, станут ее есть и непременно дернут за веревочку. Ящик упадет и накроет зайца. Когда я был маленький, то часто ловил так мышей в людской.

Мне очень понравилась его выдумка, она позволяла не тратить порох, которым мы очень дорожили.

К вечеру я перевез в погреб весь урожай, разложил овощи по корзинам и пересыпал их песком.

Едва я вышел из погреба, как меня окликнул Вася. Он хотел снять горшки с огня и просил помочь ему. Он вынул из них мясо длинной, заостренной палкой, принес из дому одну из моих наволочек и всю глиняную посуду и принялся с моей помощью процеживать бульон.

– Вот, – говорил он, – мясо можно есть, а бульон надо кипятить еще долго: уж без него он выкипит, и когда остынет, будет крепкий, как черствый хлеб. Эх, чудесным бы был я поваром! – прибавил он, самодовольно улыбаясь и ставя процеженный бульон опять на огонь.

Я натаскал еще хвороста, наколол дров, принес с озера гнилья и можжевельника для копчения и принялся за изготовление ящиков-ловушек. Гвоздей у нас осталось уж очень немного. Это меня заставило призадуматься, чем заменить их. Не умея вырезать шипы и гнезда, как обыкновенно делают столяры, чтобы скреплять ящики без гвоздей, я отпилил доски и просверлил буравчиком дырочки в местах, где должны были проходить гвозди, обстругал небольшие и круглые палочки, обмакнул их в остатки чистой смолы и крепко за-

колотил в дырочки. Ящик вышел очень прочный. Вася очень хвалил меня за изобретательность.

Мы решили поставить ловушку для зайцев в эту же ночь. Но первая ловля наша окончилась неудачей. Зайцы пришли и съели ботву, но ящик не упал, потому что мы поставили его на грядку и подперли очень тонкой палочкой. Ящик своей тяжестью вдавил ее в рыхлую землю, и она стояла так крепко, что не повалилась от слабого подергивания зайцев. Ставя ловушку на другой день, мы подложили под конец палочки небольшой камень. Теперь она стояла, очень шатко, и, действительно, в эту ночь в нее попались два зайца. Утки уже улетели, и зайцы отлично заменили их.

Заячьи шкурки тоже не пропадали у нас даром: мы сберегали и сушили их; только с тех пор, как убили лося, натирали уже не солью, а салом. Это требовало гораздо большего труда, потому что нужно было натирать кожу до мягкости и в то же время стараться, чтобы она не пачкала. Сала у нас было много. Вася натопил его из лосиного жира, и хранил в глиняном горшке. На нем он жарил зайцев. Бульон он выварил превосходно, хотя работал над ним целых два дня. Образовалась довольно густая масса. Вася разлил ее в небольшие глиняные чашки, и когда она затвердела, мы получили несколько фунтов отличного крепкого бульона. Мы на другой же день попробовали его, сварив небольшой кусок с луком и морковью.

– Теперь, – говорил Вася, с наслаждением хлебая своей

неуклюжей деревянной ложкой, – можно будет поесть горячего зимой, а то все приходилось питаться сухим мясом и запивать водой.

Началась зима, пошли морозы, и мы поневоле должны были проводить большую часть времени в доме. Как дорог и уютен показался он нам теперь! Защищенные от ветра и стужи, мы могли наслаждаться теплом и светом, которые позволяли нам работать для удовлетворения наших еще очень многочисленных нужд. Занимаясь очень тяжкой работой на открытом воздухе, мы почти не замечали осеннего холода, но снег напомнил о том, что нам необходимы шубы. Шкуры двух волков уже высохли, и мы решили сделать из них себе по хорошему полушубку. Ни кроить, ни шить мы не умели, но нужда всему научит! Долго раздумывали мы, как приняться за дело, наконец Вася предложил взять за образец его казакинчик, который разостлал на полу, на шкуре. Кроить приходилось перочинным ножом, потому что у няни в ящике оказались только маленькие ножницы для вышивания. Резать ими шкуру – значило изломать их, а мы с Васей очень берегли свои вещи! Наконец, мы смастерили полушубок, тщательно выскоблив безволосую сторону шкуры. Три необходимые к нему пуговицы мы отпороли от моего сюртучка, обшлага и ворот обшили заячьим мехом. Окончив его, мы радовались, хохотали и прыгали, как сумасшедшие. Второй полушубок дался нам легче. Шапки мы сделали из заячьего меха, шерстью наружу, а чтобы грубая невыделан-

ная шкура не терла лоб, я пожертвовал своей жилеткой, из которой Вася вырезал подкладки. Летние сюртуки наши сохранились довольно хорошо, потому что работать в них было жарко, и приходилось снимать их. Мы повесили их на стену, намереваясь не надевать до самого лета. Но брюки и сапоги совсем износились. Пришлось сшить и их из заячьих шкурок, но меха хватило только на одну пару, для меня. Мне было неловко, но Вася объявил, что моими лохмотьями он залатает свои брюки, так что они прослужат ему еще довольно долго, а до тех пор мы успеем еще наловить зайцев. Это меня несколько успокоило. Больших трудов стоили нам также сапоги. Мы выкроили их из лосиной шкуры, шерстью внутрь. Но кожа была так тверда и жестка, что пришлось делать их гораздо ниже колен, чтобы они не терли ногу при сгибании. Шить ее можно было не иначе, как сперва наколов дырочек столярным шилом. Сколько раз вспоминали мы няню и благодарили Бога, что мне пришла в голову мысль захватить ее рабочий ящик! Он дал нам возможность завести огород и обзавестись теплой одеждой. Занимаясь шитьем теплого платья, мы не забывали и о благоустройстве нашего жилья. Я сделал два стола, два стула и несколько полок. На одной из них мы разложили столярные инструменты, на другой разместили порох, дробь, пистоны и пули, а под нею повесили два ружья, пороховницы, дробницы, ягдташ, летнее платье и шляпы. Остальные полки заняла глиняная посуда. Под самой крышей я вбил в стену два кола и на них положил

несколько досок, заготовленных мною еще с лета для разных домашних поделок. Там они отлично просушились. Стружки и щепки, остававшиеся от работ, мы ежедневно подметали и сжигали в печке. Бульон стал нашим постоянным кушаньем. Я выстрогал новые ложки, потому что те, которыми мы сначала пользовались, были очень грубы, деревянные вилки часто ломались, а потому в свободное время смастерил их около дюжины. Очень хотелось мне сработать шкаф, но для этого оказалось слишком мало материала, и пришлось отложить на будущее. Вася усердно трудился над посудой из глины, которую мы спрятали в сарай при первом появлении снега. Он вылепил еще несколько котлов, горшков, чашек и кружек и обжигал их в печке.

Снег в эту зиму выпал очень глубокий и доставлял нам немало хлопот. Мы все боялись, что он своей тяжестью раздавит крышу, а потому после снегопадов сбрасывали его вниз. Вокруг дона скоро образовались высокие сугробы, которые грозили совершенно погрести нас. Избавиться от них одними лопатами было невозможно. Тележка не годилась, потому что колеса глубоко врезались в снег, и везти ее стоило непомерных усилий. Необходимо было сделать сани, и у нас не было годного для этого дерева. Мы оделись в свое меховое платье и пошли на поиски. Нам попадалось много глубоких следов волков, лосей, лисиц, но самых зверей мы не видели. Идти было очень трудно, мы беспрестанно про-

валивались или спотыкались за обломанные ветви деревьев, так гладко засыпанные снегом, что приметить их не было решительно никакой возможности. Такие мелкие неприятности повторялись часто и очень смешили нас. Наконец, у самого берега озера мы вырубили два молодых вяза, обчистили и с трудом дотащили их домой. На другое утро мы обтесали вязы с двух сторон, как можно глаже в тех концах, которые нужно было загнуть, сделали их гораздо тоньше, чем в остальных частях. Вася привязал к тонкому концу веревку, толстый упер в стену и принялся изо всей силы натягивать ее. Дерево поддалось и стало сгибаться. Чтобы оно снова не выпрямилось, мы привязали другой конец веревки к толстому комлю вяза, положили его на лежанку. Высохнув в согнутом положении, дерево навсегда сохраняет его. Затем мы занялись заготовкой второго полоза и обстругиваньем копыльев: на это ушла целая неделя.

Наконец полозья высохли, мы продолбили гнезда для копыльев, вколотили их, переплели заготовленным заранее молодым березняком, и сани наши были готовы. Мы поставили на них корзину и стали вывозить со двора и сваливать снег ниже дома.

– А то, – говорил предусмотрительный Вася, – весной он станет таять и вся вода потечет к нам в дом. Пожалуй, размоет еще стены.

Глава восьмая
Моя болезнь. Заботы Васи и его способ лечения. Выздоровление

Эта работа не прошла для меня бесследно. Снег был очень глубокий и очень легко засыпался за мои низкие широкие голенища, таял от теплоты ног, и я скоро промок до колен. Оттаскивание саней требовало больших усилий, меня бросало в испарину, и я расстегивал полушубок. Вероятно, меня прохватило в это время холодным ветром. Когда смеркалось, мы возвратились домой. Я почувствовал сильный озноб и головную боль. Вася уговорил меня не работать в этот вечер, уложил на лежанку и покрыл всем теплым, что только у нас нашлось. Я скоро согрелся, но озноб перешел в сильный жар, головная боль усилилась. С лета у нас остался небольшой запас сушеных ягод. Вася вспомнил, что в случаях сильной простуды заваривают сушеную малину, как чай, и дают ее пить больным.

Он тотчас же занялся приготовлением этого первобытного потогонного средства. Я выпил несколько кружек, но испарина не появлялась. Ухаживая за мной, бедный Вася совершенно выбился из сил, и я уговорил его лечь спать. Он долго не соглашался, наконец сказал:

– Хорошо, я лягу, только не на своей лежанке, а у вас в но-

гах. Если вам что-нибудь понадобиться, толкните меня ногой – я сейчас же вскочу.

Когда он заснул, на меня напала невыразимая тоска. До сих пор все время мое было так наполнено насущными заботами и трудами, что я редко, да и то как-то мельком, вспоминал о родном доме, о матери, о сестрах, об отце. Теперь все они пришли мне на память – и мне казалось, что я способен отдать половину жизни, чтобы в эти минуты заботливо наклонилась ко мне мать, ласково заговорил со мной отец, или весело защебетали сестры.

Дома ко мне позвали бы доктора, а здесь за окном завывает ветер, и волки точно подтягивают ему, помогая петь какую-то замогильную песню. Вот до чего довела меня моя опрометчивость. Точно я тогда не мог сообразить, что остров, на который буря выбросила Робинзона, совсем не то, что наш глухой сосновый лес. Там не было зимы, ему не приходилось возить на себе снег. Там не было ни одного дикого зверя, а водились только смирные и полезные животные. Он мог почти не заботиться о своем пропитании – на деревьях росли для него все припасы. А мы-то: вечная работа, вечный страх умереть с голоду, вечное опасение попасть на ужин какому-нибудь серому волку!

Мне стало страшно и невыразимо жаль себя. Вася спал невозмутимо. Переменить лучину в светце было некому. Она догорела и потухла. Мне было душно, голова болела нестерпимо, мной окончательно овладела тоска: я принялся

было плакать, но скоро впал в забытье.

Сколько времени продолжалось мое бессознательное состояние – я не знал. Когда я пришел в себя, Васи не было дома. Я от нечего делать стал осматривать наше жилье. Меня поразило множество мелких перемен: вокруг моей лежанки были сдвинуты два стола, оба стула, а в ногах торчали сани. Окно, свет которого падал мне прямо в глаза, было завешено. Перед дверью был натянут остаток лосиной шкуры. Я попробовал было приподняться, но почувствовал такую слабость, что принужден был снова опуститься на подушку.

Прошло довольно долгое время. Наконец я услышал шаги по снегу, затем какой-то странный стук у дверей, и через минуту из-за лосиной шкуры осторожно появилась фигура Васи. В руках у него был мертвый заяц, за спиной висело ружье.

– Вася, – заговорил я и сам удивился писклявости своего голоса, – что это тебе вздумалось загородить меня, точно дикого зверя?

Услышав мой голос, он вздрогнул, швырнул в сторону зайца и опрометью бросился ко мне.

– Вы живы?! Ну, слава Богу! Теперь вы скоро будете здоровы! Господи, как я намучился! – говорил он, со слезами на глазах обнимая меня. – Лежите, лежите! Не хотите ли есть?

Я действительно был голоден. Вася дал мне кружку крепкого, горячего бульону, приподнял меня, чтобы я мог пить, и поправил подушку.

Делая все это, он рассказывал мне, что с того вечера, как я заболел, он не имел ни минуты покоя. Я разбудил его страшным плачем и криком. Я то несвязно и слезно просился домой, то начинал драться с волками, вскакивал с лежанки, размахивал руками. Ловить и укладывать меня снова на лежанку ему очень было трудно, потому что в бреду я был необыкновенно силен.

– Жалко мне вас было, и-и-и как! – рассказывал мой добрый товарищ, – но что поделаешь: пришлось связать руки и ноги простыней. Хорошо бы еще, кабы я мог постоянно сидеть с вами, – но ведь мне нужно было все делать одному: снег шел очень сильный – пришлось его скидывать с крыши, вышли все дрова – нужно было нарубить и навозить их; воду с озера приходилось возить одному; ну, тоже надо было и пищей раздобыться. Еще спасибо зайцам, что хорошо ловились. Один раз я ушел из дому, да видно плохо связал вас. Прихожу, а вы стоите возле окна босиком. Я так испугался, что совсем не знал, что делать: схватил вас в охапку и повалил на лежанку. Потом разогрел лосиного жиру, растер вас, особенно ноги, и обвязал их заячьими шкурами. С тех пор я выстлал пол возле вас мехом, а кругом загораживал всем, чем мог, а чтобы вам было тепло, и денно и нощно топил печку.

Я от души благодарил Васю за его заботу и спросил его, сколько времени мучил я его так.

– Разве вы мучили? Разве вы виноваты! – с досадой воз-

разил он. – Ведь когда волк укусил меня за ногу – вы ходили за мной, мыли и перевязывали мне рану. Теперь случилась беда с вами, и я был бы подлец, если бы не берег вас. А сколько времени вы хворали – я не знаю. Сначала считал было, но как дошло до пяти дней, я и счет потерял. Кажется мне – недели три.

Продолжительный разговор с Васей утомил меня: мне захотелось спать, и я уснул, а он пошел рубить дрова.

Вася беспрестанно забегал домой узнать, не хочу ли я чего: пить или есть. Вечером, когда он совсем возвратился в дом, я опять принялся расспрашивать его о подробностях моей болезни.

– В лесу теперь очень страшно, – рассказывал он, – волки бегают целыми стаями и подходят к самому дому. Да вот, как вы поокрепнете – мы постреляем их, а за лето обкопаемся такой глубокой ямой, что они сами в нее попадутся. Выздоравливайте-ка поскорее, Сергей Александрович! – прибавил он, ласково и весело глядя на меня.

Я всей душой был бы рад исполнить совет Васи, но выздоровление шло довольно медленно. Когда силы мои восстановились настолько, что я мог встать с лежанки, Вася позволил мне ходить по комнате не иначе, как в полушубке и теплых сапогах. Он усердно кормил меня бульоном и жареными зайцами. Милый, добрый Вася: я уверен, что спасением моей жизни обязан тебе и твоему неусыпному уходу!

Глава девятая
Лыжи. Волки и лось. Приманка и бойня

Вскоре я уже настолько окреп, что мог приняться за работу и выходить из дому, но Вася решительно объявил, что не выпустит меня до тех пор, пока я не сделаю себе лыжи – иначе ноги мои опять промокнут от засыпавшегося в голенища снега. Делать было нечего: я покорился и принялся мастерить лыжи. В толстой доске, аршина полтора в длину, я выдолбил углубление, тщательно обровнял низ, стараясь, чтобы лыжи вышли как можно глаже и тоньше. На эту работу ушло четыре дня.

Кроме того, я смастерил два копья, наподобие лапландских, крепко привязав к длинным палкам острые ножи.

Между тем Вася успешно добывал зайцев. За время моей болезни он сделал еще несколько ящиков и расставлял их, подкладывая капусту, которой у нас было с избытком – около 50 кочанов. Каждый день он приносил по два-три пленника, сдирал с них шкуры, мясо замораживал, а внутренности старательно прятал в сарае. Я спросил его, зачем он сберегает вещи совершенно нам не нужные? Он хитро улыбнулся и сказал:

– Вот, как только вы станете совсем молодцом, – увидите,

какую штуку я с ними сыграю.

Когда лыжи и копья были готовы, мы стали выходить с Васей вместе, но вели себя очень осторожно. Пока один рубил дрова, осматривал ящики и вынимал оттуда зайцев, или наливал из проруби воду в котелки, которые мы устанавливали на сани, – другой стоял с заряженным ружьем, зорко вглядывался и чутко прислушивался. Следов волчьих, медвежьих, заячьих, лосиных и лисьих было пропасть, и нас очень удивляло, отчего волки, страдая так сильно от голода, никогда не трогали ящиков, под которыми часто бывали зайцы.

Однажды мы отправились осматривать ящики, по обыкновению, на лыжах, с ружьями за спиной и с копьями в руках. Вдруг невдалеке от нас послышались шорох и треск ветвей. Мы быстро взобрались на толстую ель и стали наблюдать, из чащи выскочили три волка, приподняли морды, понюхали воздух и бросились к одному из ящиков, который был виден и от нас. Сторожок упал, следовательно, под ящиком был заяц, чутье говорило об этом голодным волкам. Но, дойдя до ящика, они жалобно и злобно повыли, видимо, боясь приблизиться к нему, и опять скрылись в чаще.

Я хотел было выстрелить по одному из них, но Вася ухватился за ствол моего ружья и опустил его.

– Не стоит тратить заряда, – прошептал он, – если вам хочется шкур, то обождите. Я доставлю их вам хоть дюжину.

Я с некоторым сомнением отнесся к обещанию Васи, но покорился, тем более, что волки уже скрылись из виду.

В другой раз нам удалось быть свидетелями страшной, но чрезвычайно интересной сцены. У нас кончилась вода, пришлось ехать за ней перед вечером. Только мы спустились к озеру, как с противоположной стороны его, из лесу, показался огромный лось, следом за ним на снежную равнину вынеслись штук двенадцать волков. Лось вообще бегает поразительно быстро, но сейчас под ним была не твердая земля, а глубокий снег. Ноги лося легко проваливались в рыхлую массу, что очень затрудняло и замедляло его движение. На средине озера волк, опередивший других, ловко схватил его за горло. Но лось взвился на дыбы и дал смельчаку такого сильного пинка, что он глухо завыл и отлетел далеко в сторону. Все это продолжалось с минуту, но ее было. достаточно, чтобы остальные успели настигнуть жертву и с бешенством броситься ей на спину. Несчастный великан попробовал было кататься по снегу, рассчитывая, вероятно, передавить врагов тяжестью своего громадного тела, но только ой падал, волки быстро отпрыгивали и начинали терзать его грудь и брюхо, ловко избегая ударов его передних ног. Наконец бедняга изнемог и сдался, не издав ни малейшего звука. Волки с отвратительным зверством принялись раздирать и пожирать горячее, кровавое тело лося.

Едва завидев лося и волков на озере, мы взобрались на дерево. Я сидел, как окаменелый, не в силах отвести глаз от страшной борьбы, но когда волки победили и принялись праздновать победу, я поневоле с отвращением отвернулся

и зажмурился. Наконец, когда волки увлеклись уничтожением своей жертвы, мы тихо слезли на землю, надели лыжи и быстро понеслись к дому, махнув рукой на котелки и сани.

Как только мы вошли к себе и заперли дверь, Вася дал волю обуревавшему его бешенству, он то вспоминал самые отвратительные моменты неравной борьбы, только что виденной нами, то страшно грозил волкам. Наконец, несколько успокоившись, он снял лосиную шкуру с дверей, потом отыскал на полке несколько крепких гвоздей и вколотил их в притвор и в дверь. Он попросил меня взять ружье и проводить его до сарая. Там он собрал все внутренности зайцев, принес к дому и разбросал около двери. Затем он взял веревку, приотворил дверь ровно настолько, чтобы в нее не мог проскочить волк, и крепко привязал ее в таком положении.

– Теперь, пока сыты, они улягутся отдыхать в чаще, а ночью опять проголодаются. Заячий запах приманит их сюда, а мы их угостим! Сегодня, верно, нам спать уже не придется. Ну, да я готов хоть неделю не ложиться, чтобы только насолить этим косматым разбойникам. Ведь какие злющие! Как они лося-то разбирали! Смотреть гадко! А вот за этим пусть попробуют протянуть сюда свою морду, – прибавил он, кладя в нескольких вершках от двери, на полу комнаты, кусок жареного зайца, оставшегося от обеда.

– Я давно уже это задумал, – продолжал он. – Теперь нужно зарядить ружья и наточить наши копья. Когда придут вол-

ки, я стану впереди, а вы сзади, на стуле. Пока они едят заячьи потроха возле двери, нужно разозлить их, покалывая копьями. Они станут бросаться в эту щелку, но к нам им не проскочить, а мы можем набить их, сколько вздумается.

Когда мы окончили свои приготовления, было уже очень поздно: меня сильно клонило ко сну. Вдруг возле двери захрустел снег, точно по нему бежало несколько собак. Вася вскочил с лежанки, схватил копье и махнул мне. Сон мой совершенно прошел. Я взял копье, влез на стул и нагнулся над Васей. За дверью были те же двенадцать волков, за которыми мы наблюдали на озере. Они жадно поедали разбросанные Васей приманки и злобно ворчали друг на друга. Один из них просунул морду в щель, собираясь схватить кусок жареного зайца, но Вася так ловко и сильно ударил его копьем по затылку, что он страшно завыл и упал в конвульсиях. Я думал, что это остановит других волков, но ничуть не бывало – они бешено бросились пожирать убитого товарища.

– Я подтащу его копьем к щели, – быстро зашептал Вася, – они станут открывать пасти, чтобы схватить его, а вы только не зевайте, старайтесь попадать копьем прямо в глотку.

Я изо всех сил старался выполнять его совет. Двум волкам я очень удачно разрезал глотки, но третьему воткнул копье так глубоко, что у меня не хватало силы вытащить его. Мне помог Вася. Звери с бешенством бросались к щели, а мы убивали их одного за другим. Наконец, когда пало девять наших врагов, а остальные три старались пожрать их, Вася

начал распутывать веревку у дверей.

– Возьмите ружье, – сказал он, – и подайте мне мое. Как только я отворю дверь, стреляйте. Двух положим на месте, а третий, если не убежит, то бояться нечего: ведь у нас заряжены оба ствола.

Он развязал веревку, взял ружье и толкнул дверь. Я никогда в жизни не забуду картины, которую увидел в ту минуту. Многие волки были еще живы и старались приподняться на ноги. Но те, которые не были ранены, с непонятною жестокостью мешали им встать, стараясь окончательно добить их. Я с отвращением выстрелил в одного из волков, который запустил зубы в шею своего полумертвого, товарища. Весь заряд засел у него в ухе, и он упал. Вася смертельно ранил другого. Но в эту минуту третий волк одним прыжком оказался в избе. Должно быть, запах крови, вид такой богатой добычи и страх, что у него отнимут ее, окончательно остервенил голодного лесного разбойника. Я соскочил со стула и выстрелил в него, но промахнулся. Вася сорвал со стены топор, изловчился и размозжил ему голову.

Когда опасность миновала, я почувствовал страшную усталость, и забыв, что дверь наша отперта, что могут прибежать другие волки, опустился на лежанку.

– Сергей Александрович! – крикнул Вася. – Что ж вы легли? Помогите мне поскорее втащить волков в избу, не то возле двери опять соберется стая побольше этой, а мы устали, да и не приготовились их встретить.

Я встал, и мы быстро перетаскали волков в избу.

– Теперь, если хотите, ложитесь, я стану сдирать шкуры, – сказал Вася, – а завтра накидаем их на сани и оттащим подальше от дому.

Лечь, пока работал Вася, мне было очень совестно. Я помог ему снять шкуры с двух зверей, но дольше не выдержал и лег спать.

С раннего утра мы занялись противной, но необходимой работой – обдиркой и приготовлением шкур к просушке. Ободранных волков мы оттащили на санях подальше от дома.

Вася был очень доволен, что ему удалось уничтожить больше десятка волков, которых он просто ненавидел.

– Ведь нет у нас зверя хуже этого разбойника, – толковал он мне. – Пользы от него нет никакой. Сколько лошадей, коров, телят, овец, гусей зарежет он летом! Я особенно невзлюбил их с тех пор, как они съели лошадь у одного бедного мужика. Она была единственной помощницей и кормилицей его семьи. Я видел, как он плакал. Большой, сильный, бородатый, а плачет как малый ребенок. Видно, горько было. Только вспомню – зло разбирает.

И Вася сильно рванул шкуру, натягивая ее на распорку.

Глава десятая
Еще лось. «Рыбий дух». Стирка. Бук. Ледник. Вешние воды. Блок и ворот

Остальная часть зимы прошла довольно тихо и однообразно. Запомнился случай, когда мы настигли очень молодого лося в рыхлом снегу и убили его. Большого труда стоило нам притащить его домой, но мы так боялись волков, что справились в один день. Зато мы долго питались превосходным жарким, обзавелись порядочным количеством сухого бульону и отличной шкурой. Вообще к концу зимы мы стали очень богаты мехами волков и в особенности зайцев и белок.

Однажды мы пошли на озеро за водою и увидели, что за ночь прорубь замерзла, и ее замело снегом. Пришлось вернуться за топором и лопатой, Через полчаса работы мы расчистили довольно большой круг от снега и сделали прорубь. Каково же было мое удивление, когда из воды на лед так и ринулась рыба. Тут были и ерши, и плотицы, и окуни и даже крупные лещи и лини. Я поначалу испугался и отпрыгнул назад от неожиданности.

– Все это славно! Вот это уж совсем на руку таким убогим дикарям, как мы! – кричал между тем Вася, руками и ногами отбрасывая рыбу подальше от проруби. – Да что же вы! –

крикнул он на меня, – ловите же, коли Бог посылает!

Я тоже начал хватать рыбу. Побившись на снегу, она засыпала и замерзала. Через час на льду образовалась груда свежей рыбы.

Теперь пойдем домой за корзинами! – объявил Вася. Поднимаясь с ним на гору, я опять спросил его, что означает эта фантазия рыбы выпрыгивать из воды на явную смерть.

– Это рыбий дух. Когда осенью заморозки не круты и лед на озерах еще тонок, да вдруг падает глубокий снег, то лед-то под ним гнется и жмет на воду. Рыбе становится тесно и душно. Как она где зачует прорубь, так сейчас и летит туда гурьбой и выскакивает. А эти дни, сами видели, какие снега валили.

Мы три раза спускались к озеру и возвращались, неся по полной корзине, а потом тотчас же принялись потрошить и чистить рыбу. Из мелочи мы сварили уху, а остальную высушили в очень горячей печке. Благодаря «рыбному духу» мы немного разнообразили свой стол.

Боясь волков и простуды, мы редко выходили из дому без крайней необходимости. Зато появилось время на домашние заботы и подготовку к весенним и летним работам. Так, например, мы сделали дверь и амбразуру для ледника и несколько новых лопат.

Особые огорчения приносила нам стирка белья. Мы пробовали усердно полоскать его в озере, или отмыть в горшке с горячей водой, но из этого выходило очень мало толку:

он выглядело очень непривлекательно. Наконец Вася вспомнил, что крестьяне делают щелок и в нем стирают свое белье, но для этого нужно корыто. Пользуясь свободным временем, я с помощью Васи выдолбил большое корыто, сварил в железном котле щелок из березовой золы и перестирал белье. Утюга у нас не было, но Вася сделал круглый валек, на него мы наворачивали белье и прокатывали по столу под тяжелой доской. Первая довольно чистая и гладкая рубашка произвела на меня очень приятное впечатление.

Дверь из нашей единственной комнаты отворялась прямо на двор, и это имело двойное неудобство: во-первых, из нее дуло, а во-вторых, очень часто, когда один из нас работал при лучине, а другой входил или выходил, то огонь погасал от сквозняка. Поэтому мы порешили летом пристроить сени.

– Сколько лесу-то нам будет нужно! – восклицал Вася. – Надо построить сени и ледник, докончить частокол, выстлать стенки рва! Знаете, полно нам бояться волков и медведей, будем брать с собою ружья, копья и топоры и давайте рубить и свозить лес теперь же. На санях сделать это гораздо легче, чем носить его на плечах. Как начнем сильно стучать топорами, так звери перепугаются и разбегутся подальше.

Я согласился, и с этого времени мы каждый день привозили домой воза два-три кольев.

А между тем зима шла к концу. Чаще и теплее засветило солнце, веселее запели птицы, прекратились снегопады. В воздухе запахло весной.

– Тяжелая работа будет нам с ледником, – сказал однажды Вася, – а делать нечего: придется его непременно устроить, а то летом пропадешь с голоду. Ужасно портится все от тепла.

На другой день мы раскрыли яму, которую заготовили еще с осени, потом взяли сани, лопаты, топоры и спустились к озеру. Расчистив снег на довольно большом пространстве, мы принялись рубить лед. Тяжелые глыбы, какими обыкновенно набивают ледники, оказались нам не под силу – пришлось откалывать небольшие квадратные льдины. Положив на сани куска четыре, мы со страшными усилиями тащили их до ледника. Не легче было и опустить лед в яму. Вася спускался в нее по лестнице, а я обвязывал льдину веревкой, опускал ее к нему. Вася старался уложить их как можно плотнее, а промежутки мы забивали снегом, который от давления также обращался в лед. Десять дней прошло, пока мы, наконец, набили ледник, насыпали на него целую гору снега и закрыли толстым слоем еловой чащи.

С каждым днем становилось все теплее и теплее. Снег на вершине стал таять, а вода начала сбегать с нее небольшими ручейками. Весна была еще в самом начале, но позднее эти ручейки должны были обратиться в довольно сильные потоки, которые могли подмыть наше жилье. Мы уже заметили, что земляной пол стал как-то сырее. Вася пошел осмотреть и исследовать, в чем было дело. Он вернулся домой очень невеселый.

– Думалось, что полно работать вместо лошади, а, вид-

но, нам никогда от этого не избавиться. Только мы отвозили лес, пришлось таскать лед; кончили со льдом, принимайся за снег! Если мы не свезем снег с высокой стороны двора и не обкопаем канавой от горы, то наши стены пропали. Упускать времени нельзя: нужно сейчас же приниматься за дело.

Он обошел дом кругом, стараясь оставить на снегу глубокие, заметные следы.

– Вот какой длины канаву нужно нам вырыть не только в снегу, но и в земле, – угрюмо сказал он, – а не то – пропали все труды наши. Рыть ее можно не особенно глубоко. Вода, как найдет русло, так сама промоет сколько ей нужно.

Работу мы начали сверху, чтобы поскорее перехватить воду канавой. Расчистив довольно широкую дорогу в снегу, стали рыть канаву в замерзшей почве. Я предложил складывать выкопанную землю ближе к стене, дабы получился еще невысокий вал, ограждавший нас воды. В неделю, работая почти безостановочно, мы обрыли свое жилье и двор довольно глубокой канавкой, имевшей форму подковы. Те ручьи, которые стремились с вершины к нашей избушке, изливались теперь в канаву и по ее руслу неслись вниз, стекаясь в общий поток далеко ниже нашего двора.

Окончив с канавой, мы принялись вывозить снег со двора. Мы так были заняты сначала лесом, потом льдом, а теперь снегом на дворе, что совершенно забыли скидать с крыши довольно толстый слой снега. Мы спохватились только тогда, когда однажды за обедом мне в тарелку упало несколько ка-

пель воды. Мы оба очень огорчились – кроме всех работ, еще переделывать крышу.

– Боже мой! – думалось мне. – Неужели мы никогда не избавимся от необходимости не переставая работать, чтобы хоть таким жалким образом сохранить свою жизнь!

Вася решительно встал из-за стола, пошел на двор, приставил лестницу к крыше, влез на нее и быстро стал скидывать снег. Я стоял внизу с санями и корзиной и едва успевал подбирать его. Никогда еще не работали мы так усердно и поспешно. В какие-нибудь два часа мы очистили крышу и двор. Вася, продолжая молчать, слез на землю, взял топор и пошел к леднику. Я поспешил за ним. В этот день мы успели вбить остальные колья для стен и даже заплести несколько венцов плетня. Мы окончили бы ледник в какие-то пять дней, но земля еще не оттаяла, а она была нужна нам, чтобы засыпать стены. Я предложил продолжать копать начатый прошлым летом ров за частоколом и землю засыпать в стены ледника.

– Все это так, – сказал Вася, – со стенами мы, конечно, справимся! Но я думаю теперь, как мы будем копать ров? Ведь надо, чтобы он нас оградил от волков и медведей, а для этого он должен быть очень глубок – аршина в три. Поначалу можно выбрасывать землю лопатой, а зароешься глубоко, как тогда? Неужто носить ее в корзинах за спиной по лестнице? Ведь этак его ввек не выроешь! И знаете, что я надумал? Нужно нам сделать блок и ворот, как у рыбаков на челнах.

Жаль, что нет у нас железной толстой палки, ну, да ничего, – и так справимся!

Я признался Васе, что не имею никакого понятия о вороте, но он просил меня только помочь ему. На обрезке толстой доски Вася нарисовал небольшой, вершков шести в диаметре круг, в центре наметил дырку и просил меня обпилить и просверлить его, а сам с топором пошел в лес.

Я не успел еще окончить работу, как он явился, неся на плечах пару бревнышек, аршина по два в длину. Он бросил их на землю и стал обтесывать с двух сторон. Сделав колесо, я пришел к нему на помощь. Щепки от топоров так и летели во все стороны!

В середине обтесанных плах мы выдолбили глубокие гнезда. Для стоек нам потребовались две толстые и длинные доски. Их у нас не было, поэтому пришлось пожертвовать одной из лавок, в избе которые мы смастерили еще осенью.

На одних концах стоек Вася вырезал шипы, подогнав их под размеры гнезд. На других мы просверлили отверстия для вала, приспособив под него крепкий, прямой, хорошо очищенный от сучьев и коры ствол молодой сосны.

На вал Вася надел подготовленный мною блок, на котором я, по его указанию, вырезал стамеской желобок для веревки. Мы долго добивались того, чтобы блок свободно вращался на валу, затем накрепко закрепили вал в гнездах стоек, а их нижние концы забили в отверстия на плахах. Таким образом у нас получилось сооружение в виде большой буквы

«П», опирающееся на две массивные плахи. Чтобы надежнее укрепить стойки, нам пришлось сделать укосы. Вместо гвоздей мы, руководствуясь прошлым опытом, использовали деревянные колышки, окуная их в чистую смолу.

Когда все было сделано, Вася перекинул через блок веревку, зацепил один конец ее за довольно толстое бревно, а за другой стал тянуть книзу. Бревно со скрипом поднялось до самого блока. Надо было видеть сияющую физиономию Васи! Кажется, этот пронзительный, неприятный скрип нравился ему больше самой лучшей музыки.

– Вот так и будем поднимать корзины с землей из ямы, объяснял он.

Глава одиннадцатая
Мы продолжаем улучшать свое хозяйство

Вообще лето было для нас временем постоянной и спешной работы и весьма полезных и интересных открытий, изобретений и наблюдений. Работа, правда, утомляла нас, но все-таки шла легче и успешнее, чем в прошлом году, потому что мы оба выросли, окрепли и путем опыта и частых упражнений достигали некоторого навыка и сноровки. Кроме того, мы освоились с лесом и его обитателями, поняли, что если, с одной стороны, у нас было много врагов и нужд, то, с другой, стоило только хорошенько призадуматься и повнимательнее присмотреться к окружающей природе, чтобы в ней же найти средство спастись от одних и удовлетворить другие.

Я уже говорил, что прошлогодние огородные посевы наши были очень малы, и мы решили увеличить их. Я не знал, как собрать семена с капусты, свеклы, моркови, репы и редьки. Раньше я не задумывался, откуда берутся семена. Я спросил об этом Васю. Ему, видимо, льстила возможность поучать меня, которого он, до нашего переселения в лес, считал чуть ли не самым сведущим человеком на свете.

– Дивно это мне, Сергей Александрович, важно заговорил он, – ведь сколько вас, господ, учат! Вы и читать, и писать

знаете, и по немецкому, и по французскому понимаете и про всякого китайца расскажете, как по писаному, а не знаете, как от капусты семена идут. А отчего? Оттого, что нет у вас привычки присмотреться, как кто и что делает, как что растет. Знать, все на книжку, да на чужой ум полагаетесь! Книжка дело хорошее, кто ж об этом говорит, а если около нее и свой глаз, да своя смекалка не дремлют, так выйдет гораздо лучше. Ведь жили мы с вами в одном селе. Огородник мой дядя родной, я весной от него не отходил, да и осенью возле вертелся, вот теперь и знаю, где у капусты семена. А вы, бывало, придете, только гороху да огурцов нарвете, да меду попросите, а на то, что он делает, и не посмотрите.

Я был очень сконфужен хотя и внезапной, но весьма справедливой нотацией Васи и сильно покраснел. Он заметил это, и ему, вероятно, стало жаль меня.

Вася объяснил мне, что капуста за один год не даст семян. Для того, чтобы получить их, следует выбрать лучший кочан, тщательно ухаживать за ним и осенью, до начала морозов, не срезать его, как обыкновенно делают со всеми остальными: а выкопать с корнем, пересадить в ящик с землею и на зиму поставить в теплое место. Весной такие кочаны опять высаживают на гряды и оставляют там до осени. Кочан пустит высокие побеги, вовсе не похожие на капустные листы, а осенью на них окажутся семена. Сеют их не прямо на грядах, а самой ранней весной сажают семена в ящики с землей. Там они прорастают, и только когда станет совершенно теп-

ло, их пересаживают на гряды.

Прошлой осенью мы так и поступили, а теперь снова высадили несколько кочанов обратно на гряды. Зная, что через год у нас будут уже свои семена, мы решили затратить на посев все оставшиеся у нас, для этого необходимо было увеличить число гряд.

Опять пришлось возить черную землю от озера на себе. Эта работа была гораздо скучнее и утомительнее всех остальных. Мы исполняли ее очень неохотно. Наконец, однажды, сильно утомясь тащить тележку с землею на гору, мы остановились отдохнуть.

– Это просто несносно! – воскликнул Вася. – Я готов делать, что хочешь, только не работать по-лошадиному! Этот год я уж, так и быть, доработаю, а на будущий заведу такую лошадь, на какой давно никто не ездил.

– Это какую же? – спросил я насмешливо и печально, – локомотив сделаешь или дикого волка впряжешь?

– Нет, не волка, а лося, – ответил Вася задорно. – Мне рассказывал отец, что у вашего прадедушки был ручной лось, и его впрягали в сани.

– Будто ты, Вася, посмел бы сесть на впряженного лося? Да и, наконец, чем мы его будем кормить зимою и чем впрягать, – ведь у нас нет ни хомута, ни веревок.

– Было бы кого кормить и впрягать, а чем – найдется, – ответил он коротко и опять повез тележку на гору.

На огороде мы проработали недели две. В один из дней

нам было как-то особенно жарко и беспрестанно хотелось пить, поэтому мы принесли на огород котелок с водою и кружку. Я начал пить и нашел, что вода не особенно вкусна. Мне очень взгрустнулось о домашнем квасе.

– Хорошо бы выпить теперь квасу, Вася! – сказал а.

– Нет муки, нет и квасу, а питье устроить теперь очень легко, – ответил он, – надо затеять соковицу.

Я даже хлопнул себя по лбу: как это до сих пор мне не пришла на память моя любимая весенняя забава!

Я побежал домой, захватил три глубоких глиняных чашки, небольшую тряпочку, три лучинки, топор и спустился к озеру. Выбрав не особенно молодые березы, я сделал в стволах довольно глубокие косые надрубы, вколотил в них по лучинке, вырезал ножом из тряпочки треугольники и развесил их так, что основания треугольников приходились на концы лучинок, а вершины свешивались над серединами чашек. Скоро в надрубах показались крупные капли сока. Они сбегали по наклонной плоскости лучинок, впитывались в треугольные тряпочки и с их угла капали в чашки. Через несколько часов у нас было очень вкусное, прохладное и сладкое питье.

Окончив с огородом, мы опять принялись за ров. Одна треть его была уже готова. Блок наш вращался довольно трудно и с сильным скрипом, который уже перестал так нравиться Васе, потому что, вместе с этим звуком перетиралась ось его изобретения. Мы пробовали смазывать ось лосиным

салом, но это представляло для нас слишком чувствительный расход, да и сало скоро стиралось. Наконец однажды, когда я тянул корзину с землей, ось переломилась, корзина полетела обратно в ров, а я повалился на спину.

– Не одна беда, так другая! – кричал Вася, вылезая из ямы. – Нет! Видно, хочешь-не хочешь, а придется гнать деготь. Пока вы чините машину, я его сделаю…

Приготовив два больших котла, он сделал из глины круг с дыркой посередине и обжег его. Затем вырыл яму, вставил в нее один из котлов и накрыл глиняным кругом с дыркой. Другой котел он крепко набил до краев берестой и осторожно поставил его вверх дном на глиняный круг. Чтобы в котел не попадал воздух, он замазал щели глиной. Вася обложил котлы хворостом, прибавил туда несколько поленьев дров и зажег. Огонь он поддерживал целые сутки. Потом потушил его, дал остыть котлам, отбил глиняную обмазку и открыл их. В нижнем оказался отличный деготь, и Вася остался совершенно доволен.

Все эти хлопоты заняли четверо суток. Я давно уже окончил свою починку, и, так как Вася не хотел приниматься за ров, пока не смажет ось дегтем, то, чтобы не терять времени, спускался каждый день к озеру, рубил липы и снимал с них кору. Мне очень не нравилось, что кора, как только я снимал ее с дерева, свертывалась в трубки: я пытался подложить их под гнет из досок и камней, но тогда некоторые из них полопались и изломались. Чтобы избежать этого, я стал сначала

мочить лубы в воде и потом уже выпрямлять, просушивая под грузом.

Когда мы снова принялись за ров, оказалось, что корзина, в которой мы подымали землю, обветшала и могла скоро развалиться. Копать землю целый день было слишком утомительно, единственным отдыхом, который мы себе позволяли, была поливка и прополка в огороде, завтрак и обед, но этого было мало: поэтому мы решили, что около полудня, когда становится очень жарко, будем ходить к озеру сдирать лубья или резать лозу для корзин, плести которые предполагалось вечером. Поэтому мы стали часто ходить на озеро и опять принялись за ловлю уток. Однажды мы зашли дальше обыкновенного в такую местность, где до сих пор еще не бывали, и вдруг очутились на довольно большом лугу, поросшем прекрасной, сочной травою.

– Вот где сено! – невольно воскликнул я. – Просто жаль, что у нас нет коровы.

– Хоть коровы у нас и нет, а сено косить все-таки придется, – ответил Вася. – А чем же мы лося-то зимой кормить будем?

– Значит, он не шутил, – подумалось мне.

– Вот и новая работа по вечерам! Нужно делать грабли да придумать косу, – продолжал Вася.

Он ступил было на заманчивую мураву луга, но ноги его так глубоко ушли в топь, что я должен был помочь ему выбраться оттуда.

– Вот тебе и сено! Значит, скосить его нельзя, – печально сказал он, отряхивая с сапог липкую грязь.

– А я думаю, что все-таки можно, – ответил я. – Летом топь, может быть, просохнет, а если даже и нет, то ведь ходили же мы с тобой по снегу на лыжах, попробуем и здесь.

– Умно сказано! – одобрительно кивнул Вася. – Однако пора нам уж домой. Пойдемте берегом.

Мы возвращались, весело разговаривая о предстоящих работах. Вдруг из-под самых моих ног шумно сорвалась утка. Это было так неожиданно, что я вздрогнул и остановился.

– Это утка, а не селезень, – сказал Вася, когда птица опустилась в тростник недалеко от нас. – Здесь должно быть где-то гнездо с яйцами, оттого она и села так близко. Поищем-те-ка. Уж ведь больше года, как мы не ели яиц. Только прячут они их мастерски! – ворчал он, осторожно разводя руками высокую болотную траву. Я также нагнулся и стал искать.

Через несколько минут мы, действительно, нашли на сухой кочке, под густым кустом, утиное гнездо. Оно было сделано из сухих веток, листьев и болотной травы, а в середине выстлано пухом. В этом простом хранилище лежало двенадцать яиц.

Мне было жаль лишать бедную утку всей кладки, и я уговорил Васю взять только пять. После этого случая мы часто лакомились утиными яйцами, а впоследствии ловили и жарили утят. Мы уже не боялись, что избыток провизии испортится: у нас был ледник, в котором все сохранялось очень

долго.

Глава двенадцатая
Мы находим способ делать веревки

По вечерам мы усердно плели корзины, а с тех пор, как нашли покос, я стал делать грабли.

Однажды я взял ручную пилу, чтобы отпилить сухой сосновый брусок и наделать зубьев для грабель. Вася перестал работать и внимательно следил за мной.

– Вот я несколько раз ломал себе голову, из чего бы нам сделать косу, и никак не мог ничего выдумать. Теперь смотрел, как вы пилите, и мне вдруг вздумалось, что из этой пилы можно сделать отличную косу. Нужно только очень остро наточить ее тупое ребро, а ручкой крепко прикрутить к палке, как насаживают косы. Пила от этого нисколько не испортится, только трудно будет наточить ее так, чтобы она могла косить траву. Возьмите большую пилу, а эту дайте мне: я сейчас попробую точить.

Он достал с полки большой напильник и точило и принялся за работу. Но пила была хорошая, английская, – крестный отец мой не пожалел денег на инструменты. Она плохо поддавалась напильнику, и Вася решил действовать одним точилом. Два вечера провел он над этим, но когда подал мне свое произведение, я удивился его остроте. Длинные палки были давно уже заготовлены для грабель: Вася выбрал самую

прочную и приколотил к ней свою импровизированную косу.

На другой день мы отправились на луг. Вася объявил, что, пока он косит, я должен расчистит на сухой части берега пространство, достаточное для просушки сена. Он надел лыжи и осторожно спустился на луг. Ноги его, действительно, не вязли, но передвигать их было довольно трудно. Зато коса действовала превосходно, тем более, что Вася беспрестанно подтачивал ее оселком.

До полудня мы работали усердно и молча. Наконец Вася утомился и пришел на берег завтракать, я успел уже расчистить довольно большое пространство от молодого орешника и оттащить обрубленные ветви. Завтракая, мы стали рассуждать о том, как доставить сено с топи на сухое место, и решили, что сделаем волокушу из двух молодых березок. Признаюсь, не без страха ступил я на шаткую почву болота, но веселость Васи ободрила и успокоила меня. Мы сгребали сено к волокам, накладывали на них небольшие копны и отвозили на берег, где я раскидывал траву тонким слоем, чтобы она могла просохнуть на солнце.

Так работали мы три дня. Затем оставалось только приходить поворачивать сено граблями, чтобы оно хорошо просохло. Наконец мы поставили очень порядочный стог. Чтобы сено не попортило дождем, и не растрепало ветром, мы накрыли его толстым слоем ветвей и придавили камнями.

Рассказывая о покосе, я забегаю вперед: это было в июле, а с весны до этого времени случилось много интересного.

Пока не видались дожди, Вася предложил заняться крышей. Лубы у нас были заготовлены в достаточном количестве и сушились под гнетом досок и камней. Когда мы сняли гнет, я взял один из лубков и совершенно машинально стал отдирать его нижний слой. Полоска легко сошла со всей длины луба – и каковы же были мои удивление и радость, когда у меня оказалась длинная, крепкая прядь мочалы.

– Вася, смотри! – сказал я дрожащим от радости голосом и повторил опыт.

– Вот счастье, так уж счастье! – в восторге крикнул он. – Если нам что недоставало, так это веревок, а теперь только знай – вей их какой захочешь толщины. Теперь мы можем и рыбу ловить, и лося впрячь, и через ров подъемный мост сделать. Даже чтобы вам не было скучно, я устрою вам качели!

Это добродушное предложение Васи, с одной стороны, рассмешило меня, с другой, заставило невесело призадуматься. Я был уже не так мал, чтобы качели могли особенно радовать и занимать меня: мне было уже пятнадцать.

Мне вспомнилась моя семья, и казалось, что я готов отдать половину жизни, чтобы хоть один раз взглянуть на родные, милые лица. Я прислонился к дереву и стоял, грустно опустив голову. Между тем Вася проворно драл мочалу.

– Сергей Александрович! Что ж вы задумались, помогайте. Крыша наша тоже не пропадет, – там останется слой луба, как раз годный для нее.

Я очнулся, сел возле него и тоже принялся за работу, а веселый Вася не переставал говорить и скоро разогнал мою печаль.

– Теперь она отдирается, – видите, какая толстая, но мы навяжем ее в пучки и спрячем в сарае, а когда будет свободное время, расщиплем и наплетем рогож, навьем веревок. А сейчас нужно, пока сухо, спешить с крышей. Я хочу выстлать потолок из досок, положить на него моху, а сверху насыпать побольше песку. Как вы думаете?

– Это было бы очень хорошо, Вася, только досок нет, а на потолок их нужно немало. Работы очень много: рубить деревья, обчищать их, раскалывать, стругать.

Но если Вася что-нибудь задумал, то отговорить его было очень трудно, особенно пугая работой.

– Много работы? – горячо заговорил он. – Ведь что нам осталось-то? Перекрыть крышу, пристроить сени, закончить ров и догородить частокол! Оно как будто и много. Но мы зиму, благодаря Бога, не даром прожили: кольев и лозы у нас на все хватит, ров тоже докопаем. Это мы дней за восемь сделаем. Из готового материала всякая постройка идет скоро. А для досок на потолок лес валить не нужно. Смотрите-ка, сколько белеет повсюду ободранных лип, расколоть их не долго. Пока они просыхают, будем собирать мох, чтобы он высох, вместе с ним ягод и грибов наберем. А стругать доски нужно с одной стороны. Липа дерево прямое, хорошее.

Мне очень не хотелось мерзнуть зимой, и потому я согла-

сился на устройство потолка.

Глава тринадцатая
Окончательное устройство нашего дома. Подъемный мост. Рассказ Васи о пчелах. Мы собираем мед

На другой же день мы принялись колоть липу и так как имели уже некоторый навык, дело шло довольно успешно. В день мы раскалывали четыре дерева трехсаженной длины. Разумеется, мы сделали бы больше, но мы не могли посвящать этому целый день: много времени отнимал огород и приготовление пищи. Тем не менее, за пять дней мы заготовили около шестидесяти досок. Но они были грубы и неровны, а потому часть дня шла на копанье рва, другая часть и вечер на обработку досок, а отдыхом считались обед и собирание мха.

Когда доски были заготовлены, мы выбрали очень ясный и теплый день и раскрыли крышу. Доски были отмерены и отпилены заранее, так что потолок был наложен в один день. На настилку мха и на таскание песка ушли еще сутки.

– Ну вот, вы все боялись, что не поспеем, а потолок уже и готов! – сказал Вася. – Теперь надо только пристроить сени; тогда и крышу выведем.

Сени мы сделали небольшие, поэтому окончили их быст-

ро и потом принялись покрывать крышу лубьями. Этой работой я занимался почти один, потому что Вася спешил, нагнать смолы и ею сплошь вымазать крышу, чтобы она успела просохнуть и отвердеть на летнем солнце. И действительно, едва успел я покрыть две трети крыши, как он залез ко мне с котлом смолы и объявил, что у него уже заложена вторая яма смольника. Пока я приколачивал лубы, он обмазывал готовую часть крыши смолою, приговаривая, что теперь нас не проймет ни дождь, ни мороз.

Наконец ремонт дома закончился. Теперь предстояло завершить ров. Мы не забывали его, несмотря на другие работы, так что во второй половине лета он был готов. Нетронутым оставалось только небольшое пространство напротив входа в дом. Мы оставили его для въезда во двор, пока не окончили забора. Вместо ворот мы изобрели механизм, с помощью которого несколько крепко сколоченных досок могли служить нам и воротами и подъемным мостом. Устройство это потребовало больших трудов и приготовлений. Прежде всего мы сколотили ряд длинных досок и сделали его такой ширины, чтобы он точно входил между двумя толстыми столбами, заканчивавшими забор по обеим сторонам ворот. Между ними укрепили крепкую жердь с большим и толстым блоковым колесом посредине. Мы свили по вечерам очень толстую и крепкую веревку из мочалы, привязали ее к середине верхнего края ворот, перекинули через блок и прикрепили к вороту, поставленному внутри двора. Таким образом,

в спокойное и безопасное время доски перекидывались через ров, но, при первой тревоге, мы могли вбежать во двор и воротом поднять мост, который обращался в ворота, а от всякого врага нас отделял глубокий и широкий ров. Блоки, ворот и ось мы тщательно смазали дегтем. Наконец мы выкопали и последние два аршина, соединявшие нас с лесом. Вася несколько раз пробовал механизм и каждый раз приходил от него в неописуемый восторг, так что я должен был ему заметить, что он только понапрасну утомляет себя и перетирает оси и веревку.

Весь остаток лета мы проработали над вымосткой рва и вколачиванием в дно невысоких острых колышков, чтобы обезопасить себя от медведей. Когда он был готов, мы натаскали самого сухого хворосту, перекинули через ров несколько тонких хрупких жердей и так искусно скрыли свою ловушку, что далее человек мог принять ее за кучу сухих ветвей.

Пришла осень, и мы принялись за огород. Семена удались превосходные. На урожай картофеля и всего остального мы тоже не могли пожаловаться, так что зима не страшила нас. Кроме овощей, у нас были порядочные запасы сушеных ягод и грибов. Вася, напуганный моей болезнью, настоял на том, чтобы собрать и насушить побольше липового цвета.

Довольно далеко от нашего жилья, на берегу озера росла целая купа молодых лип. Уступая непременному желанию Васи, я однажды пошел туда, влез на одно из деревьев и стал

собирать цветки. И здесь я обнаружил очень много обыкновенных ульевых пчел.

– Верно, здесь близко есть соление, – подумалось мне, – пчелы оттуда и перелетели сюда, чтобы собирать мед.

Я с какой-то нервной поспешностью стал отрывать липовый цвет и как только набрал небольшую корзинку, опрометью побежал домой и рассказал Васе о своем открытии и предположении.

– Хорошо бы это было, – ответил он, – но только сдается мне, что вы ошибаетесь! Вряд ли кто ходил в этот лес дальше наших рабочих с кожевенного завода, а я ни от кого не слыхал про озеро. Да, наконец, ведь мы живем здесь второе лето. Если бы было здесь поблизости селение, то уж, наверно, к нам забрела бы какая-нибудь баба, охотница до грибов или ягод. А то, что нам следует подсмотреть, в которую сторону летят пчелы, когда наберут соку из цветов, так это верно. Если удастся разыскать улей, так мы заживем царями. Ведь у вашего папеньки за пчелами ходит огородник, мой дядя: у него и колоды поставлены в огороде. Теперь еще не поздно, пойдемте к липам.

Мы отправились, а Вася на ходу рассказывал мне о пчелах.

– На свете, кроме человека, кажется, нет животного умнее пчелы. Как порассказал мне о них дядя, так и сам не рад был! Я просто выйти из пасеки не мог, все за ними подсматривал. Пчелы, которые живут в улье, не все одинаковы. Одни соби-

рают мед и воск – это работницы, другие, побольше ростом, ничего не делают и называются трутнями. Есть еще одна – особая пчелка. С виду она гораздо длиннее пчел-работниц, крылья у нее короче, и собирать мед она не умеет, но зато на ней лежит другая забота. У пчел-работниц детей не бывает, так вот детей-то и заводит эта длинная пчелка и поэтому называется маткой, а другие пчелы так любят и берегут ее, что она живет, точно царица. Кормят они ее самым лучшим медом, слушаются во всем, и если она умрет, то они разбредаются из улья куда попало и сами умирают. Понятное дело, что матка вечно жить не может: так чтобы не пропасть без своей царицы, они выбирают одного из детенышей ее, кормят царской пищей, дают большое помещение и он вырастает совершенно похожим на матку, а все остальные ее детки едят похуже и делаются простыми пчелками-работницами. Если старая матка жива и здорова, когда вырастет молодая, то она никак не хочет уступать ей своего царства и всячески старается извести ее. Той тоже умирать невесело – и они начинают драться до тех пор, пока одна не умрет. Живая остается царствовать. Но иногда, если в улье пчел слишком много, то матки делят между собой пчел-работниц, и одна улетает с этим роем искать нового жилья, а другая остается на старом месте. Вот в это-то время тому, кто ходит за пчелами, зевать уже нельзя! Надо перехватить новую матку и посадить в отдельный улей, – тогда и се подданные поселятся там и станут собирать мед, устраивать восковые соты. Но ес-

ли этого не сделать, то весь рой улетит в лес, выберет дупло в дереве и устроится в нем на жительство. Забираются пчелы иногда очень далеко от своей насеки: бывает, что летят целый день, на ночь сядут переночевать на дерево, а с восходом солнца подымаются опять. Вот поэтому я и предложил вам поискать задичавший рой. А хорошо бы его найти: сколько меду! сколько воску!

Между тем мы подошли к липам. Пчел на цветках было действительно много. Чтобы узнать, где их улей, мы выбрали одну пчелу и не, сводили с нее глаз, пока она, набрав меду и цветочной пыли, не полетела. Мы пошли вслед, но, к сожалению, довольно скоро потеряли ее из виду. Пришлось возвращаться к липам и начать сызнова. Повторилось то же самое, но мы заметили, что и эта пчелка полетела и том же направления. Мы решили искать улей наугад. Проходив по лесу довольно долго, мы, наконец, нашли очень старую и толстую березу с дуплом. Возле отверстия суетилось несколько пчел.

– Вот где! – сказал Вася. – Только не подходите близко. Они ведь могут изжалить. Нужно заметить место, а завтра возьмем с собой огня и разгоним их дымом. Кроме того, у нас нет ни посуды, куда положить мед, ни инструментов, чтобы вскрыть улей. Ведь сквозь эту дырку ничего не сделаешь.

Вечером мы тщательно вымыли несколько горшков, наточили пилу и ножи, а на другое утро, захватив их с собой, пошли к улью. У корня березы Вася поручил мне зажечь

небольшой костер и позаботиться, чтобы он дымил как можно больше, а сам зашел с противоположной стороны и быстро стал пилить дерево. Сделав два пропила до дупла, он взял топор и между пропилами выколол четырехугольное отверстие. Выпавшую оттуда кору он осторожно положил на землю и ножом вырезал пять прекрасных белых сотов. Я заглянул в дупло и заметил, что там осталось еще, но Вася объяснил мне, что ниже ячейки не с медом, а с яичками для выведения матки, трутней и пчел-работниц и часть меда, необходимая для пропитания пчел.

Дело, конечно, не обошлось без нескольких укусов, но мы прикладывали к больным местам сырую черную землю: боль и опухоль скоро прошли. Да и что значила такая незначительная неприятность при таком приобретении!

В течение лета мы еще раз достали соты через то же отверстие, которое Вася оба раза тщательно закрывал и по щелям замазывал глиной. К зиме, когда пчелы уже запечатали улей и больше не вылетали, мы обвязали дерево сосновой чащей, чтобы они не погибли от холода.

До самого наступления зимы мы занимались рубкою деревьев и раскалыванием их на доски. Нам хотелось воспользоваться зимним временем, чтобы обзавестись многими вещами, которые казались нам необходимыми.

Глава четырнадцатая
Наступление зимы. Мы плетем невод. Ловля рыбы. Поимка лисицы. Лосиный двор. Мы ловим и приручаем лося

Зима застала нас в положении несравненно лучшем, чем год назад. Прежде всего, сидя дома, мы были в полнейшей безопасности. От всяких врагов нас защищали круговой вал, ров и частокол. Огородных припасов было гораздо больше, в особенности картофеля. Капуста уродилась особенно хорошо. Кроме того, мы запасли мною ягод, грибов и горшок меду. Мясные припасы все истощились, но ящики продолжали нам оказывать прежнюю службу в ловле зайцев, так что каждый день обед наш состоял из двух блюд – щей и жаркого из зайца с картофелем.

Было у нас одно лишение, но мы постепенно привыкли к нему: кончилась соль. Но мы заранее решили постепенно приучать себя к этому лишению и, пока она еще сохранялась, день ото дня солили пищу все меньше и меньше, так что нам не пришлось переживать резкого и очень неприятного перехода к совершенно несоленому мясу.

Дом наш, благодаря перестройке, стал гораздо теплее и

прочнее. Вдоль стен тянулись лавки, покрытые звериными шкурами, у каждого окна стояло по столу. На одном из них мы работали, на другом обедали. Светец стоял днем в углу, а по вечерам выставлялся на середину или к одному из столов. Мы с Васей снова принялись за домашние работы, а их набралось немало. Я уже не говорю о поломанных ножах и вилках, о побитой глиняной посуде, порвавшихся полушубках, брюках, сапогах. Но теперь у нас была мочала, а если поработать над этим материалом, то для людей в нашем положении. можно приобрести весьма многое. Поэтому мы не теряли времени.

Конечно, всё наше имущество было грубо, просто и некрасиво, но для нас оно украшалось сознанием, что это плоды собственных неутомимых трудов!

Вася все еще мечтал так или иначе поймать и поработить лося. Как я ни убеждал его в неисполнимости плана, он стоял на своем и, покоряясь его непременному желанию, мне пришлось помогать ему делать хомут, шлею для нашей будущей лошади. Сначала мы хотели было употребить на это мочалу, но потом сообразили, что лучше сделать всю сбрую из лосиной же кожи. Но чем было сшивать нарезанные толстые и крепкие ремни? Да, наконец, разве мы могли знать размеры лося, чтобы сделать на него сбрую. Этим доказательством мне удалось, наконец, убедить Васю отказаться от его фантазии. Он покорился, и мы стали вить тонкие веревки из мочалы, так как собирались сплести сети и попробовать ловить

рыбу неводом. У нас не было лодки, следовательно, рыбная ловля была доступна только зимою, пока стоит лед. Дело это было для нас совершенно новое и кропотливое. Витые тонкие мочальные веревки не представляют особенной крепости, а потому мы стали сначала сучить шнурки, а потом сплетать их по трое, как обыкновенно плетутся косы: таким образом веревка становилась гораздо прочнее. Заготовив их, мы принялись вязать сети, но при этом прибегали к самому примитивному способу. Длинную палку я прикрепил к стене, приколотил к ней концы веревок и стал связывать их попарно крепким узлом. Связав таким образом первый ряд узлов, я начал второй, связывая уже одну из веревок первой пары с одной из веревок второй. Уже второй ряд узлов дал мне ряд четырехугольных дырок, которые составляют сеть. Вася усердно помогал мне, так что дело понемногу двигалось вперед. Мы знали, что невод состоит обыкновенно из двух широких и длинных полос сети, называемых крыльями, между которыми вшивается остроконечный мешок из сети же, называемый мотней. К свободным концам крыльев прикрепляют веревки, за которые тянут невод. К верхнему краю невода привязывают деревянные либо берестяные поплавки, а к нижнему – обожженные глиняные шары с дырками, которые называют грузилами. Когда невод спускают в воду, то поплавки держат один край на поверхности, а грузила тянут другой в глубину. Таким образом в воде движется как бы стена из сети, заканчивающаяся мешковидной мотней.

Через месяц у нас был готов невод восьми саженей длины с четырехаршинной мотней. Мы хорошо понимали, что настоящие невода гораздо прочнее нашего, потому что мочало быстро гниет в воде, и решили тщательно сберегать его и просушивать перед огнем после каждой ловли.

С большой радостью и отчасти страхом за будущий успех сложили мы, наконец, наш невод на сани, захватили корзину, топоры, две длинные жерди и отправились на озеро. На самой середине мы расчистили слег и вырубили во льду большую прорубь, потом, отступив от нее аршин на десять, сделали второе отверстие, уже гораздо меньше (лунку) и так далее, располагая лунки по кругу. После этого, мы сложили невод возле лунки, которая находилась прямо против большой проруби, привязали веревки к жердям, просунули их под лед и сильным толчком прогнали от одной лунки до другой, к большой проруби. При этом веревки крыльев провели в разные стороны и в проруби они встретились. Затем мы постепенно спустили в воду невод и на некоторое время оставили его в покое, чтобы вернулась рыба, распуганная стуком топоров об лед и плеском жердей и веревок. Тащить его нам стоило неимоверных усилий: сперва приходилось хвататься за одни веревки, затем показались крылья и, уже после долгих трудов, приблизилась мотня. Заметив это, мы стали подтягивать нижний край с грузилами, чтобы лишить рыбу возможности выбраться из сетей. Наконец мы вытащили на лед весь улов. Он был не особенно велик, но зато состоял в ос-

новном из крупных и жирных лещей. Мы ссыпали рыбу в корзину, сложили невод на сани, собрали топоры и жерди и потащили все это домой.

Начинало уже вечереть. Необходимо было спешить, а груз наш был так тяжел, что мы могли подняться в гору только самым медленным шагом. Хорошее расположение духа Васи после улова пропало.

– Вот вы все говорите, что рабочий лось возможен только в моей фантазии. Да как же не употребить всех усилий, чтобы поймать его и ухитриться свалить на него все эти воловьи работы? Ведь на это никаких сил человеческих не хватает!

Я предложил ему сбросить невод на снег и оставить до завтра, а с собой взять только корзину с рыбой, мы могли приехать за ним завтра.

– Разве он малых трудов нам стоил? – ответил он ворчливо. – Если оставить его на ночь на воздухе, то он замерзнет, и как станете брать его завтра, так веревки и будут ломаться, как сухие сучья, – ведь это мочала, а не пенька, да и та от этого прочнее не делается. Уж нечего делать, – потащимте все зараз.

Вечерняя заря совсем потухла, когда мы, наконец, въехали в свой двор и подняли за собой подъемный мост.

Как мы ни устали, однако нам крепко хотелось есть. Пришлось развести огонь и сварить щи с капустой, рыбой и грибами. Ужин этот нам очень понравился: жаль только, что у нас не было соли. Остальной улов мы вынесли на двор, что-

бы он замерз. В нашей крепости нечего было бояться воровства со стороны лисиц или волков. Невод мы внесли в избу и на спинках стульев и на нескольких кольях развесили перед печкой, которую оставили гореть всю ночь.

Мы легли спать очень довольные. Десяток хороших, крупных лещей, да около сотни плотиц, окуней и ершей отодвинули нужду и однообразие в пище дальше от нас.

До сих пор в наш ров не попадало еще ни одно животное. Мы были обеспечены пищей и слишком заняты домашней работой, поэтому и не клали приманок, хотя Вася опять припрятывал заячьи внутренности и остатки от наших обедов, а я сохранил всю зелень от овощей.

Но в эту ночь в ров, на колья, попала лисица. Ее, должно быть, привлек запах рыбы, лежащей на дворе, и она хотела пробраться к нам, не подозревая опасности. Мы узнали о ее поимке по следам на снегу, покрывавшим вал, и по пролому в тонкой настилке, прикрывающей ров.

Вася слез в ров по лестнице; убил лисицу ножом и принес домой. Пока я заделывал новым хворостом дырку в настиле и закидывал ее снегом, чтобы не возбудить подозрения в зверях, он сиял с лисы шкуру, разрубил мясо и, когда я вошел домой, уже жарил бифштекс. Но, севши завтракать, мы заметили, что мясо было очень невкусным, с каким-то странным запахом, так что решили не есть его.

– Ничего, – сказал Вася, – эта лисица все-таки не пропадет у нас даром. Я угощу ею своих любимчиков – волков. Теперь

опять зима, и они голодают, так обрадуются всякой поживе.

Чтобы не попортить настилки над рвом, мы привязали мясо к середине жерди и перекинули ее через ров так, что оно лежало как раз над замаскированными кольями.

Хотя по ночам вблизи нашего жилья раздавался вой волков, звери, вероятно, были уже несколько напуганы то стуком топоров, то звуками выстрелов, а потому до сих пор не пробовали влезать даже на вал. Но лисье мясо было слишком заманчивой поживой для обезумевших от голода волков. В эту же ночь в ров попались два матерых волка. Должно быть, они наперегонки спешили к приманке и, увидя ее с высоты рва, прыгнули к ней, но в то же мгновение провалились и попали на колья. Утром мы добили их кольями, сняли шкуры, а мясо до ночи спрятали в сарай. Нам не хотелось приваживать волков к своему жилищу днем, потому что выход из него мог сделаться опасным, если бы они вздумали осаждать нас.

А между тем ходить по лесу нам было необходимо. Мы задумали сделать у себя в доме пол, потому что голая земля была постоянно сыра, холодна и недостаточно опрятна, даже для таких лесных бедняков, как мы. Досок мы накололи еще осенью и теперь понемногу по вечерам остругивали их. Но настилать пол прямо на землю было нельзя, потому что он скоро сгнил бы, да и мало защищал бы наши ноги от холода. Поэтому мы решили настлать его на балки. Толстых деревьев, годных на балки, рядом уже не было.

Однажды день стоял морозный, ясный. В лесу было как-то торжественно светло и весело. Мы вышли из дому, надели лыжи и побежали по лесу. Стояла прекрасная погода: как-то даже не хотелось приниматься за топор, и мы, сами того не замечая, забрались очень далеко. Вася немного отстал от меня, а я несся вперед и вперед, но вдруг остановился, точно окаменелый, от смешанного чувства удивления, страха и радости…

Поперек моего пути, в глубоком снегу была протоптана довольно широкая дорожка: она, спускаясь по склону, вела к озеру.

«Неужели здесь близко жилье?» – мелькнуло у меня в голове.

– Вася, – крикнул я дрожащим голосом, – иди сюда, посмотри!

Он подбежал ко мне и, вероятно, первая мысль его была такой же, потому что он сильно покраснел.

– Ведет она к озеру, значит, надо искать жилье выше. Пойдемте! – сказал он наконец. – Идти по ней не стоит, по глубокому снегу лыжи идут бойчее. Побежим рядом с ней.

И мы быстро стали взбираться по отлогому склону. Вдруг, к величайшему нашему удивлению, дорога круто повернула почти в обратную сторону и, затем, извилины и повороты стали повторяться беспрестанно и в самых разнообразных направлениях. Мы были в большом недоумении. Можно было предположить, что в лесу жил сумасшедший чело-

век и занимался устройством этого сложного лабиринта, вокруг которого виднелось множество волчьих следов. Но вот в нескольких саженях от нас, за крутым поворотом дорожки, точно из снега выросла пара громадных лосиных рогов, за ними показалась другая и третья. Тогда мы поняли, в чем дело. Чтобы обезопасить себя от нападения волков, вроде того, которое мы видели прошлой зимой, лоси вытаптывают в снегу глубокие аллеи или дорожки, настолько твердые, что уже не проваливаются и не вязнут в снегу. А если передние ноги лося свободны и могут раздавать пинки, то ему не страшен никакой враг. Впоследствии я узнал, что зимнее убежище лосей называется «лосиным двором». Волки на горьком опыте изучили силу лося и его манеру защищаться на твердой почве.

Мне очень хотелось выстрелить в одного из этих великолепных животных, но Вася тихо позвал меня.

– Побежим скорее домой! – отрывисто сказал он и легко и ловко понесся по снегу. Он опять что-то задумал.

Придя домой, мы сели завтракать. Вася ел как-то особенно быстро. Это, впрочем, нисколько не мешало ему в это же время говорить со мной.

– Я слыхал от старого охотника, Германа, об этих лосиных дворах. Лоси боятся выходить оттуда, чтобы не провалиться в снегу. Мы можем перестрелять их всех, и чем больше их будет убито, тем упрямее будут они держаться на своих аллеях. Но нам нужно заманить их сюда, в ров. Тогда мож-

но голодом, как Робинзон коз, приручить одного из них, а потом объездить. А если бы мы и убили лося, то как же доставить его домой. Ведь нам его не снести, а лось свезет на санях хоть десяток своих братьев. Приманить же их я думаю вот как: у нас есть еще зелень с овощей. Возьмем ее с собой и пойдем к лосиному двору, только уже без лыж, а по дороге постараемся оставлять самые глубокие следы, даже утаптывать снег. Дойдя до двора, на краю его набросаем немного зелени. Возвращаясь домой по той же дороге, станем опять утаптывать ее, а по краям раскладывать пучки зелени вплоть до рва, над которым положим ее побольше. Лоси приманятся зеленью и по протоптанной дорожке охотнее станут собирать ее и подвигаться к нам, а когда ступят на настилку рва, то провалятся и уж не уйдут. Только нужно выдергать острые колья из дна, чтобы, падая, лось не напоролся.

Мы так и сделали. Дня через три колья были выдерганы в значительной части рва, настилка опять заделана и закидана снегом, а сверх него положена порядочная куча зелени. Дорожка вышла довольно узкая и негладко утоптанная, но мы очень рассчитывали на приманку.

Устроив все это, мы никуда не выходили из-за частокола, старались как можно меньше шуметь, даже дома не стругали, а принялись вить веревки. Но работалось плохо – мы беспрестанно прислушивались. Наконец, на третий день утром, когда мы вышли смотреть ров, в том месте, где лежала зелень, оказался пролом. Мы, не помня себя от радостного волне-

ния, бросились туда и увидели двух лосей. Один был большой с огромными рогами, другой безрогий, меньше ростом, но шире первого. Видно было, что они чрезвычайно перепуганы своим положением. Безрогий стоял, понуро опустив голову, а рогатый, по-видимому, пытался выбраться на поверхность, потому что задние ноги его стояли в самой глубине, а передние упирались в стенку. Но гладко обтесанные колья, которыми выстланы были обе стороны рва, представляли слишком малый упор для его тяжелого тела.

Вася первый овладел собой, отвел меня в сторону и тихо, точно боясь, что его услышат и поймут лоси, сказал:

– Этот большой, рогатый, что-то очень страшный. Его нужно будет застрелить и вытащить нашим блоком, а того, что поменьше, оставим. У него вид такой смирный. Сначала проморим хорошенько голодом, а потом станем отлично кормить его, поить и ласкать. Когда он к вам привыкнет, выведем т рва и поселим в леднике.

Я согласился с ним. Он пошел домой, зарядил двустволку пулями, возвратился ко рву, стал на колени, приставил дуло к самому лбу большого лося и выстрелил. Великан зашатался и упал. Я взглянул на второго. Сначала он заметался в страшном испуге, но, поняв всю невозможность бегства, поднял на нас такие испуганные умоляющие глаза, что мне стало невыразимо жаль его. Я пошел домой, привязал к веревке горшок с водой и пучок зелени, спустил их к лосю, а вечером набросал туда веток, чтобы он мог лечь.

Убитого лося мы со страшными усилиями вытащили с помощью блока. Это было очень трудно, потому что лось был втрое тяжелее корзины, наполненной землей. Оставить его по нашу сторону рва было совершенно безопасно, но нам непременно хотелось отвлечь внимание волков в медведей от нашего пленника, поэтому пришлось везти тушу во двор. Мы проработали над добычей почта весь день. Но хотя уже и начинало вечереть, мы старательно заложили пролом над рвом новым хворостом, а приманки разложили в большом количестве с совершенно противоположной стороны, чтобы хищные звери, почуяв близость лося, не ввалились к нашему пленнику в ров и не причинили ему вреда.

Хитрость наша удалась отлично. В ту же ночь мы поймали еще двух волков на приманку, а навес над лосем остался цел.

Три дня мы продержали пойманного лося без пищи и впотьмах под наметом. Все это время мы занимались перевозкой сена во двор, вымосткой пола в леднике и пошивом крепкого хомута из лосиной кожи.

Наконец на утро четвертого дня мы раскрыли намет над лосем. Он очень похудел за это время и, видимо, обрадовался свету. Мы спустили в ров лестницу и слезли к нему с зеленью и сеном. Лось охотно и жадно стал есть, мы накормили его досыта и повторяли это раза четыре в день. Дней через пять мы достигли того, что он радовался нашему приходу, позволял ласкать себя и даже не оказал сопротивления, когда Вася расходился до того, что сел на него верхом. Видя

такое смирение, мы решились надеть на него заранее приготовленный ошейник-хомут, поглаживая лося и ласково разговаривая с ним.

Вечером Вася сказал мне, что больше не надо кормить лося, а завтра нам нужно будет подняться чуть свет, выдернуть в одном месте колья, выстилающие стенки рва, и сделать отлогий откос, чтобы лось мог выйти по нему. До вечера все это следовало поправить и снова покрыть ров хворостом. На другое утро мы закончили подготовительную работу, спустились в ров и к хомуту привязали веревки. Став по бокам и крепко ухватившись за их концы, мы осторожно, держа перед мордой лося пучок зелени, провели его через мост во двор и ввели в ледник, пол которого заранее был выстлан мхом и ветками, а в углу лежало сено.

Когда животное освоилось на новом месте, мы стали выпускать его прогуливаться по двору, но пить и есть давали только в леднике или из рук. Оно вскоре совершенно привыкло к нам, даже оглядывалось и приходило на свою кличку. Быстроте приручения способствовали, может быть, два обстоятельства, из которых одно впоследствии приобрело для нас чрезвычайно важное значение: животное оказалось самкой, лосицей, ожидавшей появления теленка. Она в смерти своего спутника увидела нашу силу, но не озлобилась против нас, потому что после долгого и мучительного голода, мы накормили ее.

Между тем, мы исподволь приготовили большие сани с

оглоблями и сшили шлею, по мерке нашей, теперь уже не воображаемой, лошади. Когда мы освоились с лосицей до того, что могли без страха садиться на нее верхом, брать ее за морду, за ноги, за хвост, снимать и надевать хомут, то решились, наконец, запрячь ее. Это, без сомнения, было дело рискованное. Очутившись в родном лесу, она могла вспомнить все прелести свободы, разбить сани, перервать упряжь, уничтожить нас и убежать. Поэтому еще за несколько дней мы стали кормить ее все меньше и меньше, а в день испытания не дали ей ничего, так что она опять похудела и ослабела. Когда упряжка была готова, мы попробовали провести ее несколько шагов. Тяжесть и шелест саней о снег испугали было ее, но мы с Васей стали по бокам и пошли с нею рядом, в она успокоилась. Убедившись на дворе, что она поведет сани не упрямясь, мы поставили на них три котелка и поехали к озеру за водой. К великой нашей радости лосиха и по лесу шла спокойно и послушно. Пока Вася наливал воду, я стоял возле нее и поглаживал по морде. Новая тяжесть удивила ее, но она скоро с нею освоилась и благополучно довезла воду домой. После этого мы сытно накормили, напоили ее и поставили в ледник.

Вася просто торжествовал и беспрестанно шутливо упрекал меня за то, что я считал прежде приручение лося делом для нас невозможным.

– Стоит только человеку захотеть что-нибудь, подумать, да потрудиться, и он может сделать все на свете! – повторял

он свою обычную поговорку.

Глава пятнадцатая
Мы делаем свечи. Наши предположения, как нам объездить лося

Самые главные потребности наши были удовлетворены: у нас было теплое жилье и платье и вдоволь хорошей, здоровой пищи, за которой уже не нужно было гоняться по лесу большую часть дня. Поэтому мы имели много времени, чтобы заняться устройством некоторого комфорта в своем жилище. Давно задуманный пол мы настлали довольно скоро. Глина была у нас запасена еще с осени, в сарае. Часть ее пошла на выделку грузил к неводу, а другою мы обмазали внутреннюю сторону стен. Очень огорчало нас, что от копоти и дыма лучины новый пол и стены быстро почернеют, как уже почернел потолок. Поэтому мы попробовали делать свечи из воску. Его было у нас немного, не больше двух фунтов, но мы решили беречь свечи и могли сохранить их довольно долго.

Сначала мы стали делать их самым простым способом: раскатывали воск в довольно толстые длинные пластинки, ссучивали фитиль из ниток, которые выщипывали из лоскутов старой ситцевой рубашки Васи, и, завернув его в воск,

катали сделанную таким образом свечу под дощечкой. Она становилась совершенно прямой и круглой.

Но такие свечи сгорали очень быстро, оплывали и давали мало света.

– Нет, не хорошо мы это придумали, – сказал Вася. – Помните, ваш батюшка купил для рабочих на заводе пять большущих серых быков. Их велели убить и посолить, потому что рабочие любят солонину. А у нас в селе жил шорник, чинил в каретном сарае старые сани и хомуты. Как увидел он, что с быков пообрезали много сала, и стал приставать к барину: продайте его мне. Барин согласился. Я все тогда думал, что он станет делать с этим салом? Прихожу, а у него в котле растоплено сало, сам сидит над котлом и макает в него светильню. Сало к ней пристанет, он вытащит и даст остыть, а потом опять в котел обмакнет. Так он при мне сделал несколько свечей. Потом он продавал их нашим рабочим по три копейки свечку, а в городе они дороже. Теперь я так хочу попробовать. Ведь сала у нас много.

Мы, действительно, попробовали делать сальные свечи и сначала нам это нравилось, потому что они горели светлее восковых, но тоже оплывали, и, кроме того, я никак не мог примириться с их неаккуратной формой. Свечи выходили неровные, безобразные. Мне это очень не нравилось, и я придумал отливать их в форму: выбрал осиновую, прямую и без веток, палку, длиной несколько более обыкновенной свечи, и распарил в теплой воде. Когда она остыла, с одно-

го конца аккуратно срезал кору, до дерева, чтобы рука могла удобно схватиться за него, а по остальной коре стал легонько постукивать маленьким молотком. Когда на палке не осталось живого места, я взял ее в одну руку, а другой ухватился за обнаженный конец, стал осторожно поворачивать дерево и, наконец, вынул его из коры, как из футляра. Получилась пустая трубка с очень гладкой внутренней поверхностью. Теперь можно было наливать в нее сало и вдевать фитиль. Чтобы сало застывало скорее, мы выносили форму во двор и втыкали ее в снег, потом осторожно вытаскивали свечку. Васе очень понравилась моя выдумка, потому что свечи выходили очень правильные.

Обзаведясь некоптящим освещением, мы выскоблили черный потолок, вымыли пол с песком и щелоком, сплели и разостлали перед дверью толстую рогожу, чтобы вытирать при входе грязные сапоги. Мочалы у нас было много, а потому мы сделали из нее тюфяки и обтянули их хорошо выскобленной лосиной шкурой, мехом вниз. Они стали мягче и гораздо опрятнее подстилки из моха, которая постоянно рассыпалась и валялась на полу клочками. Подушки у нас были уже из перьев. Наволочки на них порядочно выносились, но Вася надеялся, что летом выделает несколько заячьих шкурок и из мягкой кожи сошьет чехлы.

Дом наш стал гораздо теплее, и спать на лежанках было уже жарко. Потому мы, хоть и с грехом пополам, сделали две кровати, переложили на них тюфяки и подушки и застлали

одеялами. Я даже теперь с удовольствием и любовью вспоминаю мою милую, хотя жесткую и далеко не удобную кровать!

Печка с ненужными лежанками стала занимать слишком много лишнего места, поэтому мы решили разломать ее летом и переложить иначе.

Не забыли мы также и о пчелах и, надеясь на роение, сделали новый улей, в виде маленького домика с внутренними перегородками, смазали их воском, а летом собирались выставить в огород и приманить пчел запахом кипящего меда.

Посуды у нас было теперь много, и мы так хорошо научились выделывать ее из глины, что она выходила довольно красивой. У нас был даже чайник с носиком, чашки и блюдечки. Если случалось долго работать на открытом воздухе в холодные дни, мы вываривали липовый цвет пополам с сушеной малиной и пили как чай. Он отлично согревал нас.

Между тем мысль о лосином дворе не выходила из ваших голов. Очень хотелось нам запастись еще несколькими шкурами, копченым мясом и сухим бульоном. Да, наконец, и самая охота была большим удовольствием. Убить нескольких лосей, которые не решаются выйти из своей крепости, не представляло никакой трудности. Все дело было в том, как доставить их домой. Если оставить убитых лосей на ночь в лесу, то их съедят волки; они могли также напасть и на нас, пока мы повезем их, а главное, мы все-таки еще не могли

вполне полагаться на кротость своей Машки. Увидев свободных родичей, она могла наделать много беды. Поэтому мы со дня на день откладывали свой поход, но почти ежедневно толковали о нем. Наконец Вася вспомнил, что лошадям завязывают глаза, когда хотят, чтобы они не испугались. Ничего не видя, они становятся кроткими и послушными.

Меня очень заинтересовало это соображение.

– Послушай, Вася, – заговорил я, – запряжем завтра Машку в большие сани, захватим ружья, пули, порох, топоры и пойдем к лосиному двору. На середине дороги завяжем ей глаза, так что она свободных лосей и не увидит. Пока стреляем, привяжем ее к дереву крепким ремнем, а чтобы к ней не пришли другие лоси, перекинем ей через спину большую рогожу – они побоятся.

– Правда ваша! Молодец вы, Сергей Александрович! Так, завтра на охоту, а теперь спать.

Глава шестнадцатая
На меня нападает медведь. Вася спасает меня. Борьба Васи с медведицей

Утром мы поднялись очень рано, почистили ружья, запрягли Машку и отправились. На половине дороги мы завязали лосице глаза. Она, видно, очень удивилась, но послушно шла дальше между мной и Васей. Недалеко от лосиного двора мы накинули на нее рогожу и привязали к дереву.

Дойдя до места, в запутанном лабиринте лосиных дорожек мы нашли шестерых лосей. Они заметили нас, но были так уверены в безопасности своего убежища, что спокойно рассматривали нас, не думая о бегстве.

Мы застрелили двух из них и постарались отогнать живых как можно дальше, потому что боялись, что они нападут на нас, потом протоптали в снегу откос, по которому могли спуститься сани с Машкой, привели ее и стали наваливать лосей на сани. Мы уже навалили одного лося и принялись за другого, как вдруг услышали шорох шагов по снегу. К нам подбегал волк с низко опущенным хвостом, с глазами, налитыми кровью. Машка стала беспокоиться. Волк подходил все ближе. Мы с Васей выстрелили враз, и он скатился в глубо-

кую аллею.

Это посещение заставило нас поспешить. Мы с неимоверным трудом завалили второго лося и повели Машку как можно скорее, боясь, что нас окружат волки. Хотя снег был глубок и тяжело нагруженные сани сильно вязли в нем, но Машка шла очень бодро. Мы добрались почти до самого дома совершенно счастливо, но в нескольких шагах от рва к нам опять пристали два волка, а за ними и целая стая. Положение становилось опасным. Волки, окружив воз, злобно и радостно скалили зубы и рычали. Машка испугалась и остановилась. В эту страшную минуту Вася вскочил на сани, схватил убитого волка, высоко поднял его над головой и сильно швырнул в стаю. Голодные, жадные звери не могли спокойно видеть, что товарищи их уже едят, а им предстояло еще бороться со мной и с Машкой, они оставили нас и бросились туда, а Вася тем временем сдернул повязку с глаз Машки. Все это произошло шагах в ста от ворот, уже на гладко утоптанной дороге. Увидя волков, Машка так быстро пробежала это пространство и втащила сани во двор, что я, несмотря на сильный страх, удивился ее резвости. Мы вбежали за ней и начали подымать мост. В это мгновение волки заметили, что упустили лучшую часть добычи, и устремились за нами. Передний успел вскочить на уже приподнятый мост и ввалился к нам во двор, некоторые попадали в ров на колья, а остальные вернулись доедать волка.

Свалившийся к нам зверь так перепугался, что сел на зад-

ние лапы, вытаращил глаза, оскалил зубы, высунул язык и сидел неподвижно. Машка сильно беспокоилась. Вася схватил топор и бросился к волку, но тот увернулся и побежал на меня, я выстрелил почти в упор, и он упал.

Мы поспешили распрячь Машку и отвести в ее спокойный ледник.

Вася предложил было влезть на забор и оттуда попугать остальных волков выстрелами, но я сказал, что пороху у нас не так много, чтобы тратить его даром. Мы убрали сани и сбрую и стали обдирать шкуру с лосей, разбирать их по частям. В этот раз мы старательно обрезали сало, и Вася даже не выбросил пузырь и кишки. Мы принялись варить сухой бульон и коптить окорока и все эти дни ели очень жирные щи и отличный бифштекс.

Однажды, придя кормить Машку, я был чрезвычайно поражен. Возле нее на подстилке лежал маленький совершенно желтый теленочек, которого она очень нежно облизывала языком. Я побежал домой, чтобы позвать Васю.

– Это хорошо, – сказал он, – теперь у нас будет молоко, масло и творог.

Мы вместе пошли в ледник.

– А этого молодца мы будем беречь и воспитывать, – сказал Вася, поглаживая теленочка. – Какой он славный!

Машка очень недоверчиво поглядывала на нас каждый раз, когда мы приближались к теленку, но потом привыкла.

С тех пор, как она отелилась, мы стали ее кормить луч-

ше прежнего. Кроме сена, воды и объедков с нашего стола мы стали специально варить для нее нечто вроде похлебки, в которую клали листья капусты, несколько вареных и протертых картофелин, брюкву или репу. Это пойло очень нравилось ей. Зато молока она давала столько, что пока мы не научились бить масло, у нас его было слишком много, и мы забеливали им пойло. О теленке нечего и говорить: он был совершено сыт и рос отлично.

Молоко мы разливали в горшки. Свежее сохраняли в сенях, потому что там было холодно, а простоквашу делали дома, сняв с нее сметану, ставили горшки в печку и получали жирный творог.

Вообще, чем дольше мы жили в лесу, чем больше трудились, тем спокойнее и роскошнее становилась наша жизнь.

Когда появлялось у нас совершенно свободное от всяких работ время, я учил Васю читать по единственной нашей книге, Робинзону, и не мог надивиться его памяти и понятливости. Вообще Вася был мальчик с редкими способностями и прекрасным сердцем. В эту зиму он еще раз спас мне жизнь.

Однажды Вася запряг Машку, чтобы съездить за водой, и попросил меня опустить мост, что я и сделал. Ничего не подозревая, я совершенно машинально взошел на мост и остановился. Меня поразило, что на противоположной стороне рва, на снегу виднелось множество громадных медвежьих следов. Я и не сообразил, что медведь провалился в ров пря-

мо против ворот и теперь был подо мною. Прежде чем я успел опомниться, из-под моста показались две громадные косматые лапы, за ними голова и наконец окровавленный зад медведя. Когда я опустил мост, он ухватился за край его передними лапами, вырвал из себя колья, взобрался на мост и яростно пошел на меня. Увидя перед собой это страшилище, я громко закричал и попятился к воротам: медведь сделал шаг вперед, точно рассматривал меня, стоя на задних лапах, почти у края моста.

В эту минуту Вася с толстой дубиной в руках прыгнул между мною и медведем и так сильно ударил его по переносице, что тот с ревом полетел опять в ров и всей спиной напоролся на колья.

Я был так испуган, что опустился на снег и зарыдал, сам не знаю отчего. Вася подбежал ко мне, стал обнимать и успокаивать меня.

– Полно, не плачьте, Сергей Александрович, ведь он вас не съел, а сам вот лежит на кольях, да издыхает.

Я мог только обнять Васю и крепко прижаться к нему. Несколько минут он сидел молча и только ласково поглаживал меня по спине, потом встал, принес мне воды, и когда я напился, стал весело рассказывать, что он намерен сделать с медведем.

Я заслушался его и забыл о своем испуге.

Весь остальной день прошел в снимании шкуры с медведя и разделке его на части.

Пока не стаял снег, мы нарубили кольев и лозы, потому что за лето хотели выстроить для Машки и ее теленка отдельный хлев, а ледник набить льдом. Прошлогодний запас оказался недостаточным для нашего хозяйства, поэтому мы решили увеличить яму. На время этих работ Машку с теленком мы поселили в сарае.

В леднике мы разобрали пол. В глубине ямы земля не замерзла, поэтому увеличить ее нам не составило особенного труда. Набить ледник было также гораздо легче прошлогоднего. Машка легко возила с озера глыбы льда, бревна и лозу для хлева.

Снег еще не успел стаять, как мы принялись за постройку, вколотили колья и заплели плетни. Мы уже не боялись потоков талой воды с вершины, потому что канава стала еще глубже от промоин и хорошо отводила ее.

Мы решили увеличить свои огородные посевы, чтобы их хватало Машке на пойло из вареных овощей. Для этого нужно было расширить плетень и навозить черной земли от озера. И то и другое нам удалось сделать вовремя, потому что самая тяжелая часть работы падала теперь на Машку. Впрочем, мы трудились от этого еще усерднее.

Как только пришло время, мы вспомнили про пчел – развязали утепление, открыли улей и почистили его, а новый, сделанный в виде хорошенького домика, поставили в огороде.

Вася каждый день бегал к липам посмотреть, не собираются ли его любимцы роиться. Однажды в июне он прибежал очень взволнованный и радостный. Оказалось, что он давно уже заманил в свой улей пчел-работниц, и тот, вероятно, очень понравился им, потому что они прилетали туда каждый день. Теперь они собираются роиться, и он был уверен, что они переселят свою матку именно к нему. Так действительно случилось, и восторг Васи поистине трудно описать.

Вообще это лето не было уже для нас временем, полным непрерывного и тяжелого труда. Мы могли уже бродить по лесу без всякой определенной цели, никуда не спеша. Во время таких прогулок я рассказывал Васе все, чему меня научили до нашего побега и что я вычитал из книг. Он слушал очень внимательно и хорошо запоминал рассказанное. К концу лета он очень основательно звал священную историю, заучил заповеди и понимал их значение. Я выучил его писать цифры на песке и безошибочно проводить над ними первые четыре действия.

И все-таки мы очень скучали до дому и часто разговаривали о том, как хорошо было бы отыскать жилье и свидеться со своими. Один раз мы даже решились отправиться очень далеко на розыски. Для Машки с теленком мы накосили свежего сена и набрали мха, захватили провиант и ружья, спустились в ров по лестнице, чтобы не открывать ворота, вылезли на поверхность, прикрыли ров хворостом и пошли.

Бродили мы опять три дня, чуть не заблудились и верну-

лись домой совершенно измученные. Машка очень обрадовалась нам.

– Нет, уж видно судьба наша такая здесь и загибнуть, – сказал Вася, бросаясь на свою кровать. – И поделом. Нечего было бежать от хорошего, да придумывать себе такую жизнь, которую должны вести только волки!

Мне было очень больно слышать это. Ведь моя дикая фантазия и мое безумное увлечение привели сюда бедного юношу.

Скрепя сердце, мы покорились своей участи и опять принялись за работы – драли липовые лубы на мочалу, собирали ягоды, грибы, липовый цвет, косили сене и делали глиняную посуду.

Но главную заботу нашу составлял огород.

Лето выдалось дождливое, пасмурное, беспрестанно поднимались бури. Сначала все взошло отлично, но потом на капусту напали червяки и страшно портили ее. Средства уничтожать их не знал даже Валя, а потому мы каждый день ходили собирать червей и потом уничтожали их.

Однажды, проходя по берегу озера, мы наткнулись на утиный выводок. Старая утка, должно быть, боялась за детей, потому что, пока я подбирал утят из гнезда, она очень смело вилась возле нас. У Васи была в руках палка. Он изловчился и так ударил ее по крылу, что она с криком упала в тростник. Вася прыгнул и схватил ее.

– Не кричи, не кричи! – уговаривал он утку. – Это не со

зла тебя ударил. Хочу, чтобы ты у нас великой родоначальницей была. Берите-ка уж заодно и гнездо, Сергей Александрович, – обратился он ко мне. – Я кое-что придумал. Чем мы не настоящие помещики? Надо и нам свой птичий двор завести.

– Ну, что-то ты, Вася, нескладное задумал, – возразил я, укладывая утят обратно в гнездо и поднимая его целиком вместе с ними, – хочешь приручить диких уток! Такого я не слыхивал.

– Если сумели мы приручить лося, так не одолеть утки будет стыдно! – возразил он самодовольно.

Мы принесли гнездо и утку домой. Вася взял ножницы, подрезал старой утке крылья и пустил ее на пол. Я же сбегал, притащил травы и несколько битых лягушек. Поближе к гнезду мы поставили два котелка с водою.

– Поживи так только денька четыре, – приговаривал Вася, обращаясь в утке, – я тебе такой дворец сострою, что сама благодарить будешь!

Оказалось, что Вася задумал сплести у озера колоссальную клетку, вернее беседку, так, чтобы один ее край стоял в воде на расстоянии, которое бы давало уткам возможность плавать, а другой выступая бы на берег настолько, чтобы они могли вить гнезда.

Я очень охотно взялся за это дело. Нам, привыкшим тяжело работать прямо на солнце, занятие в тени, на берегу озера казалось забавой. Мы притащили из дому штук десять

жердей и вколотили их в дно озера почти на полторы сажени от берега, ботом нарубили длинных побегов лозы. Прыгая на заплетенный побег обеими ногами сразу, мы заставляли его опускаться де самого дна озера и так вывели всю подводную часть совершенно плотно, выше же стали заплетать лозу на вершок одна от другой, и дело пошло очень быстро. Выводить крышу было труднее, потому что работать приходилось стоя на лестницах, которые мы сняли с крыши дома. В береговой стене беседки мы проделали узенькую дверку, вместо петель прибив куски толстой кожи. Клетка вышла чудесная. В одной половине тихо плескалась вода, в другой, лениво шелестя, темнел сочной зеленью тростник, который мы всячески старались не помять во время постройки, чтобы сохранить природные условия жизни свободной утки: над головой тихо шумело и благоухало целое море всякой зелени.

Когда мы принесли уток обратно к воде, да еще с родным гнездом, которое уютно установили в тростнике, они повеселели. Вася был очень доволен и говорил, что утки так же хорошо вынесут и зиму в теплом сарае.

Пока приходилось только ждать исполнения своих богатых надежд на птичий двор, а хлопот он прибавил нам немало. Едва ли есть на свете птица прожорливее утки. Их было у нас, считая с маткой, всего десять штук, и трудно представить, какое количество лягушек мы поставляли им ежедневно, и все оно съедалось без остатка. Правда, птенцы росли поразительно быстро и обещали стать крупнее обыкновен-

ной кряквы.

Однажды нам пришло в голову сделать плот, чтобы кататься по озеру. Мы заготовили три бревна, скрепили их между собой крепкими поперечинами, а сверху настлали досками. Садиться было нельзя, но, имея под собою три аршина плота в длину и два в ширину, мы не рисковали опрокинуться. Привыкнув безопасно разъезжать вдоль берега, мы стали отплывать от него все дальше и дальше.

До сих пор помню, какое странное и сильное чувство охватило меня, когда я в первый раз очутился на середине зеркально-зыбкого и, может быть, бездонного озера. Было и жутко и как-то весело.

Мы расхрабрились до того, что переправились на один из островов озера. Там оказались целые заросли дикорастущей малины и янтарное море морошки. Мы тотчас же наделали коробок из бересты и возвратились домой с большим грузом ягод.

Вечером мы их чистили и разбирали. Малину помельче положили в печку сушиться, а остальные ягоды на ночь, чтобы не прокисли, облили медом. На другой день Вася сварил варенье.

После нескольких посещений острова нам захотелось и еще дальше. Озеро было так, велико, что обойти его кругом нам было очень трудно, потому что на это требовалось бы три дня. Мы решили съездить на противоположный берег на своем плоту. Обогнув небольшой мысок, который острым

углом скрывал от нас половину противоположного берега, мы увидели там устье довольно широкого ручья. К нему-то мы и направились, нашли удобное место, причалили и высадились.

Местность этого берега вполне напоминала нашу. Такой же обрыв со слоями глины и песка, та же растительность. Поэтому нас больше всего заинтересовал ручей. Он бежал по глубокому, каменистому дну, местами загроможденному толстыми стволами упавших деревьев-великанов.

– Настоящее рачье место, – проворчал Вася вполголоса, пробираясь по берегу вверх по течению.

– А я уже видел рака и хотел предложить тебе половить их, – сказал я.

– Половить-то и я бы согласен, Сергей Александрович, – весело ответил мой насмешник Пятница, – да как и чем? Разве как сделал один дурак в сказке. Опустить им ногу. А вот сейчас. – Он сел на берег, снял сапог и опустил ногу в воду.

– Что ты делаешь? Ведь больно будет! – вскричал я.

– Ничего, не очень.

Мы некоторое время шутили и смеялись, но потом затихли.

– Вот! Ха, ха, ха! – вдруг расхохотался Вася и, быстро выдернув ногу, вышвырнул на берег огромного черно-зеленого рака.

– Значит, тот сказочный дурак не совсем глуп был! – продолжал он, обуваясь.

– А еще это значит, что мы на днях приедем сюда с сетками и корзинками и наловим раков, – добавил я, – пока ты чудил, я уже придумал, как это сделать.

Мы переправились на свой берег и переночевали дома, а на другой день я уже с восходом солнца мастерил рачьи ловушки, согнул два обруча и обтянул их сеткой, которую отпорол от крыла невода, так что все вместе представляло из себя нечто вроде решета с мягкими сетчатыми стенками. В местах, где раков водится много, в какие-нибудь пять-шесть минут их набирается на приманку из мяса штук десять-пятнадцать и даже больше. Ловцу же остается только достаточно быстро дернуть за веревку, чтобы верхний обруч поднялся и выпрямил сетчатые стенки решета раньше, чем раки эта заметят, иначе они все убегут, потому что плавать и двигаться в воде могут очень быстро. Особенно удачна ловля ночью, при кострах, свет которых привлекает раков издалека.

Я сделал пять таких ловушек, и в ясный, тихий вечер мы переправились на противоположный берег, чтобы там ловить раков всю ночь. Пока было светло, мы бродили по лесу и ели ягоды, а когда смеркалось, зажгли на берегу два больших костра и начали ловить раков, вытаскивая то одно, то другое решето. Еще до полуночи мы наловили их с пол-ушата.

– Вася, бросим, – предложил я, – ведь нам некуда их девать!

– И очень ошибаетесь, Сергей Александрович, – возразил он, – есть куда девать! Обжорливее наших уток нет никого

на свете. И чего мы не съедим сами, пойдет им на угощение.

Начало рассветать. Костры потухли. Сквозь пролом ущелья, по которому стремился ручей, угадывалась часть озера. Над ним непроницаемым покровом, неподвижной белой массой стоял туман. Местами заря окрашивала его розоватым отливом. Вдруг взошло солнце – туман заволновался, – его коснулось тепло живоносных лучей. Волна за волной стали исчезать седые клубы тумана, наконец, слетела и последняя дыминка, и перед нашими глазами открылось колоссальное зеркало, в которое смотрелось безоблачное небо и любовались собою прибрежные сосны и ели.

Я стоял и смотрел, как очарованный, забыв и раков и даже Васю, но тот скоро нарушил мое созерцательное настроение.

– Теперь и домой можно! Вишь, как тихо! – сказал он, затаптывая последние искры костра. – А не то все раки заснут. Когда их варят живыми, они гораздо вкуснее.

Я невольно вздохнул и стал помогать своему неугомонному и прозаическому Пятнице нагружать плот.

Едва мы добрались домой, Вася принялся в нескольких котлах варить раков, а я пошел кормить Машку и бить лягушек для утят.

Этим летом жизнь наша сложилась так, что мы могли уже доставлять себе некоторые удовольствия, но все они все-таки были чисто физические. Единственное нравственное удовлетворение приносило сознание того, что мы победили обстоятельства трудом. Мы оба заметно стали тосковать. Хотя

и бессознательно, а сказывалась потребность в обществе себе подобных, в любви к ним, в их интересах и трудах.

Часто мы по целым дням бесцельно бродили по лесу, прискивая, чем бы занять дремлющие ум и чувство. Однажды мы пошли собирать ягоды и забрались далеко от дома. Вдруг, совершенно неожиданно, среди леса, перед нами открылась довольно большая лужайка, и через несколько минут из чащи на нее вышла медведица с двумя медвежатами и хотя взрослым, но еще небольшим медведем. Мы заслышали их приближение раньше, чем увидели их. Медведицы чрезвычайно нежные матери и, пока водят своих медвежат, бывают ужасно свирепы, потому что всех подозревают в злых умыслах против своих детей. Точно не доверяя в этом деле одним своим силам, они постоянно держат при медвежатах еще взрослого медведя, который нянчит их и называется пестуном.

Мы бросили корзинки на землю и взобрались на дерево. Сначала медведи, казалось, не заметили нашего присутствия. Медвежата косолапо и неуклюже катались по земле, а мать и пестун забавляли их, тормоша зубами за животы. Но вдруг медведица увидела наши корзины, подошла к ним, обнюхала их и подозвала детей и пестуна. В несколько минут от наших ягод не осталось и помину. Мы очень охотно простили бы ей эту шалость, но ей, кажется, захотелось еще полакомиться и нашими мозгами. Она обнюхала утоптанную траву и пошла прямо к дереву, на котором мы сидели.

– Ведь она полезет к нам! – сказал Вася громко. – Если у вас ружье заряжено пулями, стреляйте.

Я выстрелил два раза, но, вероятно, от страха, или от неловкого положения на суку, один раз промахнулся совершенно, а другой ранил ее в лапу пониже плеча.

– Плохо дело! – крикнул Вася. – Ну, полезайте выше. Я встречу и угощу ее топором.

Медведица поднялась на задние лапы со злобным рычанием. Должно быть, моя пуля пробила только мясо, не затронув кости, потому что она стала сначала трясти дерево, но видя, что мы сидим крепко, полезла к нам.

Я взобрался как можно выше, а Вася спустился на толстый сук и крепко сплел ноги, вынул из-за пояса топор и сжал его в руках. Как только, медведица поднялась близко к Васе, он нагнулся и изо всех сил ударил ее топором промеж глаз. Она выпустила сук, за который держалась, и полетела на землю, ломая при падении сухие ветви. Пестун побежал было к нашему дереву, но Вася бросил в него топором и ранил в лапу, а потом выстрелил и добил окончательно. Опять я был обязан своим спасением Васе!

Мы очень сожалели, что не можем воспользоваться мясом обоих медведей, но тащить их с собой не было возможности, а поэтому мы сняли только шкуры и, поймав двух медвежат, пошли домой.

На другой день мы возвратились к этому месту, но, долж-

но быть, ночью приходили волки, потому что мяса на ободранных медведях осталось совсем немного. Впрочем, мы все-таки отрубили им головы и лапы.

Вскоре пришла пора убирать огород. Машка помогала нам, перевозя овощи к сараю. Потом пошли дожди, похолодало и, наконец, повалил снег.

Глава семнадцатая
Мы встречаем в лесу людей. Свидание с отцом и матерью

Третья зима застала нас далеко не такими счастливыми и довольными, как прошлогодняя. Правда, мы были достаточно обеспечены молоком Машки, овощами, большим запасом сухого бульона и мясом зайцев, которых опять стали ловить ящиками. Наконец, в крайности, мы могли убить медвежат и теленка Машки, мяса которых нам хватило бы очень надолго. В своей крепости мы могли вовсе не бояться хищных зверей. Но нас беспокоило то, что порох был совершенно на исходе, его осталось заряда на три, на четыре, не больше. Ходить по лесу без оружия было далеко не безопасно. Это доказывали наши частые встречи с волками и медведями. Как же теперь ездить за водой или за дровами? Каждую минуту могли собраться волки и растерзать нас, или мог прийти медведь и заломать нас в своих страшных объятиях.

Мы долго думали, чем заменить ружья. Я предложил Васе сделать пращи, – вырезать толстые палки, расщепить их с одного конца, закладывать в расщелину камень и бросать его, сильно взмахивая палкой. Но этим оружием, и то при большой сноровке, можно убить птицу, а медведя или волка удар камнем мог только еще больше разъярить.

Сказалась и другая нужда – белье наше совершенно износилось, несмотря на то, что на починку старого и пошив нового пошли все четыре простыни, которые я захватил из дому. Надевать прямо на тело плохо выделанные звериные шкуры было очень неприятно, особенно с непривычки. Ни прясть, ни ткать мы не умели, да было и не из чего.

С горя я вздумал сплести себе рубашку из мочалы. Расщепал ее очень мелко, тщательно вымыл и принялся за работу. Сделал большую тонкую рогожу, выкроил из нее рубашку, сшил, а на швах для прочности и для того, чтобы они не так нестерпимо терли тело, нашил полоски из своего сюртука, который был мне уже мал и износился до тряпок. Ворот, проймы рукавов и обшлага я также подшил сукном.

Трудно себе представить то неприятное ощущение, которое охватило меня, когда я нарядился в эту рубашку. Повсюду терло, царапало, кололо! Я хотел превозмочь себя, но выдержал только полдня, потом снял ее, положил в самую горячую воду и принялся тереть изо всех сил. Мне показалось этого еще мало, я сварил щелоку и в нем повторил стирку. После нее рубашка стала мягче, но далеко еще было ей до хорошего тонкого белья, которое я носил дома!

Вообще вся зима эта прошла для нас очень невесело. Все, что мы могли сделать для себя, было сделано, поэтому постоянно оживлявшие нас заботы и мысли были устранены. Прежде нас радовало каждое открытие, каждая выдумка – теперь ничего подобного не случалось. Прежде мы могли,

хотя и не безопасно, ходить по лесу, и движение и свежий воздух благотворно действовали на наше здоровье и расположение духа; теперь у нас не было пороху, так что даже самые необходимые выходы из крепости стоили нам немалой опасности и страха. В каждую поездку за водой или за дровами нас могли растерзать голодные волки. Война Васи с ними посредством приманок у рва, впрочем, постоянно продолжалась, и смерть каждого волка он ставил себе в немалую заслугу.

Первое время, когда нас уже не так занимала работа, я очень усердно занялся обучением Васи. Я припоминал все, что знал, и рассказывал ему, но я был учитель очень мало сведущий, а он ученик очень способный, так что запас моих познаний скоро истощился, и скука все больше и больше охватывала нас.

Особенно сильно страдал от нее Вася. Он любил работу, ему она была необходима, а теперь приходилось сидеть сложа руки. Вследствие всего этого он стал очень грустен, угрюм, даже раздражителен.

– Нет, больше не стану жить в лесу! – сказал я однажды. – Как только придет весна, захвачу с собой провизии и пойду отыскивать людей.

– Да ведь мы уж это пробовали, – печально ответил Вася, – и ничего не вышло. Пожалуй, еще заблудимся опять и лишимся даже того, что теперь имеем.

– Боже мой! Так неужели же нам вечно оставаться здесь с

волками! – сказал я почти со слезами.

Пришла, наконец, весна, и мы немного ожили. Веселее запели птицы, ярче и теплее засветило солнце. Опять можно было начать кое-какие работы.

Однажды утром я встал с каким-то чрезвычайно приятным и легким чувством на душе. Погода стояла ясная, теплая.

– Как мне сегодня весело, – сказал я Васе, – точно должно случиться что-нибудь очень радостное.

– Что с нами может случиться, – угрюмо ответил Вася, одеваясь. – Разве волк так ловко ухватит за горло, что умрешь сразу, не долго мучаясь, или удастся убежать от него – так этому радоваться еще нечего.

Я пошел в сени умываться и заметил, что воды осталось немного.

– Вася, – крикнул я, – сегодня придется ехать за водой, а то нельзя и щей сварить, да и Машку и остальное зверье напоить нечем.

– Ну вот и прекрасный случай, чтобы исполнилось ваше предчувствие, а мое предсказание.

Мы позавтракали жареным зайцем, запрягли Машку в сани, поставили на них четыре котелка и, вооружившись копьями, отправились к озеру.

Обыкновенно при этих поездках я трусил еще больше Васи, – беспрестанно вздрагивая, осматривался, прислушивался. Но сегодня мне было как-то особенно весело, и сам не

знаю, откуда нашли на меня необычайная бодрость и смелость. Я шел возле Машки, совершенно не думая о волках.

Когда мы спустились к озеру, то оба вскрикнули от радости. Машка испугалась крика и отпрянула в сторону, но мы, не обращая на нее внимания, бросились бежать на противоположный берег. Мы привыкли к лыжам и носились на них с поразительной быстротой, но в этот раз мне казалось, что я двигаюсь слишком медленно, и я все ускорял и ускорял свой бег. Вася не отставал от меня, он кричал во все горло и размахивал руками.

Дело в том, что на противоположном берегу мы увидели несколько простых крестьян и двух мужчин в военных шинелях и высоких сапогах. Все они шли на лыжах, некоторые из крестьян кроме ружей держали какие-то инструменты и большие бумаги.

Они заметили нас по крику Васи и остановились, с удивлением глядя на нас. Да и было чему удивляться. Наши огромные косматые шапки и шубы состояли из двух шкур – одна мехом вниз, другая мехом вверх, брюки и сапоги были сшиты точно так же. Мы были скорее похожи на каких-то особенных зверей, чем на людей.

– А я и не знал, что у меня в лесу водится такая дичина, – сказал один из офицеров другому, громко рассмеявшись.

– Ты кто такой? – строго крикнул он на меня.

– Я сын Александра Васильевича, – ответил я, несколько обидевшись таким резким приемом.

– Так значит вы тот самый Сережа, который убежал из дому года три назад. Наделали же вы мне хлопот! Ваш батюшка просто с ума сходил от горя и не давал мне покоя. Я тогда поставил на ноги всех лесничих, и они работали усердно, потому что тому, кто вас отыщет, батюшка ваш назначил большую награду. Но лес этот так велик, что они ничего не могли сделать. Да и теперь нас свел только случай: этот господин, – он указал на другого офицера, – инженер и поехал на изыскания. Здесь поведут железную дорогу.

Пока он говорил, инженер взял у одного из крестьян большой свиток бумаги, развернул его и пристально рассматривал. Свиток оказался картой.

– Это озеро даже не обозначено здесь, – заметил он.

– Да еще бы, – ответил другой по-прежнему громко. – Ведь я говорил вам, что это лес огромный, глухой, первобытный, можно сказать. Спасибо, что и окраины-то нанесли довольно точно, как вы и сами видели. Все говорят, что лесным офицерам рай, а не жизнь, а вот попробовал бы кто по этакой глуши почти всю жизнь постранствовать!.. Ведь одних волков…

И он что-то много и долго кричал о своей службе, ее трудностях. Как ни рад я был, увидев людей, но крикливая многоречивость и какая-то грубость этого господина мне очень не нравились… Умное, скромное, молодое лицо инженера было гораздо симпатичнее.

– Скажите, пожалуйста, господа, – приветливо обратился он к нам, не дослушав лесничего, – как могли вы просуществовать в этом лесу целых три года? Когда я непременно хотел начать свои работы так рано, господин лесничий отговаривал меня, рассказывал мне вашу историю и говорил, что вы, вероятно, умерли, но лес так велик, что не могли найти даже ваших костей.

– Рассказывать слишком долго, – ответил я, – но если вам угодно и вы не побоитесь перебежать с нами озеро, потому что лед уже не очень прочен, то мы покажем вам, как мы устроились и жили. Не бойтесь, мы возьмем вас за руки и очень скоро проведем на тот берег. У нас вы можете обогреться и отдохнуть.

– Хорошо, я пойду с вами. А вы, господа, – обратился инженер к своим спутникам, – идите по берегу кругом.

Инженер осторожно и с некоторой недоверчивостью спустился на лед, но когда мы взяли его за руки и понеслись к другому берегу, он успокоился и даже разговаривал с вами на ходу.

– С вами было какое-то животное, – сказал я, – лошадь или лось.

– Да это наша лосица, Машка, – ответил Вася, – вот она! Она испугалась, когда мы закричали, и, верно, хотела бежать домой, да зацепила санями за дерево и не может тронуться с места.

Когда мы взошли на берег, Вася отцепил Машку, налил в

котелки воды и повел домой, а я шел с инженером.

Его очень удивило наше укрепление, наши звери, наш дом, наше богатство шкурами. Мы охотно рассказывали ему историю каждой вещи. Он слушал нас очень внимательно и, наконец, сказал:

– Конечно, господа, не может быть сомнения, что убегать из дому с вашей стороны было мальчишеством. Родственники были очень огорчены. Но, попавши в лес, вы поступили очень благоразумно и много работали.

Через час пришел лесничий с крестьянами. Его также очень удивило наше жилище, и он стал грубо шутить, что отдаст меня под суд за порубку казенного леса. Впрочем, я простил ему его шутки за то, что он рассказал мне, что вся семья моя жива и здорова. Отец очень занят делами, мать сильно тосковала и даже заболела после моего побега, но теперь поправилась, потому что лечилась у лучших докторов в Петербурге. Анатолий окончил курс и скоро рассчитывает быть профессором. Старшая сестра после института занималась обучением младших, которые были теперь почти совсем большие барышни. О Васином отце он ничего не знал.

Вася между тем хлопотал, чтобы накормить всех наших гостей. С ними оказалось довольно много провизии, чаю, сахару и соли. Все это (даже самовар) возил один из крестьян на маленьких санях. Из наших запасов с их приправами Вася состряпал превосходный обед. И Боже мой, как вкусны показались нам соленые кушанья.

Все, не исключая и лесничего, остались очень довольны нашим угощением.

Пообедали мы сытно и весело, потом напились чаю и рано легли спать, условившись рано встать, поесть, уложиться и чуть свет отправляться домой.

– Только вот в чем дело, – сказал Федор Федорович, – забрать с собой все ваши меха у нас нет возможности. Ваша ручная лосиха с теленком и медвежонок тоже не малые редкости. Бросить здесь все на произвол судьбы было бы жаль. Да, наконец, может быть, ваш батюшка захочет посмотреть на ваше жилье. Я отметил озеро на карте и охотно проведу его сюда опять. Но лучше было бы оставить здесь сторожа до тех пор, пока батюшка ваш не решит, как со всем этим быть.

– Так ступайте домой, Сергей Александрович, – сказал Вася, – а я побуду пока здесь. Только скажите моему отцу и матери, что я жив и здоров и прошу у них прощения.

– Хорошо, Вася, только одному вам остаться здесь нельзя, – сказал Федор Федорович. – Ребята, – обратился он к рабочим, – не побудет ли кто из вас здесь с ним? Через неделю я приду сюда опять и хорошо заплачу сторожу.

– Я останусь, – сказал здоровый молодой парень.

– Ну вот и прекрасно. Мы оставим вам соли, пороху, чаю, сахару. Ложитесь спать, а я поищу самую ближнюю дорогу до какого-нибудь селения.

Он разложил на столе карту и стал заниматься, отмеряя что-то циркулем и ведя подсчеты на бумаге. Перед ним ле-

жал компас. Наконец он с довольным лицом встал из-за стола.

– Вы еще не спите? – спросил он меня. – Напрасно. Можете спать спокойно и видеть прекрасные сны. Завтра до сумерек мы будем в ближайшей деревне, а утром после завтрака вы увидите вашу семью.

Но вместо того, чтобы выполнить его благоразумный совет, я до рассвета пролежал с открытыми глазами. Мне не спалось. В голове у меня так и роились самые разнообразные мысли. То думалось, что скажет отец, как примет меня мать, как удивятся сестры. То приходили на память слова Васи… «Правда, правда, – думал я, – здесь мы были ничем не лучше волков. Нужно много работать, много учиться, чтобы наверстать задаром прожитые три года. Надо выучиться, трудиться и для других – надо стать человеком».

Очень рано, еще до рассвета все встали, напились чаю, поели, разделили провизию, взяв с собой пищи только на один день, а остальное оставили Васе и его товарищу.

Когда все было готово, я подошел к своему другу проститься и не мог удержаться от слез. Я обнял его и заплакал. У Васи у самого были слезы на глазах и сильно дрожал голос, но он старался успокоить меня и далее подсмеивался над моей чувствительностью.

– Полноте, Сергей Александрович, – говорил он сквозь слезы, – ведь не на век мы прощаемся. Через неделю свидимся, а там что Бог даст.

Я взял с него слово быть очень осторожным, и мы отправились.

Федор Федорович шел впереди, часто поглядывая то на карту, то на компас. До начала сумерек мы действительно добрались до какой-то деревни.

Встретивших нас крестьян очень удивлял мой волчий наряд, а рассказ о моей жизни в лесу, видимо, внушал им участие и, право, не знаю, это ли чувство, или громкое покрикивание лесничего заставило их очень быстро снарядить для нас крытые сани, тройку бодрых лошадей и лихого кучера. Мы тотчас же отправились в путь, три раза ночью меняли лошадей и на рассвете въехали в наше село.

Оно во многом переменилось, но я тотчас узнал его, отчасти по сильному биению моего сердца.

Федор Федорович сказал, что мое внезапное появление, да еще в волчьем костюме, может слишком сильно взволновать моих родителей, а в особенности мать. Поэтому мы не подъехали к дому, а остановились у конторы и вошли туда.

Федор Федорович послал сказать отцу, что приехал инженер и желает видеть его по очень важному делу. Меня спрятали в большой шкаф с бумагами.

Вскоре вошел отец. Я смотрел на него сквозь замочную скважину. Он очень постарел, в черных волосах его блестело много седых волос.

– Что это вам вздумалось не ко мне в дом, а забраться сюда? – приветливо спросил он Федора Федоровича, пожимая

ему руку.

– Александр Васильевич, – просто сказал он, – что сказали бы вы, если бы кто-нибудь нашел вашего Сережу?

– Я этому не поверил бы, – спокойно ответил отец. – Он пропал очень давно, я употребил все средства разыскать его – и все напрасно.

– А если он здесь? – настойчиво и радостно допрашивал Федор Федорович.

– Это быть не может! Где он? – дрогнувшим голосом сказал отец.

Я не выдержал, забыв все, выскочил из шкафа, бросился к нему на шею. Он обхватил меня руками, поднял как ребенка, несмотря на мои семнадцать лет, только один раз глянул мне в лицо и, не говоря ни слова, понес в другую комнату, которая называлась «хозяйским кабинетом».

Там он посадил меня на диван, обнял, целовал и плакал.

– Ну, слава Богу, – прошептал он наконец. – Надо сказать матери. А чуть было ты не убил ее, бедную. Сергей, грех тебе. Ну, да Бог простит! Спасибо, что воротился. А вырос-то как! Да и каким медведем нарядился.

Теперь только я понял, как глубоко и нежно любил меня мой всегда суровый и занятой отец.

Несколько успокоившись, мы вышли в контору, Федор Федорович коротко рассказал отцу все, что узнал обо мне.

– Ну, а где же тот чудак, твой Вася? – спросил отец.

– Остался пока в лесу, – ответил я. – Он просил передать

его отцу поклон и выпросить за него прощение.

– Нужно будет его оттуда достать поскорее. Иван без памяти обрадуется. Ну, да об этом после; теперь пойду к матери, а тебе пришлю сюда сестер, чаю и завтрак. Извините, господа, – раскланялся он с инженером и лесничим.

Прибежали сестры. Они действительно были теперь почти взрослые девушки. Старшую я даже не узнал. Несколько минут мы дичились друг друга, но вот принесли чай и завтрак, и при умном содействии Федора Федоровича завязался общий разговор. Они то угощали, то расспрашивали меня. Я, разумеется, отвечал очень охотно. Через полчаса добрые сестренки целовали и обнимали меня, слушая рассказ о моих трудах и лишениях, а младшая расходилась до того, что надела на голову мою грубую тапку, схватила линейку и стала представлять, как убила бы любого волка и медведя.

Наконец вошел отец. Глаза его покраснели от слез, но лицо было счастливое, светлое.

– Ну, Сергей, я предупредил мать, пойдем к ней. А вы, молодые хозяйки, останьтесь здесь, займите пока гостей.

Я не стану описывать своей встречи с матерью, потому что разве можно рассказать словами то, что чувствует человек, снова найдя лучшее украшение лучшей поры своей жизни? Я думал, что уже никогда не увижу ее, а вот она была возле меня, живая и здоровая, по-прежнему ласковая и нежная. Она плакала вместе со мной, она обнимала и целовала меня!

Глава восемнадцатая
Возвращение к прежней жизни. Заключение

Мой волчий костюм очень поражал мать, и добрая няня разыскала платье брата Анатолия, который из него вырос. Меня подстригли, вымыли, переодели, и я опять принял вид цивилизованного человека. Впрочем, руки мои долго не могли освободиться от загрубевшей кожи и глубоких шрамов.

Переодеваясь, я признался няне, что захватил с собой ее рабочий ящик.

– Я так и подумала, – ответила она, – и хоть журила тебя за то, что ты сбежал, а сама подчас до слез жалела, что там не было чего-нибудь получше! Ну, да слава Богу, что он тебе пригодился. А Васька-то, Васька каков, а еще мой племянничек. Помогать ребенку такие дела делать!

Я рассказал ей, что причиной побега был я сам, что Вася умный, честный и добрый юноша, что он несколько раз спасал мне жизнь, не жался своей собственной. Она слушала меня со слезами и заранее примирилась с Васей. В этот же самый день я сказал отцу, что намерен много заниматься, чтобы наверстать упущенное время, и прошу его помочь мне.

– Это ты хорошо задумал, Сережа, ответил он ласково. Но

самому мне учить тебя не приходится. И отстал я от науки, и некогда мне. Я напишу Анатолию, чтобы он тебе приискал в Петербурге учителя из студентов, и пошлю денег на книги. Ты ведь еще гимназический курс должен проходить.

На другой день отец вместе с Федором Федоровичем и лесничим уехал посмотреть на мою крепость и привезти оттуда Васю. Мать решительно объявила, что ни с кем и ни за что не отпустит меня в лес, и я остался с нею.

Отец возвратился через четыре дня и привез Васю. Я обрадовался ему, словно не видел несколько лет. Старый Иван простил его и радовался его возвращению так же сильно, как мои родители.

Недели через три приехал учитель, молодой студент Технологического Института. Он начал занятия со мной очень усердно, а мне так хотелось вознаградить задаром прожитое время, что я нанимался целыми днями. Осенью родители решили отправить меня в Петербург, где бы я мог частным образом продолжать свои занятия. Отец сам отвез меня туда и поместил на житье в одном семействе. Окончив гимназический куре, я поступил в Технологический Институт. Родители давали мне средства посещать всевозможные заводы, фабрики и производства, так что, изучая дело по учебникам, я мог изучать его и на деле. Поэтому учение мое шло очень успешно.

Я проводил каждое лето дома, там виделся с сестрами, матерью, отцом и Васей, который попросил отца моего принять

его на завод сначала простым рабочим, а потом повышать, смотря по тому, насколько он узнает кожевенное дело. При его природном уме, наблюдательности и любви к работе повышение его шло очень быстро.

В первые же каникулы я с радостью узнал, что отец, после нашего возвращения из лесу, поселил в нашей крепости сторожа, который стерег ее и кормил Машку, а потом обратился к казне с просьбой продать ему возле озера участок леса, на котором стояло наше жилище. На другой год я узнал, что лес остался за отцом, и что рядом с нашим жильем он начал уже строить большой кожевенный завод, потому что здесь была близко вода и все нужные условия, а главное, за озером проходила железная дорога.

Я отправился туда и удивился. Теперь не было и помину прежней глуши. Крепость наша стояла нетронутая, но вокруг нее выросло несколько деревянных домиков. В них жили рабочие. Одни из них рубили и расчищали лес, другие делали кирпичи, третьи сравнивали откос горы. Из-за озера тоже слышались песни и стук топоров: там Федор Федорович проводил участок железной дороги.

Когда я кончил курс, отец передал управление новым заводом мне. Я сделал много перемен. У меня есть отдельная школа, а при ней большая мастерская для учеников; есть большой зал, в котором собираются рабочие в свободное время, пьют за дешевую плату чай и разговаривают о своих делах. Возле него есть комната, в которой хранятся хорошие,

простые и понятные книги. Сначала все это мне стойле значительных издержек, но теперь все они вознаградились сторицею, потому что каждый из рабочих знает свое дело, понимает необходимость моих требований и охотно исполняет свои обязанности. На заводе у меня всегда порядок и чистота. Главный управляющий, помощник, друг – мой Вася. Я горжусь дружбой с этим умным, честным и добрым человеком. Мы почти не разлучались с ним всю жизнь. Теперь мы оба почти старики и надеемся прожить в дружбе до самого конца.

Брат Анатолий постоянно живет в Петербурге. Из него вышел хороший ученый. Опрометчивость моей юности не допустила меня до этого счастья. Но тем с большим усердием тружусь я в своем маленьком муравейнике. Никто не должен стыдиться небольшого поля своей деятельности. Пусть всякий, не жалея труда и усилий, старается сделать как можно больше добра, не разбирая, где оно делается!